

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С СЕМАНТИКОЙ ВКУСОВОГО ВОСПРИЯТИЯ
В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ
СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ?

РОМАН БЕРНАРДЕНА ДЕ СЕН-ПЬЕРА «ПОЛЬ И ВИРЖИНИ»:
ФЕНОМЕН ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

МОТИВЫ ВОДЫ И ОГНЯ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ
Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

2020 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»:**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н. А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В. В. — д.филол.н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И. А. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л. Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А. В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В. А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н. М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2020. — № 5. — 134 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V.V. Ledeneva – Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Koposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2020. – № 5. – 134 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Балацкая Ю. Ю.</i> Фазовая парадигматика русских глагольных фразеологизмов.	6
<i>Воронина Л. В.</i> Вопросы релевантности референта и референтного выражения антецедентно-анафорического комплекса, реализующего семантику цели в политическом дискурсе.	16
<i>Григорьева О. Н., Цзян Н.</i> Слова с семантическим компонентом 'город' в повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной»	26
<i>Куличева Е. В.</i> Вербализатор <i>дети</i> концепта <i>детство</i> в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье»	34
<i>Ли Цинь.</i> Косвенные речевые тактики отказа от ответа и способы их реализации.	43
<i>Лю Цзоянь.</i> Метафоризация лексических единиц с семантикой вкусового восприятия в китайском и русском языках.	51
<i>Моспанова Н. Ю.</i> Эпитет как одна из особенностей идиостиля А. К. Толстого	63
<i>Норман Б. Ю.</i> Эмоциональные смыслы синтаксических моделей?	74
<i>Онипенко Н. К.</i> Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных интернет-текстов.	83
<i>Юдина Н. В., Ковалева Т. А.</i> Современная языковая политика Российской Федерации в оценке носителей русского языка XXI века	91

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Литвиненко Н. А.</i> Роман Бернарден де Сен-Пьера «Поль и Виржини»: феномен эстетической переходности	100
<i>Павлова И. Б.</i> Мотивы воды и огня в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» ...	109
<i>Хомяков С. А.</i> Композиционная организация поэтического сборника «Белая стая» А. А. Ахматовой	121

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИИ

<i>Бурмистрова С. В.</i> «Дело, взятое из души...»: о новой книге профессора В. А. Воропаева.	128
---	-----

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Щедрина Н. М.</i> К 100-летию со дня рождения Фёдора Абрамова	131
---	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTIC STUDIES

Yu. Balatskaya. Phase Paradigmatics of Russian Verbal Phraseological Units.	6
L. Voronina. Questions Of The Relevance Of The Referent And The Referent Expression Of The Antecedent-Anaphoric Complex That Realizes The Semantics Of The Goal In Political Discourse.	16
O. Grigorieva, N. Tsyzyan. Words with a Semantic Component 'City' in the Story "House on the Embankment" By Y. Trifonov.	26
E. Kulicheva. Verbalizer Children of the Concept of Childhood in F. Vigdorova's "Family happiness"	34
Li Qin. Indirect Speech Tactics of Refusal to Answer and Methods of Their Implementation ..	43
Liu Zuoyan. Metaphorization Of Lexical Units With The Semantics Of Gustatory Perception In Chinese And Russian.	51
N. Mospanova. The Epithet as One of the Features of A. Tolstoy's Idiosyncrasy.	63
B. Norman. Emotional Meanings Of Syntactic Models?	74
N. Onipenko. Semantics of Causative Emotives and Their Functions in the Headlines of Modern Internet Texts.	83
N. Yudina, T. Kovaleva. Modern Language Policy of the Russian Federation in the Assessment of Russian Speakers in the 21 st Century.	91

SECTION II. LITERARY STUDIES

N. Litvinenko. Bernardin de Saint-Pierre's Novel «Paul and Virginie»: The Phenomenon of Aesthetic Transitivity.	100
I. Pavlova. Motives of Water and Fire in the Epic novel by L. Tolstoy "War and Peace"	109
S. Khomyakov. Compositional Organization of the Poetry Collection "White Flock" by A. Akhmatova.	121

SECTION III. REVIEW

S. Burmistrova. "A Craft Taken from the Soul ...": About the New Book of Professor V. Voropaev.	128
--	-----

SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE

N. Shchedrina. To The 100 th Anniversary Of Fyodor Abramov's Birth.	131
--	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-6-15

ФАЗОВАЯ ПАРАДИГМАТИКА РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Балацкая Ю. Ю.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4, Российская Федерация

Краснодарский университет Министерства внутренних дел России

295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. академика Стевена, д. 14, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Описать проявления имплицитной категории фазовости, реализуемой глагольными фразеологическими единицами в контекстах; построить фазовую парадигму и сравнение фазовых характеристик конкретного фразеологизма с глаголом, являющимся его стержневым компонентом.

Процедура и методы исследования. Использованы метод исследования словарных дефиниций, метод компонентного анализа, приём подстановки и семантического толкования. Теоретической базой является теория фазовой парадигматики русского глагола, материалом – русские глагольные фразеологизмы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что глаголы в русском языке, обладающие фазовой валентностью и фазовой парадигматикой, сохраняют в меньшей степени эти грамматические свойства в составе глагольного фразеологизма. Фазовая парадигма глагольной фразеологической единицы редко бывает полной, в отличие от аналитической фазовости, которую фразеологизм с глаголом несовершенного вида легко реализует в сочетаниях со всеми фазовыми глаголами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Полученные результаты могут использоваться в лексикографической практике для более полного описания глагольных фразеологизмов.

Ключевые слова: русский глагол, фазовость, глагольные фразеологизмы, фазовая парадигма

PHASE PARADIGMATICS OF RUSSIAN VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS

Yu. Balatskaya

Crimean Federal University Named after V. I. Vernadsky

4, Prospect Vernadskogo, Crimea, Simferopol 295007, Russian Federation

Crimean Branch of Krasnodar University of the MIA of Russia

14, ul. Academician H. H. Steven, , Republic of Crimea, Simferopol, 295053, Russian Federation

Abstract.

Aim of the article is to describe the manifestations of the implicit phase category that is implemented by the verbal phraseological units in the contexts; the phase paradigm construction and the phase characteristics comparison of a particular idiom and a verb, which is its central component.

Methodology. The research uses dictionary definitions, the method of component analysis, the method of substitution, and semantic interpretation. The theoretical basis is the theory of the phase paradigmatics of the Russian verb; the material is Russian verbal phraseological units.

Results. It is proved that verbs in Russian with phase valence and the phase paradigmatics, to a lesser extent, save these grammatical properties in verbal phraseological units. The phase paradigm of verbal phraseological units is rarely complete as opposed to the analytical phaseness. The verbal phraseological units with the imperfect verbs are easily implemented in combination with all phase verbs.

Research implications. The article summarizes the material on the research topic. The results obtained can be used in lexicographic practice for a complete description of verbal phraseological units.

Keywords: Russian verb, phase, verbal phraseological units, phase paradigm.

Введение

В современной лингвистике актуальными представляются междисциплинарные исследования, наша работа находится на стыке лексикологии и морфологии, т. к. объединяет русскую фразеологию и аспектологию.

Теоретической базой исследования являются имплицитная морфология и **теория фазовости** глагольного процесса О. М. Соколова [6; 7], имплицитная аспектология и **теория фазовой парадигматики русского глагола** Е. Я. Титаренко [9; 10]. Материалом исследования послужили глагольные фразеологические единицы (далее – ГФЕ), собранные методом сплошной выборки из словаря [12] в количестве 4180 единиц.

Целью работы являются описание проявления имплицитной категории фазовости, реализуемой ГФЕ в контекстах, построение фазовой парадигмы и сравнение фазовых характеристик конкретного ГФЕ с глаголом, являющимся его стержневым компонентом. В работе использованы методы исследования словарных дефиниций, метод компонентного анализа, приём подстановки и семантического толкования.

Лексико-грамматическая категория фазовости

Фазовость, по О. М. Соколову, – это не выделение одной из фаз процесса, а «отношение неограниченного пределом процесса к его началу или завершенности» [6, с. 104]. Сторонники этой теории рассматривают фазовость «как продукт отноше-

ния, когда действие носит либо допредельный характер (отношение процесса к его завершенности), либо послепредельный (отношение реализованного предела к последующему процессу)» [6, с. 104–105].

Представители школы О. М. Соколова, к числу которых относится и автор статьи, воспринимают фазовость как лексико-грамматическую категорию (далее – ЛГК), имеющую полевую структуру, ядро которой составляют аналитические и синтетические глагольные формы [6; 7]. Аналитическими формами глагола, выражающими фазовость, являются, по мнению Е. Я. Титаренко, сочетания фазовых глаголов с инфинитивом НСВ, такие как *начал / стал возражать; перестанет говорить; продолжает петь; закончат рисовать* и т. д. (см. об этом в [10]). Синтетически фазовые пределы передают глаголы СВ (*запел = начал петь; договорил = кончил говорить* и т. п.). При этом в большинстве случаев фазовость является имплицитной, неявной, сопутствующей основному лексическому значению глагола. Например: *нарисовал картину* – значит, достиг результата рисования и вместе с тем закончил процесс. Здесь внутренний предел действия совпадает с фазовым пределом.

В основе фазовости как лексико-грамматической категории «лежат причинно-следственные отношения, возникающие при сопоставлении неограниченной процессности с ее ограничением пределом: начало – процесс, процесс – его исчерпанность, которые нередко осложняются множеством сопутствующих лексических признаков.

Во всех случаях с тем или иным лексическим значением сопряжено и фазовое значение, выступающее как инвариантное» [11, с. 99].

Таким образом, фазовые отношения проявляются в сопоставлении глагола несовершенного вида (далее – НСВ), называющего процесс, с его коррелятом или дериватом совершенного вида (далее – СВ), называющим фазовый предел. Теория фазовости и фазовой парадигматики **глагола** описаны в трудах лингвистов [6; 7; 9; 10; 4; 8 и др.]. Эти авторы выделяют следующие типы фазовых отношений: начинательно-процессные (*заговори́ть* – *говори́ть*), процессно-ограничительные (*говори́ть* – *поговори́ть*), процессно-завершительные (включая результативные; финитивные: *говори́ть* – *отговори́ть*, *договори́ть*, *сказа́ть*) и однократно- / многократные (*говори́ть* (*слова*) – *проговори́ть* (*слово*)). В результате деривации у глаголов образуется особого рода словообразовательное гнездо – фазовая парадигма [9; 10].

В нашей же статье рассматриваются ГФЕ, которые, как отмечается в научной литературе [2], сохраняют различные морфологические категории глагола. В ходе нашего исследования в глагольных фразеологизмах были обнаружены и другие аспектуальные категории, имплицитные, в частности, категория фазовости [1].

ГФЕ, функционируя в различных дискурсах, проявляют деривационную и фазовую валентность, т. е. в качестве стержневого слова встречаются дериваты исходного глагола, в результате чего возникают варианты ГФЕ, часто не фиксируемые словарями. Носители языка употребляют эти дериваты для того, чтобы ярче выразить те или иные смыслы, и в том числе (имплицитно) – фазовые пределы. Например, в «Фразеологическом словаре русского литературного языка» есть ГФЕ «*плясать под дудку*» [12, с. 475], а в речи носителей языка встречаются и такие его варианты, как «*заплясать под дудку*» (имплицитная сема ‘начать’), «*поплясать*

под дудку» (имплицитная сема ‘какое-то время’), «*сплясать под дудку*» (имплицитная сема ‘один раз’), «*отплясать под дудку*» (имплицитная сема ‘кончить’).

Глагол в изолированном употреблении может выражать фазовость аналитически – сочетанием с фазовыми глаголами: *начи́нать* / *ста́ть* / *приниматься* / *бро́саться* **воплоща́ть** (начало процесса), *продолжа́ть* / *не прекра́щать* / *не перестава́ть* **воплоща́ть** (продолжение процесса), *заканчи́вать* / *заверша́ть* / *прекра́щать* **воплоща́ть** (окончание процесса). Т. В. Ларина описала выражение фазовости устойчивыми глагольно-именными сочетаниями [4]. Анализ нашего материала показывает, что ГФЕ с глаголами несовершенного вида тоже употребляются в сочетании с фазовыми глаголами, и следовательно, обладают аналитическими фазовыми парадигмами. Например: *Кни́га о том, как нача́ть жи́ть своим умом* (начало процесса) (В. Макулов); *Вре́мена изме́нились, и Старо́дум поки́нул дво́р, чтобы́ продо́лжать жи́ть своим умом* (продолжение процесса) (И. Сухих); ... *чтобы́ изба́виться от самоуби́йств, лю́ди долж́ны перестать́ жи́ть своим умом* (окончание процесса) (А. Мелихов).

Реляционная фазовость проявляется при сопоставлении глаголов разного вида, состоящих в мотивационных отношениях на первой ступени словообразования. Полная фазовая парадигма глагола НСВ, например, глагола *жи́ть*, имеет следующую структуру [9, с. 226] (табл. 1).

«В этой схеме исходный глагол находится в центре, а вокруг него в соответствии с направлениями фазовости, обозначенными стрелками, располагаются ЛСВ производных глаголов в следующем порядке: начинательные – слева, завершительные – справа, ограничительные – внизу, одно- / многократные – вверху» [9, с. 112]). Фазовые отношения показаны стрелками.

ГФЕ, как показывает наше исследование, тоже обладают реляционной фазовостью и могут иметь фазовые парадигмы, хотя и менее многочисленные.

Таблица 1 / Table 1

Полная фазовая парадигма глагола *жить* / Complete phase paradigm of the verb *zhit'*

выжить 1(1)	→	жизнеть	→	дожить
зажить 3		↑↓		зажиться
обжить		ЖИТЬ		изжить
ожить (2)		↓		нажить
разжиться (1)		выжить 1(2)		отжить (1, 2)
сжиться		пережить (5)		пережить (1 - 4)
ужиться		прожить (1,2)		прижить
		отжить (3)		прожить (3)
		пожить		сжиться
				ужиться

Отношения фазовости

Для того, чтобы определить фазовые отношения между ГФЕ, необходимо их сопоставить: если одна называет действие, процесс или состояние (стержневой компонент-глагол НСВ), то вторая – определенную фазу этого действия, процесса или состояния (стержневой компонент-глагол совершенного вида (СВ)). Обязательным условием при этом является прямая мотивационная связь стрержневых глаголов (либо супплетивизм видовых пар).

Для определения фазовости Е. Я. Титаренко рекомендует «прибегнуть к семантическому толкованию, используя приемы подстановки «семантических формул» [9, с. 105, 119–120]. А именно:

– «делал, делал и наконец сделал» – для процессно-финитивных (результативных) отношений, например, **грызть гранит науки** → **сгрызть гранит науки**: «Грызть гранит науки молодыми зубами» – это не только долг: это и наслаждение, и потребность ... (Н. Устрялов) → И надо приложить немало усилий и **сгрызть «гранит науки»**, чтобы стать высококлассным специалистом¹;

– «сделал и теперь делаю (продолжаю делать)» – для начинательно-процессных отношений, например, **валом повалить** → **валом валить**; **забить ключом** → **бить ключом**: Сначала попросила разрисовать

футболку одна подружка, потом другая, а потом народ просто **повалил валом**. (И. Щеглова) → Через мост **валом валили** беженцы (М. Бубеннов); Мы вдруг увидим, как **забьёт ключом** колоссальная энергия ... (А. Андреев) → Это, конечно, вполне естественно – народ был, молодой, а энтузиазм **бил ключом** (И. Шкловский).

– «делал (был в состоянии) какое-то время» – для процессно-ограничительных отношений, например, **жить своим умом** → **пожить своим умом**; **точить язык** → **поточить язык**, **плясать под дудку** → **поплясать под дудку**: – Каждый хочет **жить своим умом**... (В. Вересаев) → Раз, один только раз в жизни он попробовал **пожить своим умом** ... (Ф. Достоевский); – Ну, будет вам **языки точить!** С молитвой ешь-те! – этот обычный окрик не произвел бы нужного действия (Ф. Гладков) → Она тяготилась одиночеством, отсутствием соседей, с которыми так сладко **поточить язык** (Ю. Нагибин); Она выходит на подмостки не для того, чтобы **плясать под чужую дудку** (Г. Бурков) → Расти и вырастай, если можешь, и заставь вон тех господ хороших **поплясать** под свою **дудку**, – сказал он (Г. Андерсен).

Особый вид фазовых отношений, по теории О. М. Соколова, – отношения единичности / повторяемости действия: **болтать языком** ↔ **болтнуть языком**; **трепать нервы** ↔ **трепануть нервы**. Например: Ничего ты не можешь – зря только языком **болтаешь** (М. Горький) ↔ А клеветник про-

¹ Скульптура "Гранит Науки" (The Sculpture "Rocket Science") // RuTraveller: [сайт]. URL: <https://www.rutraveller.ru/place/62820> (дата обращения: 12.05.2020).

сто **языком болтнул** – и всё! (Д. Быков); Но **месяцами отнимать у тебя время и *трепать нервы* ему по силам** (Е. Рубин)¹ ↔ ... **чтоб не скучно было жить, решила всем остальным *нервы трепануть*** (Д. Бренда).

Таким образом, фазовая парадигма глагола «может быть полной (четырёхсторонняя) либо неполной (одно-, двух-, трёхсторонняя). Полная фазовая парадигма включает как минимум 5 членов (лексем), считая исходный глагол, и все направления фазовости. Минимальная парадигма состоит из двух лексем» [9, с. 172]. Глагольный фразеологизм имеет фазовую парадигму такой же структуры.

Фазовая парадигматика глагола и фразеологизма

Рассмотрим специфику работы с фазовой парадигмой на примере ГФЕ «**трепать нервы**», которая имеет значение «предельно расстраивать, заставлять нервничать кого-либо» [12, с. 689]. «Словарь русского языка» даёт эту ГФЕ как «**трепать (или мотать и т. п. нервы) кому.** – заставлять кого-либо нервничать, мучить, изводить»². В «Словаре русского литературного языка» есть вариант ГФЕ «**потрепать нервы**» со значением «заставить кого-либо поволноваться, побеспокоиться»³. Оба словаря фиксируют вариант «**истрепать нервы**» – «приводить нервную систему в состояние расстройства, истощение»⁴.

Глагол **трепать** является многозначным: имеет, по МАС, 8 лексико-семантических вариантов, однако ни один из них он не реализует во фразеологизме «**трепать нервы**». Известно, что «фразеологическое значение шире других значе-

ний, имеет большую образность, высокий экспрессивный потенциал» [3, с. 93–94]. Таким образом, стержневой компонент – глагол **трепать** употреблен в метафорическом смысле и имеет связанное значение, что характерно для фразеологических единств.

Глагол **трепать** обладает высокой словообразовательной и фазовой валентностью: в его фазовую парадигму входит 19 дериватов (**растрепать, перетрепать, оттрепать** и др.). Однако не все они функционируют в речи как стержневые глагольные компоненты ГФЕ «**трепать нервы**». В нашей картотеке собраны примеры (более 500) употребления данного фразеологизма с глаголами **встрепать, протрепать, потрепать, дотрепать, истрепать, вытрепать, затрепать, трепануть (трепнуть)**. Все эти варианты ГФЕ зафиксированы и в БАС⁵. Широкое употребление вариантов ГФЕ с производными от исходного глагола дериватами СВ, такими как **встрепать нервы, истрепать нервы, трепануть нервы** и т. п., свидетельствует, на наш взгляд, о высоком «креативном потенциале» глагольных фразеологизмов [5].

ГФЕ «**трепать нервы**» реализует все направления фазовости **аналитически**, т. е. выражает фазовые значения начала, продолжения и завершения процесса в сочетании с фазовыми глаголами. Например:

– **начальная фаза процесса: А то *начнет трепать нервы*, когда стоишь на условной нейтральной полосе, на самом видном месте ...** (Д. Ковшуля); **А уже через пару месяцев он нашел молодую женщину, которой *стал трепать нервы*** (Н. Петров);

– **продолжение: Есть ли смысл *продолжать трепать друг другу нервы*?⁶; Когда в Петербурге ветер уже позволил спокойно вздохнуть, в Ленинградской области по-**

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 12.05.2020).

² Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988.

³ Словарь современного русского литературного языка / глав. ред. В. И. Чернышев. М., Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950–1965.

⁴ Словарь современного русского литературного языка / глав. ред. В. И. Чернышев. М., Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950–1965.

⁵ Словарь современного русского литературного языка / глав. ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950–1965.

⁶ Есть ли смысл продолжать трепать друг другу нервы? // Душевные советы: [сайт]. URL: <https://psy-help.com/6220> (дата обращения: 12.05.2020).

рывы **продолжали трепать нервы** спасательным службам¹;

– **конечная фаза процесса**: Кризис в разгаре и не собирается **заканчивать трепать нервы**²; Необходимо **прекратить трепать нервы** людям, что их возьмут и снесут (А. Ткачук).

Таким образом, ГФЕ **трепать нервы**, как и собственно глагол **трепать**, обладает аналитической фазовой парадигмой.

Рассмотрим более сложную парадигматику фазовости анализируемого глагола и ГФЕ. Глагол, с учётом всех восьми ЛСВ, обладает полной четырёхсторонней фазовой парадигмой. В этой парадигме имеется и начинательно-процессная фазовость: **встрепать** → **трепать** (флаг ветром).

Между ГФЕ **трепать нервы** и его вариантом **встрепать нервы** проявляются другие отношения фазовости, сравним: – Местные экзекуторы были весьма искусны **встрепать нервы** ('один раз') любому (С. Сазонов) ↔ И философ Монтень **трепал нервы** ('постоянно, всегда') своими циничными рассуждениями (Э. Шим)³. Это одно- / многократные фазовые отношения.

Глаголы **потрепать** в значении «трепать некоторое время»⁴ и **протрепать** (в сочетании с лексическим показателем периода времени) выражают процессно → ограничительные отношения в сопоставлении с глаголом **трепать**. То же проявляется и между ГФЕ «**трепать нервы**» и ГФЕ «**потрепать нервы**» / «**протрепать нервы**». Ср.: А Людмила сидела на телефоне и **трепала нервы** ('процесс') турагентам (М. Трауб) → ... всеми силами цепляются за минимальную разницу и могут **протрепать нервы целый матч** (лексический показатель),

а могут и вовсе отобрать у фаворитов⁵; Что за малодушие – **трепать нервы** ('процесс') и портить глаза (Л. Чарская)⁶ → – «Немного **потрепал нервы** ('какое-то время') Фернандесу»: что говорили после произвольной программы у мужчин на ЧЕ по фигурному катанию⁷.

В то же время между ГФЕ «**трепать нервы**» и ГФЕ «**потрепать нервы**» могут проявляться и процессно → завершительные, и отношения одно-/многократности действия, в зависимости от контекста и семантики префикса **по-**. Ср.: В остальном рабочий день прошел спокойно, потому что Шляпников решил себя пощадить и не **трепать нервы** ('процесс') по мелочам (М. Мишин)⁸ → Потом оказывается, что из тех студентов, которые мне столько **нервов** в свое время **потрепали** ('результат / конец процесса'), получают очень достойные люди (Архиепископ Верейский Амвросий); либо: **Снова** ветры **треплют нервы** ('повторяемость'), снег бросают мне в лицо, ночь (В. Норманн) ↔ Хотела ли она обеспечить себе какое-то дополнительное прикрытие или просто **потрепать еще раз нервы** ('однократность') Алевтине Ивановне (И. Бунич).

Глагол **трепануть** означает 'однократность к **трепать**'⁹. ГФЕ со стержневым компонентом-глаголом **трепануть** также выражает однократность действия (за счет семантики суффикса **-ану-**). Ср.:

¹ Прodelки «Святого Иуды»: ураган потрепал нервы, но Петербург устоял на ногах // НТВ : [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/694456> (дата обращения 12.05.2020).

² Хоккейный клуб Адмирал. URL: <https://hcadmiral.ru/news/5141> (дата обращения 12.05.2020).

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 12.05.2020).

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988.

⁵ Звенигородская «Звезда» обыграла московский «Луч» // Правительство Московской области : [сайт]. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/zvenigorodskaya619242976> (дата обращения: 12.05.2020).

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 12.05.2020).

⁷ «Немного потрепал нервы Фернандесу»: что говорили после произвольной программы у мужчин на ЧЕ по фигурному катанию // RT. ТВ-Новости : [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/sport/article/596729-che-figurnoe-katanie-muzhchiny-komentarii> (дата обращения: 12.05.2020).

⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 12.05.2020).

⁹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988.

Каждый раз приходится трепать нервы ('повторяемость') и **отстаивать свое**¹ ↔ *Когда у него бывали застои в творчестве – она умела **трепануть** ему **нервы** ('однократность'), чтобы стимулировать*².

Глаголы **дотрепать** ('кончить трепать'³); **затрепать-1** ('долгим или небрежным употреблением привести в негодность, ветхость; истрепать'⁴); **вытрепать** ('наказать трепкой'⁵); **истрепать** ('утомлять, изнурять'⁶) называют интенсивное действие, доведённое до результата (внутреннего предела) и в связи с этим прекратившееся. Таким образом, между глаголами **трепать** → **дотрепать**, **вытрепать**, **затрепать-1**, **истрепать**, как и между ГФЕ с этими глаголами-стержневыми компонентами возникают процессно → завершительные отношения. Исходный фразеологизм «**трепать нервы**» обозначает процесс, «**дотрепать нервы**» – финитивность процесса (за счет семантики префикса *до-*), а ГФЕ «**вытрепать нервы**», «**затрепать нервы**» и «**истрепать нервы**» – интенсивность и (имплицитно) конец процесса.

Рассмотрим примеры:

1. Ср.: *Что за малодушие – **трепать нервы** ('процесс длится') и портить глаза* (Л. Чарская) → *Таким людям главное – устроить скандал и **вытрепать нервы** (имплицитная сема фазовости 'конец процесса')* (Т. Халимендес); ... *что, даже покидая этот мир, папа умудрялся **вытрепать нервы** так, что от тебя оставалось просто пустое место* (Н. Набоков).

2. Ср.:– *Я не хотел понапрасну **трепать** ('процесс') тебе **нервы*** (В. Беляев) [9, с. 689] → – *Отдельно хочется отметить массовый идиотизм граждан, которые **затрепали** все **нервы** (имплицитная сема фазовости 'окончание процесса') своими просьбами отлайкать их фото*⁷; *Вы же всем нам **затрепали нервы** (имплицитная сема фазовости 'окончание процесса'), мозги и все остальное, говоря, что нельзя рассматривать договор с Молдовой, потому что он старый*⁸.

3. Ср.: *О преступниках при Зое говорить не хотелось. Чего зазря **трепать нервы** ('процесс')?* (А. Приставкин)⁹ → *Конечно, я **истрепала нервы** (имплицитная сема фазовости 'окончание процесса') себе, вымотала их и маме, чья помощь была просто неоценима* (С. Харитонова); *Измучив сознание до галлюцинаций, до бреда, **истрепав нервы** до того, что все дрожало в нём, ... боль не могла сделать ничего большего* (П. Павленко).

4. Ср.: *Она сама отлично может все узнать и не **трепать нервы** ('процесс') человеку* (А. Маринина) → – ***Дотрепали** бы вам **недотрепанные нервы** ('окончание процесса'), погоняли бы вас по всяким ха-шарам а когда силы иссякнут пристроили бы вас где-нибудь*¹⁰; *Да что тут обсуждать – приходишь ко мне опять **нервы** мои все же **дотрепать** ('окончание процесса')* (С. Королёк).

Таким образом, ГФЕ «**трепать нервы**» имеет трёхстороннюю парадигму, включающую три направления фазовости (табл. 2).

¹ Народный рейтинг банков // Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/services/responses> (дата обращения: 12.05.2020).

² Стена ВК // ВКонтакте: [сайт]. URL: vk.com/wall-40886007_245986 (дата обращения: 12.05.2020).

³ Словарь современного русского литературного языка / глав. ред. В. И. Чернышев. М., Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950–1965.

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988.

⁵ Там же.

⁶ Словарь современного русского литературного языка / глав. ред. В. И. Чернышев. М., Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950–1965.

⁷ Рейтинг мобилизации путинского электората на Ямале: Кутаевский справился на отлично, а Кононенко подпортил Кобылкину показатели // ЯМАЛPro: [сайт]. URL: [www.yamalpro.ru/2018/03/20/rejting-m](http://yamalpro.ru/2018/03/20/rejting-m). (дата обращения: 12.05.2020).

⁸ Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2020).

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁰ Межконфессиональный Христианский Форум // Евангелие: христианский портал. Режим доступа: www.evangelie.ru/forum (дата обращения: 12.05.2020).

Таблица 2 / Table 2.

Глагольная фразеологическая единица *трепать нервы* / Verbal phraseological unit *trepat' nervy*

трепануть нервы		
встрепать нервы		
потрепать нервы		
↑↓		
ТРЕПАТЬ НЕРВЫ	→	дотрепать нервы
		истрепать нервы
		вытрепать нервы
		затрепать нервы
↓		потрепать нервы
протрепать нервы		
потрепать нервы		

Заключение

Глаголы в русском языке обладают фазовой валентностью и фазовой парадигматикой. Они сохраняют эти свои грамматические свойства в составе ГФЕ, хотя и в меньшей степени. Фазовая (как и словообразовательная) валентность глагола – стержневого слова ГФЕ ослабевает по сравнению с изолированным глаголом, фазовая парадигма ГФЕ редко бывает полной, четырёхсторонней, выражающей все направления фазовости. В отличие от аналитической фазовости, которую ГФЕ с глаголом несовершенного вида, как правило, легко реализует в сочетаниях со всеми фазовыми глаголами.

На примере ГФЕ *трепать нервы* мы показали, что этот фразеологизм обладает полной аналитической фазовой парадигмой (сочетания *начать* / *перестать* / *продолжать* и т. п. + *трепать нервы*), а также трёхсторонней фазовой парадигмой, в которую входят варианты ГФЕ с глаголами – префиксальными дериватами (*встрепать*, *потрепать*, *протрепать*, *затрепать*, *дотрепать*, *вытрепать*, *истрепать*). Эта парадигма отличается от фазовой парадигмы изолированного глагола *трепать*, в которой синтетически (т. е. дериватами совершенного вида) выражена начинательная фаза (*встрепать* → *трепать*), между ГФЕ *встрепать нервы* и *трепать нервы* таких фазовых отношений не возникает. Таким образом, фазовая па-

радигма глагола и ГФЕ с этим глаголом совпадает не всегда.

По данным нашей картотеки (более 500 примеров фразеопотреблений), среди вариантов ГФЕ с дериватами глагола *трепать* наиболее частотными являются *потрепать нервы* и *вытрепать нервы* (150 и 100 примеров соответственно). Частотное употребление носителями языка вариантов ГФЕ «*трепать нервы*» в свободной коммуникации объясняется, на наш взгляд, их стремлением выразить свои эмоции (эксплицитно) и обозначить важные с точки зрения адресанта фазовые пределы (имплицитно): ограничение временными пределами, однократность либо повторяемость, интенсивность и завершенность процесса. С точки зрения грамматической структуры языка фазовые пределы легко можно выразить с помощью фазовых глаголов: *начал трепать нервы*, *продолжает трепать нервы* и т. п. Однако выражение *дотрепать нервы*, синонимичное ‘завершить / прекратить *трепать нервы*’, гораздо сильнее и «креативнее» выражает степень завершенности процесса. А достижение яркой эмоциональной окраски и образности является главной целью употребления фразеологизма в речи.

Таким образом, ГФЕ в русском языке обладают высоким фазовым потенциалом, дальнейшие исследования в этом направлении представляются весьма перспективными.

Статья поступила в редакцию 05.06.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкая Ю. Ю. Фазовая валентность русских глагольных фразеологизмов // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум, 8–12 июня 2018 г. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Т. 2. Симферополь: АРИАЛ, 2018. С. 147–153.
2. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
3. Крапотина Т. Г. От картины мира реальной к картине мира метафорической: ассоциативно-образный потенциал фразеологизма: монография. М.: АСОУ, 2017. 160 с.
4. Ларина Т. В. Устойчивые глагольно-именные словосочетания, выражающие фазовые значения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 16 с.
5. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики: монография. Изд. стереотип. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2016. 224 с.
6. Соколов О. М. Имплиcitная морфология русского языка : монография / отв. ред. С. О. Соколова. 2-е изд., испр. и доп. Нежин: Гидромакс, 2010. 184 с.
7. Соколов О. М. Семантика категории фазовости в русском языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1988. Т. 47. № 6. С. 539–549.
8. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. Київ : Наукова думка, 2003. 282 с.
9. Титаренко Е. Я. Имплиcitная аспектология русского глагола : монография. Симферополь : АРИАЛ, 2019. 324 с.
10. Титаренко Е. Я. Категория фазовости и вид русского глагола: монография. Симферополь: Доля, 2011. 368 с.
11. Тихонов А. Н. Грамматическая характеристика фразеологических оборотов в толковом фразеологическом словаре русского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Баку, 1968. С. 152–156.
12. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

REFERENCES

1. Balatskaya Yu. Yu. [Phase valency of Russian verbal phraseological units]. In: Titarenko E. Ya., ed. *Russkii yazyk v polikulturnom mire II Mezhdunarodnyi simpozium (8–12 iyunya 2018)*. T. 2 [The Russian language in the multicultural world: Second International Symposium, 8–12 June 2018. Vol. 2]. Simferopol, ARIAL Publ., 2018, pp. 147–153.
2. Zhukov V. P., Zhukov A. V. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006. 408 p.
3. Krapotina T. G. *От картины мира реальной к картине мира метафорической: ассоциативно-образный потенциал фразеологизма* [From the picture of the real world to the metaphorical picture of the world: the associative-shaped potential of phraseological units]. Moscow, ASOU Publ., 2017. 160 p.
4. Larina T. V. *Устойчивые глагольно-именные словосочетания, выражающие фазовые значения: автореф. дис. ... канд. филол. наук* [Stable verbal phrases expressing phase meanings: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1990. 16 p.
5. Remchukova E. N. *Kreativnyy potencial russkoj grammatiki* [The creative potential of Russian grammar]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2011. 224 p.
6. Sokolov O. M. *Implicitnaya morfologiya russkogo yazyka* [Implicit morphology of the Russian language]. Nezhin, Gidromaks Publ., 2010. 184 p.
7. Sokolov O. M. [Semantics of the phase category in Russian]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of literature and language], 1988, vol. 47, no. 6, pp. 539–549.
8. Sokolova S. O. *Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові* [Prefix word formation of verbs in the modern Ukrainian language]. Kyiv, Naukova dumka Publ, 2003. 282 p.
9. Titarenko E. Ya. *Kategorija fazovosti i vid russkogo glagola* [Category of a phase and Russian verb aspect]. Simferopol, Dolja Publ., 2011. 324 p.
10. Titarenko E. Ya. *Implicitnaya kategorija fazovosti v russkom yazyke* [Implicit category of phase in Russian]. Simferopol, Dolja Publ., 2011. 368 p.
11. Tikhonov A. N. [Grammatical characteristics of phraseological turns in explanatory phraseological Russian]. In: *Voprosy frazeologii i sostavleniya frazeologicheskikh slovarей*. Baku, 1968, pp. 152–156.

12. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinic* [Phraseological dictionary of Russian language : approx 13 000 phraseological units]. Moscow, Astrel' Publ., ACT Publ., 2008. 878 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Балацкая Юлия Юрьевна – аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета внутренних дел России;
e-mail: balackaja.y@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya. Yu. Balatskaya – Postgraduate Student, Department of Methods of Teaching Philological Disciplines, Faculty of Slavic Philology and Journalism of Taurida Academy (structural unit), V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Lecturer at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: balackaja.y@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Балацкая Ю. Ю. Фазовая парадигматика русских глагольных фразеологизмов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №5. С. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-6-15

FOR CITATION

Balatskaya Yu.Yu. Phase Paradigmatics of Russian Verbal Phraseological Units. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 5, pp. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-6-15

УДК: 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-16-25

ВОПРОСЫ РЕЛЕВАНТНОСТИ РЕФЕРЕНТА И РЕФЕРЕНТНОГО ВЫРАЖЕНИЯ АНТЕЦЕДЕНТНО-АНАФОРИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА, РЕАЛИЗУЮЩЕГО СЕМАНТИКУ ЦЕЛИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Воронина Л. В.*Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева
390000, г. Рязань, ул. Костычева, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На основе контент-анализа стенограмм интервью с политическими лидерами выявить специфику разрешений субститута, описать факторы, детерминирующие выбор редуцированной группы, обосновать частотность комплексной дискурсивной анафоры в жанре политического интервью.

Процедура и методы. Посредством методов наблюдения и интроспекции, на основе лингвистического моделирования и трансформации в ходе работы были проанализированы средства повторной номинации, организующие логико-смысловые отношения компонентов антецедентно-анафорического комплекса (ААК) с семантикой цели – редуцированные именные группы, именные и глагольные словосочетания с анафорическими местоимениями разной категориальной соотнесённости.

Результаты. В ходе работы: установлена специфика корреляций антецедента и референциального средства как основы развёртывания комплексной дискурсивной анафоры пропозитивно-именного типа; описана специфика двух вариантов разрешения анафоры; выявлен функционал референтных выражений, оформляющих пропозициональное суждение антецедента в грамматическую оболочку цели. Выявлены факты и факторы нарушений структурной спаянности компонентов ААК, обозначены ситуации подвижности референциальной группы в составе субститута. Установлено, что конгруэнтность семантической структуры цели и ААК обуславливает дискурсивную органичность последнего как расчлнённого способа экспликации суждений в высказываниях о цели, а особенности организации коммуникативного смысла комплекса максимально соответствуют прагматическим установкам говорящего и типу ситуации общения – политическому интервью.

Теоретическая и/или практическая значимость работы обусловлена применением когнитивного подхода к анализу политического дискурса, выявлению комплекса факторов, обеспечивающих конгруэнтность структуры семантики цели и организации ААК, а также коммуникативных интенций в «упаковке» суждений о цели. Практическая значимость заключается в возможности включения материалов исследования в курсы по лингвистической дискурсологии (дискурсивному анализу) и когнитивной лингвистике, а также использования при подготовке учебных пособий по анализу политического дискурса в аспектах теории управления и связывания и генеративной семантики.

Ключевые слова: повторная номинация, комплексная анафора, референт, антецедент, субститут, референтное выражение, политический дискурс

RELEVANCE OF THE REFERENCE AND REFERENTIAL MEAN WITHIN THE ANTECEDENT-ANAPHORIC COMPLEX WITH PURPOSE SEMANTICS IN POLITICAL DISCOURSE

L. Voronina*Ryazan State Agrotechnological University Named after P. A. Kostychev
1, ul. Kostycheva, Ryazan, 390000, Russian Federation*

Abstract.

Aim. Based on the content analysis of the transcripts of interviews with political leaders, the article aims to reveal the specifics of the resolutions of the substitute, to describe the factors that determine the choice of a reduced group, to substantiate the frequency of the complex discursive anaphora in the genre of political interviews.

Methodology. Through the observations and the introspection methods based on linguistic modeling and transformation, in the course of the work, the article analyzed the means of re-nomination, organizing logical-semantic relations of antecedent-anaphoric complex (AAC) components with the semantics of the purpose – reduced nominal phrases, nominal and verbal phrases with anaphoric pronouns of different categorical correlations.

Results. The specificity of the correlations of the antecedent and the referential means was established as the basis for the deployment of a complex discursive anaphora of the proposed-nominal type; the specifics of two options for resolving anaphora are described; the functional of referential expressions that form the propositional judgment of the antecedent into the grammatical cover of a purpose is revealed. The study revealed the facts and factors of violations of the structural cohesion of AAC components and situations of the mobility of the reference group as a part of the substitute. It has been established that the congruence of the semantic structure of the purpose and the AAC determines the discursive organic nature of the latter as a dismembered way of explicating judgments into statements about the purpose, and the peculiarities of the organization of the communicative meaning of the complex are most consistent with the speaker's pragmatic attitudes and the type of communication situation – a political interview.

Research implications. Theoretical implication of the study is determined by the use of a cognitive approach to the analysis of political discourse, the identification of complex factors that ensure the congruence of the purpose semantic structure and the organization of the AAC, as well as the communicative intentions to «package» judgments. The practical implication of the work is in the possibility of including research materials in courses on discourse analysis and cognitive linguistics, as well as the use in the preparation of political discourse analysis textbooks (government-binding theory and generative semantics).

Keywords: re-nomination, complex anaphora, referent, antecedent, substitute, referential mean, political discourse

Введение

Вопрос о номенклатуре средств повторной номинации, выполняющих функцию «словесной замены для уже названного субъекта или объекта» [1], является достаточно изученным: обозначен их спектр, выявлены факторы актуализации, функциональность. Так, в рамках ставшей уже классической теории управления и связывания Н. Хомского объектом исследования выступают отношения кореферентности именных групп [9], а репертуар языковых категорий, участвующих в связывании высказывания, обозначен в терминах *анафоры* (возвратные местоимения), *прономinals* и *референциальные выражения*; Дж. Р. Серл к разряду референтных выражений относит имена собственные, сложные именные

выражения, местоимения (личные и указательные) и титулы [6]. Отечественные лингвисты, к примеру Е. В. Падучева, в число анафорических средств включает местоимения, соотносимые с указательными, местоименные слова и слова типа *потом, поэтому, кроме того* и проч. [4]; А. А. Кибрик, квалифицируя референциальные средства как «формальные маркеры, указывающие на связи между частями дискурса» [3, с. 48], исследует состав и факторы употребления полных и редуцированных именных групп [3, с. 62–63].

В дискурсе анафорические отношения реализуются в конструкциях разной степени сложности – предложениях, фрагментах текстов, предполагают двухчастную структуру с референтом в начальном

компоненте – антецеденте – и референциальным средством во втором – субституте (анафоре).

В фокусе внимания данной научной работы – средства повторной номинации, организующие логико-смысловые отношения компонентов антецедентно-анафорического комплекса (ААК) с семантикой цели и обеспечивающие тем самым его структурную целостность, – редуцированные именные группы, именные и глагольные словосочетания с анафорическими местоимениями разной категориальной соотносённости, – коррелирующие с пропозициональным содержанием антецедента.

**Логико-смысловые отношения
антецедента и субститута
антецедентно-анафорического
комплекса. Пропозитивно-именная
корреляция компонентов ААК**

Релевантность семантической структуры цели и структурной организации антецедентно-анафорического комплекса предполагает возможность разрешения анафоры в двух направлениях:

- 1) референт в компоненте «цель»;
- 2) референт в компоненте «ресурсы».

Характер корреляций, определяющих специфику анафорических отношений в рамках исследуемого ААК, обусловлен, с одной стороны, значением пропозициональности, развивающемся в начальном компоненте в связи со спецификой референта – ситуацией цели / целенаправленных действий, ведущих к её достижению, – а также частеречным статусом коррелята и его грамматической формой – с другой.

Условием моделирования лингвистической ситуации разрешения референта в цель выступает порождение в сознании субъекта ситуации, соотносимой с целевым событием / действием / процессом (в аспекте их антиципации и желаемости) и референтной содержанию антецедента ААК: *Цель золотовалютных резервов Центрального банка... в том, чтобы обеспечить внешнеторговый оборот. Для этого нужно, чтобы этот уровень был*

бы способен обеспечить внешнеторговый оборот для такой экономики, как Россия, как минимум на три месяца (Интервью В. В. Путина холдингу Bloomberg; 01.09.2016).

Структурной особенностью таких комплексов выступает их минимальная двухкомпонентная организация с показателями анафорических отношений – редуцированными именными группами:

1) анафорическими местоимениями-существительными в ожидаемой для целевого контекста форме родительного падежа с предложением для, выполняющими синтаксическую функцию дополнения;

2) анафорическими местоимениями-прилагательными *такой, иной, другой*, прилагательным *подобный* в составе именных словосочетаний (*эта цель, иные задачи, другое намерение*).

Все они в большей или меньшей степени являются семантическими пустышками, грамматическими рамками с разным уровнем редукции значения (понимание этого факта важно для установления степени релевантности референта антецедента и референциального средства).

Так, местоимение *это* и местоименная группа *для этого* в большей степени формализованы: отсутствие лексической семантики обуславливает их функциональную специфику – быть средством связи, устанавливая отношения зависимости между компонентами ААК (в этом смысле они квалифицированы как анафорические), отсылать к содержанию антецедента, во-первых, и, поскольку те или иные грамматические формы ассоциируются носителями языка с определённым значением, формально направлять его интерпретацию в нужную семантическую плоскость, во-вторых.

К примеру, даны две ситуации – *потребность подъёма экономики и разработка необходимых мер*. Функцию индикатора их логико-смысловой зависимости при экспликации в дискурсе в формате ААК способны выполнять референциальные средства – *потому, по этой причине, для этого, для этой цели*, функция которых – «упако-

вать» пропозициональное суждение в соответствующую оболочку: *Наша задача – подбѐм экономики. Потому / по этой причине необходимо разработать ряд мер (причина) / Для этого / с этой целью необходимо разработать ряд мер (цель).*

Вне контекста редуцированные именные группы представляют собой только контуры, грамматические маркѐры обобщѐнной неконкретизируемой семантики, равнозначные, в терминологии программистов, гиперссылкам; это «чисто формальные показатели связи текстовых компонентов» [1], которые в силу своей семантической опустошенностью обеспечивают действительно кореферентные отношения антецедента и субститута – их «субстанциальное тождество» [4]: *При этом участие в нём должно быть выгодно всем странам Евразийского континента... Для этого необходимо учитывать интересы всех партнѐров, вести дело к гармонизации национальных программ и планов развития.* (Интервью В. В. Путина изданию «Жэньминь Жибао»; 26.04.2019), то же в составе именных словосочетаний (*эта (цель) / это (намерение) / эти (задачи)*), синтаксическая функция которых обусловлена структурой предложения: *И я ещё раз повторяю, кто бы за этим ни стоял, они должны быть найдены, изобличены и наказаны. Мы сделаем всё, чтобы достичь этой цели* (Интервью В. В. Путина телеканалу АРД (Германия); 10.10.2006); *Но дело в том, что... АТЭС изначально задумывался как форум для обсуждения экономических проблем. И именно на этом мы как страна-хозяйка, принимающая сторона, намерены тоже сосредоточить своё внимание...* (Интервью В. В. Путина телеканалу Russia Today; 06.09.2012).

Лексемы *такой, подобный, иной, другой*, функционируя в составе атрибутивных словосочетаний (*цель, задача, намерение*), в меньшей степени семантически выхолощены, именно поэтому удаётся установить типы логико-смысловых отношений между антецедентом и анафором: 1) уподобление: *Думаю, достижение конкретных договорѐнностей в деле контроля*

над вооружениями способствовало бы укреплению международной стабильности. У России политическая воля для такой работы имеется...; Нельзя создавать условия, чтобы иностранные государства делали нас слабее, подчиняли собственной воле и рассчитывали надавить изнутри, влияя на нашу политику в своих интересах. Ради подобного и используются эти инструменты и деньги... (Интервью В. В. Путина ТАСС; 13.11.2014); 2) различие: *Но нужно сначала эту часть пути пройти, а потом уже договариваться и об условиях заключения мирного договора. И то и другое – это непростые задачи, но они достижимы. Эти цели достижимы, а задачи решаемы* (Интервью В. В. Путина телекомпания «Ниппон» и газете «Иомиури»; 13.12.2016). Их принадлежность к целевому контексту маркируется лексически.

Самая высокая степень редукции у нулей, или нулевых именных групп [3, с. 63]. Это импликатуры, которые обычно легко восстанавливаются из контекста и даже способны обеспечивать логическую маркированность связи антецедента и анафора относительно их референтности.

Полагаем, есть смысл утверждать структурно абсолютные нули (в случае если референциальное средство отсутствует в высказывании): *Кроме того, у меня напряжённый рабочий график. Даже дочерей вижу один или два раза в месяц, и то ещё нужно время подгадать [для этого]* (включение Л. Ворониной) (Интервью В. В. Путина ТАСС; 13.11.2014) и частичные / неполные (если отсутствует анафорический элемент в составе референциального средства): *Люди исходят из того, что избрали главу государства, оказали доверие, а тот будет отвечать чаяниям народа, защищать его интересы, бороться за улучшение жизни в экономике, социальной сфере, на международной арене, во внутренней политике, в вопросах безопасности. [Таких]* (включение Л. Ворониной) *задач много* (Интервью В. В. Путина информационному ТАСС; 13.11.2014);

Явление иного порядка – исключение пропозициональных структур из ААК, например антецедента: *Борьба с уходом от налогов через офшоры является очень сложной и трудоёмкой задачей [Её необходимо решить / которую необходимо решить]* (включение Л. Ворониной). *Для этого важно использовать не только национальные, но и международные инструменты регулирования* (Интервью В. В. Путина «РИА Новости»; 14.06.2013). Допущения подобного типа регулируются принципами развёртывания дискурса в направлении его компрессии, или, в терминологии Т. Ван Дейка, макроправилем опущения [2, с. 39], когда «при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиями интерпретации (напр., пресуппозицией для другой пропозиции в данной последовательности)» [2, с. 39]. В нашем примере наличие задачи в понимании говорящего предполагает её решение, следовательно, сообщаящий об этом компонент высказывания может быть исключён без каких бы то ни было структурных или смысловых последствий.

Второе направление разрешения анафора – ресурсы. Структурным минимумом таких ААК выступают трёхчастные конструкции. Первые два компонента связаны анафорическими отношениями: в антецеденте эксплицируются действия, необходимые для достижения цели, субститут содержит референтное выражение, которое организует право- и левосторонние связи компонента: отсылает к антецеденту и, обеспечивая континуум текста, обуславливает синтаксические отношения в рамках сложной синтаксической конструкции, соотносясь с действием: *Ещё больше денег израсходовано на инфраструктуру. Мы делали это сознательно. Мы делали это для того, чтобы юг Российской Федерации... был привлекательным и комфортным...* (Интервью В. В. Путина Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс; 01.09.2013); или его аспектом (образ действия, объект действия и др.): *Не может быть такой ситуации, когда в стране сотни пар-*

тий. Но в какой-то момент нам придётся принять другое решение и опустить эту планку, для того чтобы была лучшая политическая конкуренция и чтобы те, кто не может набрать семь процентов, всё-таки могли набрать, например, пять и войти в Государственную Думу... (Интервью Д. А. Медведева газете «Файнэншл Таймс»; 20.06.2011).

Основу референтных выражений в ААК при разрешении анафора в ресурсы, как и при его разрешении в цель, составляет анафорическое местоимение *это*. Оно функционирует независимо или в составе редуцированных глагольных словосочетаний *делать(ся) это* и, выполняя функцию подлежащего или дополнения, осуществляет отсылку к действиям, необходимым / достаточным для достижения цели: *У нас с Президентом Обамой хорошие личные отношения, достаточно откровенные и деловые. Этого вполне достаточно для того, чтобы исполнять наши функции* (Интервью В. В. Путина телеканалам CBS и PBS; 29.09.2015).

Равно как и именная группа *для этого*, исследуемые глагольные сочетания (*делать это / делается это*) семантически опустошены. Их функция – маркировать ситуацию целенаправленного действия, осознанного и произвольного, – вторична по отношению к собственно синтаксической – отсылать к содержанию начального компонента. Как и в случае с предложнопадежной конструкцией, референт антецедента и референциального средства в рамках подобных ААК конгруэнтны.

Когнитивные, лингвистические, прагматические факторы выбора референтного выражения

Выбор референциального средства осуществляется говорящим в момент речи, при её линейном развёртывании и в соответствии с законом Зипфа, который «утверждает корреляцию трёх характеристик языковых единиц: высокую частоту, фонетическую простоту (краткость) и широкий семантический диапазон» [3, с. 62].

Актуальные для реализации целевых отношений в рамках ААК, анафорические местоимения полностью соответствуют указанным выше требованиям: двухсложные по структуре, действительно частотные в политическом дискурсе и семантически выхоленные. Кроме того, тот факт, что в 90% случаев референт (при разрешении анафора в цель) репрезентуется в сознании в форме сложных суждений, в которых ситуации потенциальной цели находятся в отношениях конъюнкции, дополнительно обуславливает выбор в пользу анафорических местоимений и сочетаний с ними: они одновременно акцентируют целевую оболочку суждения и резюмируют предыдущие высказывания.

С другой стороны, выбор редуцированных групп из ряда возможных средств организации ААК обусловлен, по мнению А. А. Кибрика, уровнем активации референта [3, с. 50]: чем он [уровень] выше, тем меньше говорящий нуждается в лексическом повторе, переименовании и т. д., т. е. в силу своей значимости для говорящего ситуация цели / целенаправленных действий удерживается в фокусе его внимания (концепция «фигура» – «фон») – субъект сконцентрирован исключительно на ней, потому повторно не эксплицирует.

Кроме фактора активации референта, в лингвистической литературе обсуждаются вопросы учёта линейного и риторического расстояния между компонентами ААК [8], обусловленность синтаксическим и семантическим статусом antecedента [4]; исследователи допускают воздействие фактора приоритета темы, первого упоминания, подлежащего, синтаксического параллелизма [5]. Тем не менее не все из выше перечисленных применимы к объекту данного научного исследования в силу того, что полные именные группы в качестве референтных выражений мы не смогли обнаружить во всём корпусе политических интервью, представленных в виде стенограмм на официальном сайте Президента РФ. Однако некоторые из них всё же могут быть прокомментированы на исследуемом в данной работе языковом

материале. К примеру, вопрос о расположении компонентов в рамках комплекса, который должен решаться, на наш взгляд, в двух направлениях:

1) дистантность компонентов ААК в дискурсе;

2) позиция референциального средства в субституте.

Структуру ААК с анафорическим местоимением нельзя назвать гибкой, поскольку она требует строгого расположения компонентов относительно друг друга. В этом смысле нетипичным следует считать конструкции, идущие в разрез этой тенденции, например в случаях, когда анафор отделён от antecedента другими клаузами: *Кстати говоря, мы создали более 40 ... абсолютно новых гостиничных мест. В рамках развития курорта это чрезвычайно важная вещь. Вот на эти цели были использованы финансовые средства наших компаний, это частные вложения* (Интервью В. В. Путина российским и иностранным СМИ; 19.01.2014). Допустимость подобных включений в структуру ААК обусловлена спонтанным характером устного дискурса, активизацией коннотативного слоя семантики коммуникативной единицы в связи с прагматическими установками субъекта обосновать, быть убедительным, дать оценку и проч.

Позиция референциального средства в рамках субститута, напротив, подвижна: актуализация анафора посредством вынесения референтного выражения в начало выступает типичной, но не единственной коммуникативной организацией ААК. Тем не менее частотность именно таких построений комплексной анафоры обусловлена спецификой когнитивных процессов: небольшой объём рабочей памяти, как правило, не позволяет постоянно удерживать в фокусе внимания сложное пропозициональное содержание как говорящему при кодировании суждений в речь, так и слушающему, особенно в условиях временной развёртываемости высказывания в режиме online – при непосредственном восприятии сообщения, – в то время как ситуация двусторонней коммуникации предполагает

стремление респондента избежать неоднозначной интерпретации сказанного.

Актуализация предыдущего отрезка речи в памяти слушающего в большей степени осуществима именно при непосредственной близости анафора: «обработка местоимений при чтении происходит быстрее, если их антецеденты находятся в предыдущей клаузе по сравнению с более удалёнными позициями» [5, с. 82]. В устной форме дискурса это подчёркивается посредством просодических средств – постановкой более короткой паузы перед референтным выражением (при письменной фиксации – постановкой запятой), более мягким интонационным выделением. Заметим, что незначительный объём высказывания также определяет выбор в пользу нерасчленённого способа экспликации: *И мы даже не можем начать расследование, если повода для этого нет* (Интервью В. В. Путина телеканалу NBC; 02.03.2018); *Только нужно делать всё так, как договорились, а для этого нужен общественный контроль, для этого нужны общественные организации* (Большая пресс-конференция В. В. Путина 19.01.2020), равно как и актуализация иного компонента текстовой единицы отодвигает референтное выражение на второй план, замещая акцентное место прагматически более ценной информацией: *Очень хорошо, конечно, было бы, если бы дипломатическая служба, посольство, специальные службы, они для этого и существуют, давали ... полную и объективную картину состояния российского общества, а не только с одного угла бы смотрели* (Интервью В. В. Путина Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс; 01.09.2013). В ситуации диалога:

А. Венедиктов: Обсуждалась ли в руководстве России возможность объединения Северной и Южной Осетии, вступление Южной Осетии в Россию?

Д. Медведев: **Вы знаете, я думаю, что никаких юридических предпосылок в настоящий момент для этого не существует** (Интервью Д. А. Медведева телеканалам «Russia Today», «Первый ин-

формационный кавказский» и радиостанции «Эхо Москвы»; 05.08.2011).

Функционал референтных выражений П. Ф. Стросон квалифицирует как «употребление с единичной референцией» [7]; в том случае, если это условие не соблюдается, развивается референциальный конфликт (термин А. А. Кибрика), проявлением которого является неоднозначная интерпретация высказывания.

Причина конфликта – наличие «более одного кандидата на роль референта редуцированного референциального средства» [3, с. 66]. В рамках данного исследования – возможность корреляции нескольких референтов с одной редуцированной группой: в ситуации цели референциальную неоднозначность создаёт отсылка, направлением которой может быть и цель и ресурсы: *Получая на протяжении долгого времени поддержку сограждан, нельзя не сделать всё зависящее, чтобы оправдать их доверие. Может, это главное, основа отношений между народом и избранной им властью* (Интервью В. В. Путина ТАСС; 13.11.2014): *это* = поддержка граждан / готовность лидера сделать всё зависящее / стремление оправдать доверие; *Уровень Правительства – это очень высокий уровень, это главный исполнительный орган страны. Но для того, чтобы эффективно работать, объединить усилия, как я уже сказал, и региональных властей, и Центробанка, и Правительства, и Администрации, требуются согласованные действия всех этих уровней власти. Это можно эффективно сделать, пожалуй, только с президентского уровня* (Интервью В. В. Путина российским и иностранным СМИ; 19.01.2014): *это* = эффективная работа / обеспечение согласованных действий.

Экспрессивно-оценочный характер подобного рода высказываний, использование градации как приёма, обеспечивающего их эмоциональность, а также содержательное сходство пропозиций каждого отрезка речи даёт нам основания предположить не развитие референциального конфликта, а наличие отсылки к

большему объёму референта, включающего и целевое событие, и целенаправленные действия.

Заключение

Исследовав корпус стенограмм политических интервью в соответствии с целевой установкой данной научной работы, мы пришли к следующим выводам.

1. Антецедентно-анафорический комплекс с семантикой цели следует квалифицировать как развёрнутую дискурсивную анафору, а корреляцию референта и референтного выражения (референциального / анафорического средства) определять как пропозитивно-именную.

2. Специфика ААК, реализующих семантику цели, заключается в наличии двух вариантов разрешения анафору, каждый из которых определяет структурные и логико-смысловые особенности коммуникативных единиц. В первом случае – при референте в компоненте «цель» – структура ААК двухчастна, репертуар референтных выражений обуславливает степень смысловых корреляций с антецедентом в большей или меньшей степени кореферентности; во втором – при разрешении анафору в компонент «ресурсы» – минимальная структура ААК разрастается: референтом начального компонента выступают действия, отсылку к которым осуществляют редуцированные глагольные сочетания (левосторонние отношения), направляя одновременно континуум текста в сторону целевой ситуации (третий компонент ААК).

3. Актуальными синтаксическими средствами организации анафорических отношений в исследуемых ААК являются редуцированные именные группы (*для этого, этого*), именные (*эта задача, такие цели, иные намерения*) и глагольные словосочетания (*делать(ся) это*), имеющие в своём составе анафорические местоимения, соотносимые с существительными и прилагательными. Каждое из средств обладает той или иной степенью редукции: минимально – нулевые группы, предложно-падежные сочетания (*для этого*) и беспред-

ложные употребления анафорического местоимения (*этого*). Их выбор обусловлен когнитивными процессами, фокусом внимания, который проявляется в активации референта в сознании говорящего. Действие иных факторов – риторическое или линейное расстояние, синтаксический параллелизм, приоритет темы, первого упоминания и проч. – в рамках темы данного научного исследования не актуально, поскольку кроме редуцированных средств повторной номинации в рамках ААК с целевой семантикой мы не обнаружили.

Выполняют функцию гиперссылки, референтные выражения оформляют пропозициональное суждение в семантическую оболочку и задают таким образом нужное направление интерпретации референтного события в антецеденте. Способов несколько: в случае референта в компоненте «цель» – грамматическая форма (*для этого*), ассоциирующаяся с интенциональными структурами, имена *цель, задача, намерение* при выражении прямой цели; в случае референта в компоненте «ресурсы» – семантическая пустышка *делать это* как указание на непосредственное действие / действия.

4. Антецедентно-анафорический комплекс обладает достаточной структурной спаянностью, что логически обусловлено и проявляется в жёстком расположении компонентов относительно друг друга; позиция же референциального средства не фиксирована, хотя наиболее частотный вариант её реализаций – вынесение в начало субститута.

5. Конгруэнтность структуры семантики цели и организации ААК обуславливает дискурсивную органичность последнего как расчленённого способа экспликации суждений в высказываниях о цели, а особенности организации коммуникативного смысла («упаковки») комплекса максимально соответствует прагматическим установкам говорящего и типу ситуации общения – политическому интервью.

Статья поступила в редакцию 16.06.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
2. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГУ, 2000. 328 с.
3. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 89 с.
4. Падучева Е. В. Анафорическое отношение // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 32.
5. Прокопеня В. Н. Механизмы анафоры при речепорождении и речепонимании: экспериментальное исследование на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 276 с.
6. Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1992. С. 179–203.
7. Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1992. С. 55–87.
8. Экспериментальный подход к исследованию референции в дискурсе: интерпретация анафорического местоимения в зависимости от риторического расстояния до его антецедента / О. В. Федорова, Е. А. Делишкина, С. А. Малютина, А. М. Успенская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 26–30 мая 2010 г. Вып. 9 (16). Москва, 2010. С. 525–530.
9. Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981. 371 p.

REFERENCES

1. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow, Logos Publ., 2003. 173 p.
2. Van Deik T. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGU Publ., 2000. 328 p.
3. Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive: dis. ... dokt. filol. nauk* [Discourse Analysis in Cognitive Perspective: PhD Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 89 p.
4. Paducheva E. V. [Anaphoric relationship] In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 688 p.
5. Prokopenya V. N. *Mekhanizmy anafory pri recheporozhdenii i recheponimanii: eksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka: diss. ... kand. filol. nauk* [Mechanisms of anaphora in speech production and comprehension: an experimental study based on the material of the Russian language: PhD Thesis in Philological Science]. SPb., 2016. 276 p.
6. Serl J. R. Reference as a speech act. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 13. Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [New in foreign linguistics. Iss. 13. Logic and linguistics (problems of reference)]. Moscow, Raduga Publ., 1992. pp. 179–203
7. Strosen P. F. [On reference]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 13. Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [New in foreign linguistics. Iss. 13. Logic and linguistics (problems of reference)]. Moscow, Raduga Publ., 1992, pp. 55–87
8. Fedorova O. V., Delishkina E. A., Malyutina S. A., Uspenskaya A. M. [An experimental approach to the study of reference in discourse: the interpretation of an anaphoric pronoun depending on the rhetorical distance to its antecedent]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog», Bekasovo, 26–30 maya 2010 g.* [Computer linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, May 26-30, 2010)], vol. 9 (16), 2010, pp. 525–530.
9. Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht, Foris Publications, 1981]. 371 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронина Любовь Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева;
e-mail: lv-voronina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov' V. Voronina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Humanities, Ryazan State Agrotechnological University Named after P. A. Kostychev;
e-mail: lv-voronina@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронина Л. В. Вопросы релевантности референта и референтного выражения антецедентно-анафорического комплекса, реализующего семантику цели в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №5. С. 16–25.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-16-25

FOR CITATION

Voronina L. V. Relevance of the Reference and Referential Mean within the Antecedent-anaphoric Complex with Purpose Semantics in Political Discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 5, pp. 16–25.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-16-25

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-26-33

СЛОВА С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ 'ГОРОД' В ПОВЕСТИ Ю. В. ТРИФОНОВА «ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ»

Григорьева О. Н., Цзян Н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991 ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявить функцию слов лексико-семантического поля «город» в языке повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной».

Процедура и методы. Авторами выявлены, классифицированы и проанализированы имена существительные, прилагательные, наречия и устойчивые словосочетания с семантическим компонентом 'город'.

Результаты. Проведённый анализ показал, что слова лексико-семантического поля «город» в повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной» выполняют эстетическую функцию. Они образуют особый переменчивый образ города в художественном мире писателя. С их помощью автор показывает город как фон, на котором происходят события в течение сорока лет, как неотъемлемую часть жизни героев и как отражение их внутреннего мира.

Теоретическая и практическая значимость. Заключается в обобщении значительного объёма лексики, что подтверждает мысль о том, что город играет важную роль в художественном мире Ю. В. Трифонова и является его главным локусом.

Ключевые слова: городская проза, локус, семантический компонент, метафора, символ, устойчивое словосочетание

WORDS WITH SEMANTIC COMPONENT 'CITY' IN Y. TRIFONOV'S NOVEL "HOUSE ON THE EMBANKMENT"

O. Grigorieva, N. Jiang

1 Lomonosov Moscow State University,

GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract.

Aim. To reveal the function of words with lexical and semantic field "city" in the language of Y.V. Trifonov's novel "The House on the Embankment".

Methodology. The authors identified, classified and analyzed nouns, adjectives, adverbs and collocations with the semantic component 'city'.

Results. It is empirically confirmed that words with lexical and semantic field "city" in Y. Trifonov's novel "The House on the Embankment" perform an aesthetic function. They form a special changeable image of a city in the writer's artistic world. With their help the author shows a city as a background where events take place for forty years, as an integral part of characters' life and as a reflection of their inner world.

Research implications. It consists in generalization of a significant vocabulary amount, which confirms the idea that a city plays an important role in Y. Trifonov's artistic world and is its main locus.

Keywords: urban prose, locus, semantic component, metaphor, symbol, collocation

Введение

Городская тема имеет давнюю традицию в русской литературе и прослеживается в произведениях известных писателей и поэтов XIX и XX вв., таких как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, М. А. Булгаков, А. М. Горький, Б. Л. Пастернак и др. В них воссоздаются картины города, раскрываются особенности различных типов городских жителей, описывается их повседневная жизнь. «Город в художественных текстах великих русских писателей очень часто может быть одним из героев произведения, а не только фоном, на котором разворачивается действие» [8, с. 32].

В 60–70-е гг. XX в. возникает понятие «городская проза», которое, прежде всего, связано с именем Ю. В. Трифонова. Существует мнение, что эту прозу нужно рассматривать как главное направление развития русской литературы в 70–80-х гг. [14, с. 32].

Город играет важную роль в художественном мире Трифонова и является его главным локусом. Впервые термин «локус» появился в статьях Ю. М. Лотмана, посвящённых семиотике художественного пространства. Автор высказал мысль об отнесённости героя произведения к определённому месту [6, с. 10]. Эти «места» образуют некие функциональные поля, попасть в них значит оказаться в конфликтной ситуации [9, с. 87]. Локус как образ наделён особым психологизмом, он может вызывать чувственные ассоциации. Этот образ сформирован памятью и жизненными впечатлениями.

Рассматривая «московские» повести Трифонова в метагеографическом ракурсе, мы видим, что городское пространство выступает не только в роли привычной среды существования, но и в качестве знаковой системы, формирующей поведение и психологию героев, моделирующей особый урбанистический тип мировосприятия, реализующийся в стремлении к комфорту и использованию технических достиже-

ний, в философии горожанина, остро переживающего разрыв с природной средой.

В 1980 г. в беседе с литературным критиком Л. Аннинским Трифонов сам объяснил, почему он выбрал феномен города как предмет художественного осмысления: «Я пишу о городе, потому что лучше знаю город. ... Я просто ощущаю природу города, она тоже существует. И город – лес, понимаете? В нем есть свои деревья, ущелья, овраги, ямы – что хотите» [13, с. 309–311].

Трифоновские повести «Обмен» (1969), «Предварительные итоги» (1970), «Долгое прощание» (1971), «Другая жизнь» (1975), «Дом на набережной» (1976) считаются московским циклом. «В «московских» повестях происходит становление урбанистической поэтики Трифонова» [10, с. 411]. Их героями являются интеллигенты, живущие в Москве: инженер Виктор Дмитриев («Обмен»), переводчик Геннадий Сергеевич («Предварительные итоги»), драматург Григорий Ребров («Долгое прощание»), историк Сергей Троицкий («Другая жизнь»), литературовед Вадим Глебов («Дом на набережной»). Сам Трифонов вырос в семье московских интеллигентов. Его родители были репрессированы, отец расстрелян. Всё личное, пережитое писателем, повлияло на его творчество. В этом смысле повесть «Дом на набережной» занимает особое место.

Прототип дома на набережной – Дом правительства, или Первый Дом Советов, – был построен в 1931 г. на Берсеневской набережной Москвы-реки. В нём жили советские ответственные работники, большинство из которых пострадали во время сталинских репрессий. Писатель провёл там с родителями свое детство. После публикации повести словосочетание *Дом на набережной* стало нарицательным.

«У Ю. Трифонова Дом, в первую очередь, – городской, зачастую ассоциирующийся с целым городом, который всегда выступал местом действия в его произведениях и определял их проблематику и эстетику» [4, с. 12].

В повести соединяется настоящее и прошлое в восприятии главного героя Глебова

после его неожиданной встречи со старым приятелем. Писатель показывает изменение природы города в течение сорока лет.

Это отражается и в лексике, формирующей образ города. В повести отмечено 145 лексических единиц с семантическим компонентом 'город', в том числе 128 существительных. Это само слово *город*, части городского и прилегающего к городу пространства: *бульвар, окрестности, парк, площадь, подворье, пригород, район*; проезжие части: *мостовая, переулок, переулок, проспект, улица, улочка, туннель*; пешеходные части: *аллея, аллея, тротуар, набережная*; городские сооружения: *мост, арка, барьер, лестница, паранет, стена*; жилые городские и загородные здания: *дача, дом, домишко, гостиница, дворец, казарма*; городские нежилые строения и учреждения: *академия, аптека, больница, булочная, бар, военкомат, завод, издательство, детсад, институт, иняз, кафе, кино, киностудия, кинотеатр, кинотеатрик, кладбище, кондитерская, контора, крематорий, магазин, мебельный, милиция, педвуз, пединститут, поликлиника, редакция, ресторация, рынок, стадион, телеграф, техникум, типография, универмаг, университет, факультет, фабрика, театр, церковь, церквушка, цирк, школа*; части городских зданий и примыкающего к ним пространства: *аудитория, балкон, ворота, двор, дворик, задворки, квартира, квартирка, крыша, купола, лифт, площадка* (имеет 2 знач. – 'лестничная' и 'на улице'), *подворотня, подъезд, чердак, этаж*; городской и пригородный транспорт: *автотбус, автомобильчик, грузовик, метро, драндулет, такси, трамвай, трамвайчик, троллейбус, электричка*; места прибытия и расположения транспортных средств *аэропорт, вокзал, остановка, порт, аспирантура*; городские приспособления: *асфальт, аэростат, прожектор, радио, фонарь*; городские зрелища: *бега, хоккей*; жители городского дома: *желец, обитатель*; учащиеся в городских учебных заведениях: *аспирант, гимназистик, студент, школьник*; городские профессии: *балерина, билетерша, грузчик, домработница, кон-*

торщик, курьер, лифтер, милиционер, привратник, продавец, профессор). Отмечены также 14 прилагательных (*академический, асфальтированный, городской, дачный, загородный, институтский, студенческий, трамвайный, уличный, церковный, монастырский, московский, замоскворецкий, черниговский*) и 3 наречия: *за город, за городом, по-парижски*.

В тексте повести отмечен ряд номинаций – устойчивых словосочетаний, связанных с городом: *задний двор, школьный двор, конфетная фабрика, мебельный магазин, книжный магазин, скупочный магазин, комиссионный магазин, электрические фонари, парковое колесо, московские крыши, кооперативный дом, поднебесные этажи, задняя лестница, трамвайная остановка, дачный сезон, грузовой лифт, уличная собака* и другие.

Среди выбранных из текста лексических единиц есть слова с высокой частотностью употребления: *дом* – 95, *двор* – 44, *квартира* (*квартирка* – 3) – 43, *дача* – 27, *этаж* – 26, *переулок* – 21, *школа* – 19, *институт* – 18, *улица* – 17, *набережная* – 17, *город* – 15, *Москва* – 14, *лифт* – 15, *мост* – 13.

Д. Л. Быков пишет о чуде трифоновского стиля, которое заключается в его невероятной плотности и в «Доме на набережной» проявилось наиболее полно. «...В «Доме» Трифонов впервые наглядно реализовал любимую метафору: «История – многожильный провод». Он построил многожильное, многоголосое повествование, и каждая интонация выверена, узнаваема, точна» [2]. Воспоминания героя воспроизводят движение в пространстве города его жителей, транспорта и даже воздуха: «шел в школу с другим», «передвигали дом с аптекой», «во дворах всегда был сырой воздух, пахло рекой, и запах реки был в комнатах», «шел трамвай по мосту», «взбежать одним духом по громадной боковой лестнице моста»; «наткнуться вечером под аркой на летучую дерюгинскую братву». Это все части небольшого фрагмента, следующие одна за другой.

В повести главными знаками Москвы являются *дом* и *квартира*. «Тема Дома волновала писателя Юрия Трифонова, как

никакая другая. Дом – это место во времени, это место и время, слитые воедино. Ограниченное пространство Дома отмерено сроком отпущенной тебе Богом судьбы» [3]. Художественное пространство ограничено большим серым домом, похожим на крепость или целый город (там живут семьи Шулепникова и профессора Ганчука), и двухэтажным домиком в Дерюгинском подворье, в котором обитают Глебовы. Перифрастические сочетания *дом на набережной* (8 раз), *большой дом* (2 раза), *ужасный дом* (1 раз) и *кривоватый домишко*, *кривобокая красота* образуют ключевую антитезу художественного текста. «Два дома и площадка между ними образуют целый мир со своими героями, страстями, отношениями, контрастным социальным бытом. Большой серый дом, затемняющий переулочек, многоэтажен. Жизнь в нем тоже как бы расслаивается, следуя поэтажной иерархии» [5, с. 214–215].

Е. А. Сертакова обращает внимание на то, что «город не просто создает и организует реальное социальное пространство, но и во многом определяет мировосприятие индивида и специфику социума. Город является необходимой частью картины мира людей, демонстрирует исторические изменения в духовности его жителей» [11].

Писатель создаёт насыщенный, объемный образ *квартиры*, подробно описывая бытовые детали, и показывает связь между квартирой и положением человека. *Квартира* Моржа находится *на десятом этаже*, «где из окна открывался вид на *Крымский мост*, деревья *парка* и летом было видно, как крутится громадное *парковое колесо*» [12, с. 379]. Антон с мамой живет *на первом этаже* большого дома в однокомнатной *квартирке* с тараканами, «где не было солнца» [12, с. 394]. У Левки отчим был большим человеком, в шулепниковской *квартире* с «гигантскими размерами – коридоры и залы напоминали музей» [12, с. 380]. *Квартира* Сони – дочери профессора – расположена *на девятом этаже*, в ней «балкон над пропастью» [12, с. 434]. Определяющим является слово *этаж* в сочетании с числительным. Высота

этажа указывает на высокое или низкое положение героя. *Большой дом* и маленький *кривоватый домишко* определяют границы внутреннего мира Глебова. Он с детства мечтает стать хозяином в большом доме, а не гостем. В этом смысле символична встреча Глебова в лифте с собакой: «...В ее немигающих ореховых глазах ему почудилось спокойное превосходство: ведь она была жильцом этого дома, а он лишь гостем» [12, с. 405]. Он как бы со стороны видит свой «кривоватый домишко с бурой штукатуркой», куда он «поднимался по темной лестнице, по которой следовало идти осторожно, потому что ступени были местами выбиты; подходил к двери, обсаженной, как старое одеяло заплатыми, множеством табличек, надписей и звонков; погружался в многослойный керосиновый запах *квартиры...*» [12, с. 382]. Совсем другой запах у большого дома: «в лифтах ... настаивались необычные запахи: *шашлыков, чего-то рыбного, томатного, иногда дорогих папирос или собак*» [12, с. 405].

Слова *лифт* и *лифтёр* являются неотъемлемой частью образа большого дома и моделируют три ситуации.

Первая ситуация – с Вадимом Глебовым. Лифтёры в подъездах обычно подозрительно спрашивали: «Ты к кому?». «Лифтёр, разговаривая, поглядывал зорким и неподкупным оком, как бы опасаясь, что Глебов юркнет в *лифт* и уедет без разрешения ...

Глебов заметил, что *ребята, жившие в доме, побаивались лифтёров* и старались прошмыгнуть мимо них побыстрее» [12, с. 379–380]. В глазах Глебова *лифтёры* похожи на хозяев дома *на набережной*.

Когда лифтёр встречает Левку Шулепникова, появляется совершенно другая интонация: «Лифтёр ... первый поздоровался с Шулепой кивком головы ... а Шулепа прошел мимо, не обратив внимания В *лифт* влезли с трудом пять человек, едва закрыли дверь. Лифтёр пытался остановить, но как-то застенчиво, со смешком: «А вы, молодые люди, не встрянете промеж этажей?» [12, с. 380]. На взгляд Левки, *лифтёр* – слуга, к которому не стоит обращаться с приветом, а с точки зрения *лифтера*,

Левка представляет собой одного из самых важных людей в *большом доме*.

Когда безымянный рассказчик с сестрой и бабушкой переселяется из *дома на набережной*, *лифтер* ведет себя как человек, который хорошо знает тайну жизни лучших людей. «Какой-то человек спрашивает у *лифтера*: «Это чья такая хурда-мурда?» *Лифтер* отвечает: «Да это с пятого». Он не называет фамилии, не кивает на меня, хотя я стою рядом, он знает меня прекрасно <...> Я для него уже как бы не существую» [12, с. 449]. Фраза «Те, кто уезжает из этого дома, перестают существовать» [12, с. 449] – намекает на жестокость сталинского террора.

Испытания, через которые проходят дети из дома на набережной и из Дерюгинского подворья, предвещают то, что придется им пережить потом: расставание с родителями, военная Москва и гибель на фронте [5, с. 216].

После слова *дом* наибольшей частотностью в повести обладает слово *двор* – 44 словоупотребления. *Двор* в каком-то смысле является продолжением *дома* и даже отождествляется с ним: «Отъезжает асфальтированный, темный от дождя *двор*, где прошла моя жизнь. Я вижу товарищей этой исчезнувшей жизни, они машут руками, их лица теперь не кажутся веселыми, но они и не очень грустны, а девочка улыбается кому-то» [12, с. 451].

Городу противопоставлена *дача*, которая в трифоновских произведениях является символом поэзии, юности и покоя, уникальным местом, куда некоторые герои могут сбежать из города [7, с. 112]. *Дача* – символ высокого социального статуса городских жителей. Пожилой Глебов уже имеет собственную *дачу*, но в детстве это слово было за пределами его жизни. Сюжет о *даче* тесно связан с жизнью Ганчуков, у которых есть *дача* в Брускове. Николай Васильевич Ганчук, профессор, заведующий кафедрой в университете, где Глебов учился, рассказывал ему о своих встречах с известными писателями, которые посещали его на *даче*. Его фраза: «Через пять лет каждый советский человек будет *иметь дачу*» [12, с. 413] – силь-

но удивляла Глебова. Любовь между ним и Соней (дочерью Ганчука) началась на профессорской *даче* в Брускове во время новогодних каникул в 1949 году, и потом они встречались на *даче*. Как мы видим, слово *дача* наделено ёмким смыслом.

В сюжетной линии Левки Шулепникова кроме *дома на набережной* есть четыре важных локуса: *школа*, *институт*, *мебельный магазин*, *кладбище*. Среди них *мебельный магазин* и *кладбище* связаны с пожилым Левкой, а *школа* и *институт* – с его детством и юностью.

Школа и *институт* – не только части городского пространства, но и периоды жизни. *Зависть* и *несоответствие* – два слова, которые определяют отношение к Левке в это время. «Вокруг Шулепникова сбивались летучие компании, крутилась какая-то особая жизнь: *дачи*, *автомобили*, *театр*, *спортсмены*» [12, с. 372].

На заднем дворе *мебельного магазина* Вадим Глебов неожиданно встречает пожилого Левку, который стал *мебельным грузчиком*. Когда безымянный повествователь со старым Ганчуком посещает могилу Сони на *кладбище*, они тоже неожиданно встречают Левку. Он работает то *грузчиком мебельного магазина*, то *привратником кладбища* Донского монастыря. Левка Шулепников из жителя большого дома превратился в обитателя *сторожки привратника на кладбище*, герои поменялись местами.

Глебов тоже когда-то «зарабатывал как *грузчик на вокзале* или колот дрова в *замоскворецких дворах*» [12, с. 369]. В *школе* и *институте* в характере Вадима также происходят изменения. В детстве общительность, внимательность – не без расчета. Потом предательство друга. В *институте* – интрига против профессора Ганчука и отказ *грести против течения в потоке*. Таков путь восхождения к благополучной жизни в престижной квартире в *кооперативном доме*, где он теперь живет.

Важную роль в повести играют топонимы. Их общее число – 61. Среди них есть названия городов: *Москва*. *Барселона*. *Берлин*, *Вена*, *Ленинград*, *Париж* и др.; названия районов Москвы: *Замоскворечье*,

Дерюгинское подворье, Якиманка, Соляный двор и др.; названия улиц и переулков Москвы: Харитоньевский переулок, проспект Вернадского, проспект Мира, улица Горького, Полянка. Якиманка и др.; названия площадей: Пушкинская, Серпуховская, Pigalle (в Париже); названия московских бульваров: Страстной бульвар, Рождественский бульвар; названия мостов: Крымский мост, Москворецкий мост; названия общественных мест: Речной вокзал, Донский монастырь, Большой театр, Даниловский рынок и др. Приведенные топонимы, прежде всего, формируют в произведении неповторимый образ Москвы.

В природе города *улица, переулок, мост* являются частью городского пейзажа, который наблюдают герои из окна своего дома. «Он поглядывал вниз, на гигантскую излучину моста, по которому бежали машины и полз трамвайчик, на противоположный берег со стеной, дворцами, елями, куполами» [2, с. 412]; «Утром, завтракая на кухне и глядя на серую бетонную излучину моста, на человечков, автомобильчики» [Трифонов, 1986: 489]; «Серая громада висла над переулочком, по утрам застила солнце, а вечерами сверху летели голоса радио, музыка патефона» [12, с. 373].

Словесные образы, связанные с ощущениями звука, запаха, цвета, передают атмосферу города той эпохи, переживаемой героем непосредственно и в его воспоминаниях: *голоса радио, музыка патефона, граммофон с трубой, брелок и лязг колес трамвая, многослойный керосиновый запах квартиры, запахи шашлыков, чего-то рыбного, томатного, иногда дорогих папирос или собак в лифтах, запах порохового дыма над московскими крышами, запах реки, оранжевый абажур, залитый солнцем асфальт*.

Интересна функция глагола *жить* в повести. Из 26 словоупотреблений 17 связаны с городским пространством, и значение «обитать» реализуется в следующих словосочетаниях: *жил – по соседству, в двухэтажном подворье, в большом доме, в маленькой квартирке, в однокомнатной квартире, в доме, в том переулке, на пер-*

вом этаже, на восьмом этаже, в тесной однокомнатной квартирке; жить – в том доме, без собственного коридора, в одной маленькой комнате в общей квартире, в доме на набережной, в старой квартире. Два раза встретился глагол *поселиться* в значении «обосноваться на жительство».

Город в изображении Трифонова одновременно велик и беспомощен, знаком и непонятен. Это можно увидеть в двух наиболее выразительных фрагментах. «Мы стояли с Антоном на крыше возле металлической, из тонких прутьев оградки и смотрели на *черный ночной город*. Ни проблеска, ни огонька внизу, все непроглядно и глухо, только *две розовые шевелящиеся раны* в этой черноте – пожары в Замоскворечье. *Город был бесконечно велик. Трудно защищать безмерность*. И еще река, ее не скроешь. Она светилась, отражая звезды, ее изгибы обозначали районы. Мы думали о городе с болью, как о живом существе, которое нуждалось в помощи. Но как мы могли помочь?» [12, с. 479].

Второй фрагмент своим ностальгическим настроением, ритмическим рисунком и повторами напоминает городской романс: «Слепили огни, разгорался вечер, *нескончаемо тянулся город*, который я так любил, так помнил, *так знал, так старался понять*» [12, с. 494].

Словесная ткань этих отрывков соткана из противоречащих друг другу значений. *Город черный, ночной, ни проблеска, ни огонька* и в то же время *пожары, река, которая светилась* и отражала звезды. Скрытый оксюморон содержат сочетания *слепили (тьма) огни (свет), разгорался (светало) вечер (темнело)*.

Заключение

Как мы видим, слова с семантическим компонентом 'город' в повести Трифонова являются не только средством создания фона происходящих событий, но и неотъемлемой частью описания жизни и внутреннего мира героев.

Статья поступила в редакцию 01.12.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
2. Быков Д. Л. Время Шулепы [Электронный ресурс] // Дружба народов. 2014. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/014/5/vremya-shulepy.html> (дата обращения: 20.07.2019).
3. Гинзбург И. Л. Опрокинутый дом [Электронный ресурс] // Новая газета. 2000. № 55. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2000/08/03/8534-oprokinuty-dom> (дата обращения: 25.07.2019).
4. Завер Т. В. Дом и бездомье героев русской городской прозы 2-ой половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2015. 23 с.
5. Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова. М.: Советский писатель, 1984. 300 с.
6. Лотман Ю. М. Проблемы художественного пространства в прозе Н. В. Гоголя // Труды по русской славянской филологии. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 5–50.
7. Магд-Соэп К. де. Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции / пер. с англ., ред. М. А. Литовская. Екатеринбург, 1997. 239 с.
8. Малыгина Ю. В. Образ города в языке русской классической литературы // Челябинский гуманитарий. 2016. № 1 (34). С. 3–33.
9. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.
10. Селеменова М. В. Художественный мир Ю. В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2009. 575 с.
11. Сертакова Е. А. Концепт «город» в русской культуре [Электронный ресурс] // Человек и культура. 2014. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12044 (дата обращения: 25.07.2019).
12. Трифонов Ю. В. Дом на набережной // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Повести. М., 1986. С. 363–494.
13. Трифонов Ю. В. Как слово наше отзовется... / сост. А. П. Шитов; вступ. ст. Л. А. Аннинского; примеч. О. Р. Трифоновой, А. П. Шитова. М., 1985. 384 с.
14. Шаравин А. В. Городская проза 70–80-х годов XX века: дис. ... докт. филол. наук. Брянск, 2001. 486 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov S. A., comp., ed. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The big explanatory dictionary of Russian]. SPb., 2000. 1536 p.
2. Bykov D. L. [Time of Shulepa]. In: *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples], 2014, no. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/014/5/vremya-shulepy.html> (accessed: 20.07.2019).
3. Ginzburg I. L. [Overturned house]. In: *Novaya gazeta* [New Newspaper], 2000, no. 55. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2000/08/03/8534-oprokinuty-dom> (accessed: 25.07.2019).
4. Zaver T. V. *Dom i bezdomie geroev russkoi gorodskoi prozy 2-oi poloviny XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Home and homelessness of the heroes of Russian urban prose of the 2nd half of the XX century: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Arkhangelsk, 2015. 23 p.
5. Ivanova N. B. *Proza Yuriya Trifonova* [Prose by Yuri Trifonov]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1984. 300 p.
6. Lotman Yu. M. [Problems of artistic space in N. V. Gogol's prose]. In: *Trudy po russkoi slavyanskoi filologii. Vyp. 209* [Essays on Slavic Philology. Iss. 209]. Tartu, 1968, pp. 5–50.
7. Magd-Soep K. De *Yurii Trifonov i drama russkoi intelligentsii* [De Yuri Trifonov and the drama of the Russian intelligentsia]. Ekaterinburg, 1997. 239 p.
8. Malygina Yu. V. [The image of the city in the language of Russian classical literature]. In: *Chelyabinskii gumanitarii* [Chelyabinsk Humanities], 2016, no. 1 (34), pp. 3–13.
9. Prokof'eva V. Yu. [Category space at the art refraction: loci and toposes]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2005, no. 11, pp. 87–94.
10. Selemenova M. V. *Khudozhestvennyi mir Yu. V. Trifonova v kontekste gorodskoi prozy vtoroi poloviny XX veka: dis. ... dokt. filol. nauk* [The artistic world of Yu. V. Trifonova in the context of urban prose of the second half of the XX century: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2009. 575 p.
11. Sertakova E. A. [The concept of "city" in Russian culture]. In: *Chelovek i kul'tura* [Man and culture], 2014, no. 2. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12044 (accessed: 20.07.2019).
12. Trifonov Yu. V. [House on the Waterfront]. In: *Trifonov Yu. V. Sbranie sochinenii. T. 2. Povesti* [Collected Works. Vol. 2. Stories]. Moscow, 1986, pp. 363–494.
13. Trifonov Yu. V. *Kak slovo nashe otzovetsya...* [How will our word respond ...]. Moscow, 1985. 384 p.
14. Sharavin A. V. *Gorodskaya proza 70–80-kh godov 20 veka: dis. ... d-ra. filol. nauk* [Urban prose 70-80-ies of the XX century: PhD thesis in Philological sciences]. Bryansk, 2001. 486 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: lonogrig@yandex.ru

Цзян Нань – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: lilith007jn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Grigorieva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lonogrig@yandex.ru

Nan Jiang – Postgraduate student, Department of Russian language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lilith007jn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Григорьева О. Н., Цзян Нань. Слова с семантическим компонентом 'город' в повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №5. С. 26–33.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-26-33

FOR CITATION

Grigorieva O. N., Jiang Nan. Words with Semantic Component 'City' in Y. Trifonov's Novel "House on the Embankment". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 5, pp. 26–33.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-26-33

УДК 80

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-34-42

ВЕРБАЛИЗАТОР *ДЕТИ* КОНЦЕПТА *ДЕТСТВО* В РОМАНЕ Ф. А. ВИГДОРОВОЙ «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»

Куличева Е. В.*Независимый исследователь**г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить роль вербализатора *дети* концепта *детство* в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье».

Процедура и методы. Рассмотрены частотность употребления лексемы *дети* и её словоформ, лексико-семантическое поле в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье». При проведении исследования применены методы: лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементы компонентного анализа.

Результаты. В ходе работы автор установил, что единицы с корнем -дет-, зафиксированные в произведении, являются частотными в идиолекте писательницы; слово *дети* использовано в основных узуальных значениях с актуальными дифференциальными семами, однако для него, помимо эксплицитного значения, характерно и имплицитное. В контексте отражено традиционное для русской картины мира осмысление единиц с корнем -дет-, выступающих в качестве узуальных экспликатов концепта *детство* и выражающих основное значение вербализатора *дети* концепта *детство* в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье» – ведущую, определяющую роль семьи в нравственном и духовном становлении человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. В ранее опубликованных научных статьях не рассматривается и не раскрывается обозначенная для исследования лексема *дети* в творчестве Ф. А. Вигдоровой, в связи с чем научная новизна данной работы очевидна. Статья адресована студентам филологических факультетов, филологам, лингвистам, занимающимся изучением концептов, исследующим творческое наследие писательницы XX в., журналиста, депутата Ф. А. Вигдоровой.

Ключевые слова: концепт, вербализатор, лексема, сема, Ф. А. Вигдорова

VERBALIZER *CHILDREN* OF THE CONCEPT *CHILDHOOD* IN F. VIGDOROVA'S "FAMILY HAPPINESS"

E. Kulicheva*Independent researcher**Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to identify the role of the verbalizer children of the concept of *childhood* in the novel «Family happiness» by F. Vigdorova.

Methodology. The article considers the frequency of use of the lexeme *children* and its word forms, lexical and semantic field in the novel «Family happiness» by F. Vigdorova. The research uses the following methods: linguistic observation and description, statistical calculation, and elements of component analysis.

Results. In the course of the work, the author has established that the units with the root -дет-, recorded in the work, are frequent in the idiolect; the word children is used in the main usual meanings with

actual differential semes, but in addition to the explicit meaning, it is also characterized by an implicit; the context reflects the traditional understanding of the Russian worldview of units with the root of *дети*, which act as usual explicators of the concept of childhood and express the main meaning of the verbalizer *children* of the concept of *childhood* in the novel «Family happiness» by F. Vigdorova – the role of the family in the moral and spiritual development of a person.

Research implications. Previously published scientific articles do not consider and do not disclose the lexeme *children* in the work of F. Vigdorova, so the scientific novelty of this work is evident. The article is addressed to students of philological faculties, philologists, linguists engaged in the study of concepts, exploring the creative heritage of the writer of the 20th century, journalist, deputy F. Vigdorova.

Keywords: the concept, verbalization, lexeme, sema

Введение

В статье рассматривается роль вербализатора *дети* концепта *детство* в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье». Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- установление частотности употребления лексемы *дети* и её словоформ, входящих в словообразовательные гнезда, в художественном тексте;
- определение лексического значения слова *дети*;
- рассмотрение семантического поля лексемы *дети* в произведении.

О концептах *детство*, *дети* писали исследователи: И. А. Киселёва «Концепт “семья” как часть концепта “детство” и его репрезентация в русской и английской женской мемуарной прозе конца XIX–начала XX вв.», «Репрезентация концепта “семья” в ассоциативном поле концепта “детство” в русской и английской лингвокультурах (на материале женской мемуаристики конца XIX–начала XX вв.)», И. А. Калужная «Концепт “детство” в немецкой и русской лингвокультурах», М. Ю. Лебедева «Концептуальное поле “Детство” и его репрезентация в русском языке», О. О. Маслова «Концепт детства в научной и художественной традициях 20 века», У. А. Басова «Ментальное образование *дети* в русской языковой картине мира» и другие.

Работы данных учёных носят антропоцентрический характер и строятся на анализе языковых явлений в триаде «человек – язык – мир» / «язык – культура – личность». Язык выступает в качестве формы

и способа «вербализации»¹ человеческого сознания, которое осуществляет концептуализацию окружающего его мира. В результате складывается картина мира, преломляющаяся в национальном сознании, основным средством доступа к которой является язык» [4, с. 90–91].

Так, М. Ю. Лебедева исследует концептуальное поле *детство* в русском языке с точки зрения триады «язык – культура – личность» и указывает на то, что понятие *детство* имеет многочисленные интерпретации, состоит из метафорических моделей и само используется в качестве метафоры.

По мнению И. А. Киселёвой, концепт *детство* – универсальный и значимый «ментальный конструктор» любой языковой картины мира, поскольку является объектом постоянной рефлексии в художественной, мемуарной, дневниковой литературе, в бытовых текстах [5, с. 192]. Исследовательница наравне с И. А. Калужной рассматривает *детство* как период жизни человека, когда формируется его мировоззрение на основе приобретаемого опыта социальной и культурной среды.

О. О. Маслова анализирует концепт *детство* не только как временную, психофизиологическую категорию, но прежде всего как культурологическую, трансформирующуюся в разных социальных и национальных условиях.

¹ Вербализация – 1. Выражение мысли при помощи слов и форм языка. 2. Переход той или иной части речи в класс глаголов. Ист.: Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. URL: http://slovari.bibliofond.ru/lingvistics_dictionary_word/verbalization (дата обращения: 15.09.2020).

У. А. Басова рассматривает структурно-семантические характеристики макроконцепта *дети*. Под макроконцептом исследовательница понимает «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [1; 4].

Опубликованные научные работы не рассматривают и не раскрывают обозначенную для исследования лексику *дети* в творчестве Ф. А. Вигдоровой, в связи с чем научная новизна данной статьи очевидна.

В представленной работе рассмотрена частотность употребления лексики *дети* и её словоформ, лексико-семантическое поле в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье». Единица *дети* эксплицитно и имплицитно в плане семантики антропоцентрична [8, с. 102].

При проведении исследования применены методы: лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементы компонентного анализа.

Теоретическую базу исследования составили труды И. А. Киселёвой, И. А. Калужной, М. Ю. Лебедевой, О. О. Масловой, У. А. Басовой, В. В. Леденёвой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. В. Титовой, О. В. Шаталовой, И. Н. Щемелиной, Ю. С. Яковлевой и других учёных.

Статья адресована студентам филологических факультетов, филологам, лингвистам, занимающимся изучением концептов, исследующим творческое наследие писательницы XX века, журналиста, депутата Ф. А. Вигдоровой.

Слова с корнем -дет- в узусе и в художественном тексте Ф. А. Вигдоровой

Единицы с корнем -дет-, зафиксированные в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», являются частотными в идиолекте писательницы: имя существительное *дети* – 30 употреблений, словоформы: *детей* – 19, *детям* – 4, *детьми* – 8; *деточка* – 2; *детство* – 3, словоформы: *детства* – 5, *(о) детстве* – 3; *(из) детства* – 1; *впасть в*

детство – 1; имя прилагательное *детский* – 20, словоформы: *детского* – 2; *детским* – 1; *детском* – 4; *наречие по-детски* – 1.

Конкорданс доминанты парадигмы – слова *дети* – в романе таков: *дети росли, есть дети, будут дети, заплакали дети, отбывают дети, дети доедают, дети принялись (за хлеб), спрашивают дети, дети ушли, дети не возвращались, дети столпились, дети подходили, дети бывают (за нянек), дети передавали, дети стали крепче; здоровые дети, другие дети; здесь дети.*

В Толковом словаре В. И. Даля слово *дети* имеет значение: «сыновья и дочери; в отношении к родителям, и взрослые»¹.

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, лексема *дети* как полисемант представлена в двух значениях, первое: «мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества»; второе: «сыновья, дочери»². Подобное толкование находим в словаре Д. Н. Ушакова: «малолетние»; «сыновья, дочери»³.

Более подробное описание данной лексемы встречаем в словаре русского языка А. П. Евгеньевой: 1. Малолетние; против. взрослые. || О наивных, неопытных людях. || Детёныши животных, птиц. 2. Сыновья, дочери (независимо от возраста). || Ближайшие потомки, молодое поколение. 3. кого-чего. Люди, тесно, кровно связанные с кем-, чем-либо, усвоившие характерные черты породившей их среды, обстановки и т.п.⁴

В художественном тексте слово *дети* используется в основных узусальных значениях с актуальными дифференциальными семами: «мальчики и девочки в раннем возрасте»

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. I: А – З – М: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 407.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. С. 163.

³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАСНЕНА> (дата обращения: 15.05.2020).

⁴ Словарь русского языка: в 4-х т. [сайт] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://febweb.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

(*Дети* росли, не доставляя Нине Викторовне особых хлопот; *Дети* молча столпились во-круг¹), 'ученики' (Ты на год старше моих *детей*, не оставаться же тебе на второй год²), 'ребята' (Тебе не понравилось у *детей*? – спросила Саша на улице; Она играла с *детьми* на переменах, а Тамара Сергеевна уходила в учительскую³), 'сыновья, дочери' (Она стояла в толпе других матерей, но те были счастливее, их *дети* подходили к окнам, махали руками; А ведёт она себя так, словно думает, будто *детей* приносят аисты⁴), 'форма обращения' (Подарите мне, *дети*, красивые баишмачки!; слово *дети* с уменьшительно-ласкательным суффиксом -очк- носит в произведении нейтральный характер: *Деточка*, отойди, – шёпотом сказал хозяин собаки и одновременно пренебрежительный: *Деточка*, – говорит Саше кинооператор, – всё это очень мило, но я попрошу вас отойти, нам надо снять ребёнка...⁵), 'наивный, неопытный человек' (Вы что, *дети*? Это ж родильный дом!⁶), 'юность, чистота, невинность, влюблённость' (Они шли, как двое *детей*, по дорожкам сада, держась за руки, не глядя друг на друга, по новой, только что открывшейся им стране⁷).

Лексема *дети* как термин родства противостоит по совокупности сем другим членам семантического поля: дети (в значении 'рождённый'; И у других матерей *дети*, однако они не сторожат их, идут на фронт; Неужели и у него, у Лёши, тоже будут жена и *дети*?⁸) – родители (в значении 'родитель'; *Родители* не жаловались на Сашу: послушная девочка, хорошо учится, наверняка получит похвальную грамоту; Он вычитал у Чуковского, что культурные, наблюдающие за ростом своих детей *родители* ведут дневники⁹); дети – мать/

отец (в значении 'прямое кровное родство'; Всё в мире открывала Андрею *мать*; *Мать* ответила радостным смехом; Когда *мать* играла на старом пианино, где «до-диез» не откликалось вообще, а «фа» протужено дребезжало, *отец* слушал задумчиво и благоговейно; Строгий *отец* не спал по ночам¹⁰); дети (в значении 'первое поколение', 'будущее поколение') – бабушка/дедушка (в значении 'третье поколение'; Всё так же *бабушка* заставляла Аню выпить в кровати стакан молока; По-прежнему приходила к Зое Серезина и Юрина *бабушка*; У нас есть *дедушка* и Лёша¹¹).

В состав лексемы *дети*, представленной на страницах художественного текста, входит имплицитный компонент – 'дети войны' (Анюта, Катя), 'дети страны', 'дети века'. Так, Саша, Андрей, Поливанов – истинные патриоты. Они горячо любят свою Родину и готовы отдать за неё жизнь. Поливанов после контузии мечтает «вернуться в строй не с киноаппаратом в руках – стрелком-радистом, в пехоте, как угодно, но только быть со всеми до конца»¹². Для Андрея движущей силой является любовь: любовь к жене, к дочери, к стране, к миру. Он чувствует ответственность перед всеми людьми на Земле, защищает от фашизма не только свою Родину, но и весь мир: И опять всюду ты и Анюта. В глазах чужого ребёнка, в обрушившейся крыше чужого дома, в смерти и жизни¹³.

Слово *дети* в романе несёт в себе положительную коннотацию, однако один раз оно употребляется с отрицательной оценкой, чтобы подчеркнуть сварливый, но добрый характер Анисьи Матвеевны: Эх, *дети*! Морока!¹⁴.

Лексема *дети* на страницах художественного текста Ф. А. Вигдоровой повторяется 30 раз, и это не случайно. Для писательницы всё, что связано с миром детства, было важно, дорого и значимо. Дети ассоциировались у неё с чистотой,

¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

наивностью, добротой, непосредственностью, простотой, открытостью, домом. Всю свою жизнь Фрида Абрамовна посвятила им. Справедливо отметила И. Грекова: «Дело учителя, воспитателя было её подлинным призванием» [2; 5]. Она много «и страстно размышляла о проблемах обучения и воспитания» [2; 5]. Основой обучения и воспитания Ф. А. Вигдорова считала любовь к детям. Подобные мысли отражены в её творчестве, в частности, в романе «Семейное счастье».

Можно согласиться с И. А. Калужной, которая рассматривает лексику *детство* «как объективно неизбежный период человеческой жизни, как одну из стадий развития индивида, как многомерный психосоциальный и культурный феномен» [3; 6]. Данная лексема проходит в художественном тексте красной нитью, придаёт ему целостность, подчёркивает основную мысль произведения – важную, определяющую роль семьи, школы в нравственном и духовном становлении ребёнка.

Лексема *детство* представлена в романе в значении ‘детский возраст’, ‘период жизни’: *И теперь, когда Андрей стал взрослым, каждая весна несла ему эти незабываемые запахи его детства – земли, травы, ветра; Всё, всё отступило назад, стало далёким, как само детство <...> (‘период жизни’); Он был старше матери, и Андрей с детства помнил его сутулым, с седыми висками, в очках; На мамином кресле всегда лежала какая-нибудь книга, а любила она книги, которые в детстве казались Андрею скучными: Чехов, Гончаров, Ибсен и Гамсун (‘детский возраст’)*¹.

Ф. А. Вигдорова была убеждена, что человек, выросший в семье, где царит любовь, уважение, трепетное отношение между матерью и отцом, будет твёрдо стоять на ногах, чтить семейные традиции и передавать их своим детям. Данную мысль находим в дневнике матери Андрея: *Запас покоя и радости, который уносит человека из своего детства, главное его богатство.*

*Оно помогает ему во всех перепутьях, во всём трудном, что встречается в жизни <...> ... если я научу его верить в людей, если я оберегу его веру в себя, в своё человеческое достоинство, если научу его любить жизнь и помогу найти своё место в этой жизни, – он уйдёт из детства богачом*².

Детство, подчёркивает писательница, – важный период в формировании нравственных, духовных ценностей в жизни человека, именно поэтому в это время так необходима любовь, доброе участие родителей, учителей по отношению к детям.

На страницах художественного текста встречается фразеологизм *впасть в детство*, который обычно употребляется в значении: «от старости потерять рассудок, выжить из ума»³. Однако в романе он используется в шутовском, укоризненном значении ‘возвращение к исходному состоянию’: *Когда ей было десять дней, её легко успокаивал «Евгений Онегин», особенно первая строфа. А теперь Анюта **впадает в детство**: от Онегина интерес перешёл к погремушкам*⁴.

В семантической структуре имени прилагательного *детский* («прил. к дети») как полисеманта просматривается связь его лексико-семантических вариантов (ЛСВ) со значениями производящего слова *дети*: 1. Прил. к дети (в 1 и 2 знач.)⁵. *Саша знает тут каждого мальчика, каждую девочку, помнит выражение каждого детского лица; Твёрдые губы на детском личике – чьи они?*⁶ || Предназначенный для детей⁷.

² Там же.

³ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

⁵ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

⁶ Вигдорова Ф. А. «Семейное счастье». [сайт]. URL: (дата обращения: 01.08.2019).

⁷ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

Три билета в редакцию «Правды Востока» на **детский** праздник. А если дети, так надо в **детский** вагон! Пахнет **детским** мылом¹. 2. Свойственный ребёнку, такой, как у ребёнка². Она знала этот **непрестанный** осипший **детский** плач и отчётливо слышала, как плачет Аня³. || перен. Не свойственный взрослому; ребяческий, наивный, незрелый⁴. Мы с Юлей, – сказал он. – Ох уж этот **детский** сад. Вы с Юлей!⁵

Словосочетание **детский** сад употребляется в произведении 12 раз (и две его словоформы) не только в прямом значении: «воспитательное учреждение для детей дошкольного возраста»⁶ (*Очень любит Лёшу, радуется, когда он приходит за ней в **детский** сад; Всё так же Саша вставала по утрам, на ходу пила чай и торопливо отводила Аню в **детский** сад⁷*), но и в переносном: «ребяческий, наивный, незрелый»⁸ (*Наверно, она всем понадавала таких советов как ни придёшь в кино, глядишь, в киножурнале непременно **детский** сад⁹*).

Наряду со словосочетанием **детский сад** употребляются словосочетания: **детский дом** (в значении «воспитательное учреждение для детей, не имеющих родителей»¹⁰) – 3 раза, (в) **детском** доме – 2 (*И каждого, кого соглашался отдать **детский** дом; Ей в **детском** доме будет гораздо лучше, чем со мной¹¹*); **детский вагон** – 1 (*А если дети, так надо в **детский** вагон! – басит кто-то с площадки¹²*); **детский плач** – 1 (*Она знала этот **непрестанный** осипший **детский** плач и отчётливо слышала, как плачет Аня¹³*); **детский дневник** (в значении «дневник, который ведут родители») – 1 (*Проснувшись ночью, Саша увидела, что он сидит за столом, перелистывая **детский** дневник¹⁴*); **детский праздник** – 2 (*Глядите, три билета на **детский** праздник¹⁵*); **детского лица** – 1 (*Саша знает тут каждого мальчика, каждую девочку, помнит выражение каждого **детского** лица¹⁶*); на **детском** личике – 1 (*Твёрдые губы на **детском** личике – чьи они?¹⁷*); **детским** мылом – 1 (*Пахнет **детским** мылом¹⁸*).

В смысловом контенте наречия **по-детски** актуализирована сема 'так, как характерно для детей'¹: *Она стоит, по-детски, беспомощно опустив руки, опустив голову, не смея поднять глаза²*.

Заключение

На страницах художественного текста встречаются антонимичные лексемы: **детство** – **взрослый** (*Подумай сама – **взрослый**, как мало ни жил бы, успел что-то сделать, как-то выразить себя³*). Они используются для усиления контраста тёплого уютно-

¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

² Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

⁴ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

⁵ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

⁶ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

⁷ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

⁸ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

⁹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

¹⁰ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 22.05.2020).

¹¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

го мира детства и холодного, одинокого, непростого мира взрослого человека. Так, в трудные периоды жизни Андрей «вызывал в своей памяти»⁴ звук маминого голоса. Он согрел героя, наполнял ощущением покоя, переносил в детство.

Справедливо отметила И. А. Киселёва, что «семья играет определяющую роль в становлении и развитии личности» [5, с. 92], поскольку именно в детстве приобретает «опыт социальной среды».

Проанализировав семантику слова *дети* в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», приходим к выводу о том, что в про-

изведении отражено традиционное для русской картины мира осмысление единиц с корнем *-дет-*, выступающих в качестве узуальных экспликаторов концепта *детство* и выражающих основное значение вербализатора *дети* концепта *детство* в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье» – ведущую, определяющую роль семьи в нравственном и духовном становлении человека.

Статья поступила в редакцию 25.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басова У. А. Ментальное образование *дети* в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 16 с.
2. Грекова И. Сто сердец // Вигдорова Фрида. Дорога в жизнь: повесть. М.: Детская литература, 2019. 320 с.
3. Калужная И. А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 21 с.
4. Киселёва И. А. Концепт «семья» как часть концепта «детство» и его репрезентация в русской и английской женской мемуарной прозе конца XIX–начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 90–101.
5. Киселёва И. А. Репрезентация концепта «семья» в ассоциативном поле концепта «детство» в русской и английской лингвокультурах (на материале женской мемуаристики конца XIX – начала XX вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 191–202.
6. Куличева Е. В. Педагогические взгляды Ф. А. Вигдоровой // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2019. № 4 (20). С. 105–108.
7. Лебедева М. Ю. Концептуальное поле «Детство» и его репрезентация в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Москва, 2013. 24 с.
8. Леденёва В. В. Индикаторы нравственной позиции // Слово Лескова: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 101–118.
9. Леденёва В. В. Слова с корнем *-дом-* в письмах Н. С. Лескова 90-х годов // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. IV. Итоги Международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К. А., г. Москва, 25 февраля 2016 г. / отв. ред. О. В. Шаталова; под ред. В. В. Леденёвой, Т. М. Фадеевой, Е. Д. Звуковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 147–150.
10. Маслова О. О. Концепт детства в научной и художественной традициях 20 века: автореф. дисс. канд. культурологии. Ярославль, 2005. 22 с.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
12. Титова Ю. В. Структура концепта и методы его описания // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2010. С. 16–21.
13. Шаталова О. В. Концепт «бытие» в русском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. 47 с.

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. в 3 т. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 22.05.2020).

² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://libreed.ru/books/semejnoe-schaste> (дата обращения: 01.08.2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

14. Щемелинина И. Н. Вербализатор *ведать* концепта *знание* в Сочинении Г. Котошихина «О России в царствовании Алексея Михайловича» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 8. С. 148–151.
15. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43–73.

REFERENCES

1. Basova U. A. *Mental'noe obrazovanie deti v russkoi yazykovoi kartine mira: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Mental concept children in the Russian linguistic picture of the world: abstract of PhD thesis in Philological sciences.]. Tver, 2019. 16 p.
2. Grekova I. [One hundred hearts]. In: Vigdorova F. *Doroga v zhizn': povest'*. [Vigdorova Frida. The road to life]. Moscow, Skitskaya literatura Publ., 2019. 320 p.
3. Kalyuzhnaya I. A. *Kontsept «detstvo» v n emetskoi i russkoi lingvokul'turakh: avtoref. dis ... kand. filol. nauk* [The concept of "childhood" in German and Russian linguocultures: abstract of PhD thesis in Philological sciences.]. Volgograd, 2007. 21 p.
4. Kiseleva I. A. [The concept of "family" as part of the concept of "childhood" and its representation in Russian and English female memoir prose of the end]. [XIX – early XX centuries.]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2017, no. 4, pp. 90–101.
5. Kiseleva I. A. [Representation of the concept «family» in the associative field of the concept «childhood» in Russian and English linguocultures (based on the material of women)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics] 2015, no. 4, pp. 191–202.
6. Kulicheva E. V. [F. A. Vigdorova]. In: *Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya* [Bulletin of the Saratov Regional Institute of Education Development], 2019, no. 4 (20), pp. 105–108.
7. Lebedeva M. Yu. *Kontseptual'noe pole «Detstvo» i ego reprezentatsiya v russkom yazyke: avtoreferat dis. k. filol. n* [Conceptual field "Childhood" and its representation in Russian: abstract of PhD thesis in Philological sciences.]. Moscow, 2013. 24 p.
8. Ledeneva V. V. *Indikatory npravstvennoi pozitsii* [Indicators of moral position] Moscow, IIUMGOU Publ., 2015. pp. 101–118.
9. Ledeneva V. V. [Words with the root -дом- in the letters of N. Leskov of the 90s]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoi mezkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost'* [Russian language in Slavic intercultural communication: history and modernity. Iss. IV. Outcomes of the International scientific conference dedicated to the memory of Doctor of Philosophy, Professor Voilovoy K. A., Moscow, February 25, 2016], Moscow, MRSU Ed. office, 2016, pp. 147–150.
10. Maslova O. O. *Kontsept detstva v nauchnoi i khudozhestvennoi traditsiyakh 20 veka: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii*. [The concept of childhood in the scientific and artistic traditions of the 20th century: abstract of PhD thesis in Art sciences]. Yaroslavl, 2005. 22 p.
11. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh, Istoki Publ., 2007. 250 p.
12. Titova Yu. V. [The structure of the concept and methods of its description]. In: *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk State Technical University], 2010, pp. 16–21.
13. Shatalova O. V. *Kontsept «bytie» v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The concept of "being" in Russian: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2009. 47 p.
14. Shchemelinina I. N. [The verbalizer to be in charge of the concept of knowledge in the Composition of G. Kotoshikhin "On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich"]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2019, vol. 12, no. 8, pp. 148–151.
15. Yakovleva E. S. [On the concept of "cultural memory" as applied to the semantics of the word. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1998, no. 3, pp. 43–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куличева Евгения Вячеславовна – кандидат филологических наук, независимый исследователь;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya Kulicheva – Cand. Sci. (Philology), Independent Researcher;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куличева Е. В. Вербализатор *дети* концепта *детство* в романе Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 5. С 34–42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-34-42

FOR CITATION

Kulicheva E. V. Verbalizer *Children* of the Concept of *Childhood* in F. Vigdorova's "Family happiness". In: *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2020. no. 5. pp. 34–42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-34-42

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-43-50

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ ОТКАЗА ОТ ОТВЕТА И СПОСОБЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Ли Цинь*Юго-восточный университет**210096, провинция Цзянсу, г. Нанкин, ул. Сипайлоу, д. 2, Китайская Народная Республика***Аннотация.**

Цель. Выявить и описать типы не прямой речевой тактики отказа от ответа и способов их реализации.

Процедура и методы. Использовался метод описательного и таксономического исследования, а также метод контекстно-семантического анализа тактик, с помощью которых адресат вопроса косвенно отказывается отвечать на вопрос.

Результаты. По заключению авторов статьи, косвенный отказ от ответа отличается не только от непреднамеренно неудачной реакции отвечающего на вопрос, но и от эксплицитного отказа от ответа и ответа-обмана, так как не выражает эксплицитного нежелания давать ответ и не содержит ложной информации, которую спрашивающий может посчитать истинной. Речевые способы реализации стратегии косвенного отказа от ответа могут состоять в предоставлении причины отсутствия информативного ответа — отвечающий делает вид, что он не расслышал вопроса, не понял его или что вопрос является немотивированным, неискренним, неважным, некорректным или неуместным, — или в сообщении неинформативного ответа — адресат вопроса преднамеренно сообщает ненужный спрашивающему ответ, чтобы избежать предоставления требуемой информации.

Теоретическая значимость исследования определяется тем фактом, что его результаты и выводы могут способствовать более глубокому пониманию характеристик несовместимого взаимного вопроса, в частности преднамеренного отказа от ответа на вопрос. Уточнение концепции косвенной речевой тактики может стать теоретической основой для дальнейших исследований в области речевого взаимодействия.

Практическая значимость заключается в том, что её материал может быть использован в курсах по риторике, прагматике, анализу дискурса и в практических пособиях по риторике и коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная тактика, языковые игры, ответ на вопрос, выражение отказа, косвенные речевые тактики

Благодарности. Данная статья выполнена при финансовой поддержке китайского гуманитарного исследовательского фонда провинции Цзянсу (проект № 19YYC06) и фондов фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект № 2242020S20050 и проект № 2242020R10030).

INDIRECT SPEECH TACTICS OF THE REFUSAL TO ANSWER AND METHODS OF THEIR IMPLEMENTATION

Li Qin*Southeast university**2 Sipai building, Nanjing city of Jiangsu Province 210096, People's Republic of China*

Abstract.

Aim. The purpose of the study is to identify and describe the types of indirect speech tactics of the refusal to answer and ways of its implementation.

Methodology. We used the method of descriptive and taxonomic research, as well as the method of context-semantic analysis of the tactics, by which the addressee of the question indirectly refuses to answer the question.

Results. Indirect refusal to answer differs from the unintentionally unsuccessful response of the respondent's question and an explicit refusal to answer and answer-deception since it does not express an apparent reluctance to answer and does not contain false information that the questioner may consider accurate. Speech ways of implementing the strategy of indirect refusal to answer may be realized in providing the reasons for the lack of informative response — responder pretends he didn't hear the question, didn't understand it or that the question is irrelevant, insincere, unimportant, incorrect, or inappropriate, or post uninformative answers, the addressee of the question deliberately informs the questioner of unwanted response to avoid providing the required information.

Research implications lies in a systematic analysis of records of indirect refusal to respond: for the first time, the conditions under which the recipient indirectly refuses to respond are clarified and described, and speech actions used to detect the recipient's unwillingness to respond are identified and described.

The theoretical significance of the study is determined by the fact that its results and conclusions can contribute to a deeper understanding of the characteristics of an incompatible mutual question, in particular, deliberate refusal to answer the question; clarifying the concept of indirect speech tactics can become a theoretical basis for further research in the field of speech interaction. **The practical significance** of the work is that its material can be used in courses on rhetoric, pragmatics, discourse analysis, and practical manuals on rhetoric and communication.

Keywords: communicative tactics of politicians, refusal to answer language games, indirect speech tactics

Acknowledgment. This article was financially supported by the Chinese Humanities Research Foundation of Jiangsu province (Project no. 19YYC06) and by the Fundamental Research Funds for the Chinese Central Universities (Project no. 2242020S20050 and Project No 2242020R10030).

Введение

Человек не всегда хочет отвечать на вопрос по следующим причинам: а) запрашиваемая информация является личной и не должна передаваться; б) отказ показывать своё незнание по данному вопросу [1; 5; 6].

Если адресат эксплицитно отказывается отвечать на вопрос, ситуация коммуникации нередко переводится из кооперативной в конфликтную, так как явный отказ от ответа находится на нижней отметке шкалы вежливости. Чтобы предотвратить возможные конфликтные ситуации в процессе речевого общения, поддержать дружественные отношения со спрашивающим и произвести на него благоприятное впечатление, отказ от ответа можно реализовать посредством косвенной тактики, которая рассматривается как инструмент, способствующий выражению отказа.

Тактика косвенного отказа возникает, когда человек не говорит «нет» напрямую, а в явном и не явном виде даёт понять собеседнику, что он не намерен отвечать на вопрос. Косвенный отказ говорить – это утверждение, которое выражает негативное отношение к вопросу. Буквальная иллокутивная функция такого заявления респондента может отличаться: это может быть демонстративное сообщение информации, в которой респондент не нуждается, демонстративное объяснение значения вопроса, демонстративное обещание ответа в ближайшем будущем и т.д., но имплицитная цель высказывания состоит в том, чтобы поставленный вопрос был оставлен без ответа. О косвенном отказе от ответа можно также говорить, когда отвечающий выражает своё нежелание отвечать на вопрос при помощи оскорбления, грубого, раздражённого требования, враж-

дебного замечания, угрозы или перечисления разнообразных причин нежелания отвечать на вопрос и т. д. Например: *А ты кто, – сыщик? Уходи прочь! Рот закрой! Замоли! Не спрашивай! Пошёл вон. Не вмешивайтесь в мою жизнь. Оставь меня в покое! Тебе лучше не знать. Жив будешь!*

Целью данной работы является рассмотрение косвенных тактик отказа от ответа и конкретных способов их реализации, описание стратегии косвенного отказа от ответа, описание речевых приёмов, с помощью которых говорящий реализует тактический отказ от ответа.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, необходимостью детального описания особенностей некооперативного вопросно-ответного взаимодействия, а с другой стороны, недостаточной изученностью коммуникативных приёмов для реализации косвенных тактик отказа от ответа. Для достижения цели статьи необходимо решить **задачи**:

- определить место косвенного отказа от ответа в системе речевых реакций отвечающего на вопрос;
- охарактеризовать речевую тактику косвенного отказа от ответа;
- проанализировать условия, в которых используются речевые приёмы, посредством которых говорящий уклоняется от ответа.

Научная новизна исследования состоит в систематическом анализе записей косвенного отказа от ответа: впервые выясняются и описываются условия, при которых адресат косвенно отказывается отвечать, и выявляются и описываются речевые действия, используемые для выявления нежелания получателя ответить.

Типы речевых реакций отвечающего на вопрос

Эксплицитный отказ от ответа – это один из не сотрудничающих ответов на вопрос, в котором адресат выражает свое нежелание предоставить информацию заявителю [2; 3; 4; 6]. Рассмотрим диалог:

Макарская. *И где вы меня видели?*

Сильва. *Никогда не скажу*

(А. Вампилов).

Отказ от ответа отличается от других видов несогласованной реакции адресата на вопрос, в частности от признания некомпетентности адресата. Взгляните на следующий диалог: оратор обеспокоен судьбой – арестованного сына, хотя он не был виновен, не совершавшего преступления, и хочет знать, где он находится:

– *Как же я теперь узнаю, где он?*

– *Это меня не касается, – ответил следователь, – узнайте лучше в судебной инстанции*

(Л. Чуковская).

В ответ на вопрос собеседника о местонахождении сына следователь предупреждает о своей некомпетентности и советует обратиться в суд, где заявитель сможет получить ответ на свой вопрос.

В случаях, когда адресат отказывается отвечать и признаёт некомпетентность, общение прекращается: нарушается одно из подготовительных условий для успеха речевого акта в результате вопроса¹. Однако признание неспособности адресата предоставить запрашиваемую информацию означает, что адресат в принципе готов поделиться запрашиваемой информацией, но не владеет ею, в то время как если лицо отказывается отвечать на вопрос, адресат не хочет предоставлять заявителю информацию.

Работа частично описывает речевые тактики отвечающего на вопрос и способы их реализации². Наша классификация методов реализации не прямой тактики отклонения речи отличается от предложенной исследователями (В. С. Пугач, М. П. Чуриков и Л. Б. Головаш). Различия касаются как состава способов общения, так и их интерпретации. Во-первых, исследователи определяют методы для явного и неявного косвенного отклонения ответа³. С нашей точки зрения, косвенный отказ от ответа может быть только скрытым.

¹ Об условиях успешности вопроса см.: [3] и др.

² Пугач В. С. Уклонение от прямого ответа на вопрос как тип речевого реагирования : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 208 с.

³ Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 168 с.

Кроме того, такие методы реализации косвенной вербальной тактики отклонения сообщения В.С. Пугач, М. П. Чуриков и Л. Б. Головаш не считают сообщениями с известной, неполной, нерелевантной и явно некорректной информацией. Сложно конкретно уточнить проблему с помощью доказательств – любой вопрос об обратном считается уклонением¹. Между тем, ни один из конфликтующих вопросов не указывает на готовность адресата ответить. Например, получатель вопроса после ответа на другой вопрос также может ответить:

Носов: *А вы почему не на уроке?*

Илья Епифанов: *А вы?*

Носов: *Ну, у меня сегодня только один урок по истории.*

Илья Епифанов: *Меня выгнали.*

(Телесериал «Школа»).

По мнению В. С. Пугач и М. П. Чуриков, ситуация, когда «на вопрос невозможно ответить из-за ложной презумпции» своего рода прямым опровержением информации, запрошенной заявителем². Факт, что на вопрос невозможно ответить из-за ложной презумпции, с нашей точки зрения, фиксируется в двух случаях: 1) предположение действительно неверно; 2) предположение вопроса отражает реальную ситуацию, но адресат вопроса делает вид, что ошибается. В первом случае ответ на вопрос практически невозможен, это непреднамеренная ошибка связи. Другими словами, это тип речевой реакции, который отличается от отказа отвечать. Во втором случае также нет прямого отклонения ответа, поскольку адресат вопроса не является явным, но косвенно указывает, что он не хочет отвечать на вопрос.

«Признание некомпетентности» также является способом прямого отклонения ответа³. «Признание некомпетентности»

понимается как метод, который не следует отвергать прямо или косвенно, поскольку он является скрытым выражением нежелания отвечать. Исследователи объясняют проблему, давая ответ на вопрос по-другому. Таким образом, М. П. Чуриков не делает различий между реальным и разоблачающим саботажем⁴. Другими словами, честная передача ответа более компетентному лицу рассматривается автором как способ избежать ответа. С нашей точки зрения, косвенная речевая тактика отказа от ответов является лишь демонстративным отклонением.

В. С. Пугач не делает различий между передачей ответа на вопрос другому лицу и признанием некомпетентности, поскольку он рассматривает первое как версию последнего⁵. Для нас это два разных способа косвенно отказаться от ответа. Адресат вопроса не предоставляет необходимой информации, и в случае мошенничества респондент может рассчитать правильный ответ, но ответа нет. Т. е., чтобы избежать ответа, адресат вопроса не просит ввести в заблуждение, а просто не говорит ему, что он не намерен отвечать на вопрос.

Условия реализации тактики косвенного отказа от ответа

Условия, которые должны быть выполнены для реализации тактики косвенного отказа отвечать, перечислены ниже:

1. задаваемый вопрос слышен, значим, мотивирован, искренен, актуален, важен;
2. предположение вопроса верно;
3. а) ответчик несёт ответственность за запрашиваемую информацию; б) респондент должен быть квалифицирован для получения необходимой информации, но не обладать ответом на вопрос;
4. а) ответчик не желает давать ответ, так как запрашиваемая информация относится к сфере его личной жизни; б) от-

как тип речевого реагирования : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 208 с.

⁴ Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 168 с.

⁵ Там же.

¹ Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 177 с.

² Пугач В. С. Уклонение от прямого ответа на вопрос как тип речевого реагирования : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 208 с.; Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 168 с.

³ Пугач В. С. Уклонение от прямого ответа на вопрос

ветчик отказывается продемонстрировать своё незнание сути дела;

5. а) респондент не будет напрямую отклонять ответ и вводить в заблуждение вводящего в заблуждение; б) адресат вопроса не может отказаться отвечать на поставленный вопрос, так как он должен ответить на него;

6. респондент делает вид, что не может дать ответ, потому что его собеседник нарушил одно из условий для эффективного выполнения взаимодействия «вопрос-ответ» или непреднамеренно нарушил какое-то условие для эффективного выполнения взаимодействия «вопрос-ответ».

Способы реализации тактики косвенного отказа от ответа

Способы реализации косвенной речевой тактики отказа от ответа делятся на две группы: 1) в них указывается причина отсутствия информативного ответа, когда респондент делает вид, что не слышит, не понимает или что вопрос немотивирован, неискренен, неуместен, неправильный или неуместен; 2) неинформативное ответственное сообщение – адресат вопроса намеренно сообщает заявителю ненужный ответ, чтобы не предоставить запрашиваемую информацию.

В случае косвенного отказа от ответа адресат может грубо / раздраженно попросить интервьюера предпринять действия тем или иным образом. Проиллюстрируем это следующими диалогами:

– Машенька, – вдруг очень ласковым голосом разродилась Зёмина собеседница. – Можно тебя попросить?

– *Рот закрой, – буркнула санитарка, почесав затылок.*

(А. Терехов).

Способ косвенного отказа в ответе может представлять собой угрозу, при которой респонденту заранее сообщают о возможности неправомерного поведения интервьюера, прекратив задавать ему вопрос. То есть если заявитель задаёт подробный вопрос, на который получатель отказывается отвечать, он примет нежела-

тельные меры в отношении заявителя по этому вопросу. Смотрите следующий диалог между отцом и дочерью:

– *Где ты была?*

– *Да просто задолбали уже своими нотациями! Я взрослый человек и не обязана отчитываться, где я нахожусь. Если тебе не нравится, то откажись от дочери. Я отправлюсь жить на помойку!*

(к/ф «Только не отпускай меня»).

Дочь, которая задаёт этот вопрос, отказывается отвечать на вопросы своего отца, воспринимает их как вмешательство в её личную жизнь и угрожает уйти из дома, вместо того, чтобы отвечать.

Рассмотрим ситуации, когда адресат отказывается отвечать на вопрос, потому что он или она не имеет права разглашать конфиденциальную информацию. Взгляните на вопрос о президентской семье:

– Как зовут ваших внуков? И сколько им лет?

– *Мои дочери, несмотря на слухи, живут в Москве. Внуки есть, они живут нормальной жизнью. Дочь занимается наукой, никуда не лезет, живёт рядовой жизнью. Внуки в детский сад ходят, не хочу, чтобы они росли принцами крови. Если я скажу возраст и имя, то их идентифицируют, и им это принесёт ущерб. Прошу отнестись с пониманием к этой позиции.*

(«Прямая линия», 15 июня 2017 г.)

В. В. Путин даёт понять своему собеседнику, что запрашиваемая информация только для его личного использования и что её разглашение может нарушить спокойствие его семьи.

Ответ намеренно откладывается, ответ на вопрос выражает готовность ответить в ожидании обстоятельств, которые не возникнут, или в которых не может возникнуть связь между вопросом и ответом, или ответ на вопрос становится бессмысленным. Смотрите пример:

– *Оцените, пожалуйста, работу администрации города по уборке снега, видите ли вы ошибки?*

– Это отдельная тема, мы обязательно встретимся и поговорим¹.

Филиппов избегает ответа на вопрос и, похоже, намекает на то, что у него нет времени сейчас это обсуждать, так как вопрос требует длинного и подробного ответа. Он также обещает встретиться с журналистом и поговорить на эту тему. Это демонстративное обещание встречи в ближайшем будущем является однозначным и вежливым способом избежать ответа.

Демонстративно указывая на невозможность ответить на вопрос, респондент делает вид, что не может ответить из-за неправильной постановки вопроса / его неспособности ориентироваться в требуемой информации / неуместной ситуации (предположение неверно / адресат вопроса имеет необходимую информацию / ситуация подходит для ответа). Посмотрите диалог из интервью с Сергеем Лавровым 12 октября 2016 г. для программы «Аманпур», в котором собеседник пытается выяснить, какова позиция дипломата в вопросе по обвинению США России в нарушении дипломатической переписки:

– Давайте вернёмся к фактам. Вы это отрицаете?

– Не мы отрицаем, а они не доказали.

Лавров отказывается объяснять отношение России к сложившейся ситуации, чтобы не дать Америке повод для обвинений. Дипломат избегает ответов и констатирует отсутствие фактов и доказательств со стороны США. Для этого Лавров показывает, что предпосылка вопроса («имело место вмешательство в переписку Демократической партии») неверна.

Передача известной информации даёт ответ, который знает заявитель. Если собеседник избегает ответа, адресат вопроса может легко перейти на другой уровень представления объекта или ситуации. Рассмотрим следующий пример:

– Интересно, чем вот лично вы владеете? Квартира, машина, дачный участок?

– Хорошо, хорошо. Я хочу сказать, что... Я владею определённым количеством, на моё имя вы говорите, да?

– Конечно!

– Я владею движимым и недвижимым имуществом, денежными средствами, если вы уже хотите услышать, от которых получаю депозиты. Устраивает вас это? Я не говорю уже о лошадях. Лошадьми я однозначно владею и другим имуществом владею².

Отказываясь отвечать, Бабанов переходит на другой уровень предоставления объектов: журналист интересуется определёнными типами собственности, а адресат вопроса говорит о собственности в целом, не уточняя.

Сообщение заведомо ложной информации – это предоставление информации, которая явно не отражает факты и ясно указывает на то, что адресат не хочет отвечать на вопрос. Проанализируем диалог, в котором Бунша, как друг и сосед Шпака, интересуется человеком, которого он не знает и который находится в квартире, где нет владельца:

– Я извиняюсь, вы кто же такой будете?

– Кто я такой буду, вы говорите? Я дожидаюсь моего друга Шпака.

– А как же вы дожидаетесь, когда дверь снаружи на замок закрыта?

– Как вы говорите? Замок? Ах да... он за «Известиями» пошёл на угол, купить, а меня... это... запер...

(М. Булгаков).

Конечно, адресат (Милославский) вошёл в квартиру Шпака без его ведома и попытался предоставить ложную информацию, чтобы скрыть реальную причину его присутствия в квартире.

Заключение

В случае косвенного отклонения ответа адресат вопроса неявен, но не скрывает ответ напрямую, демонстративно разъясняя

¹ Дмитрий Филиппов ушёл от ответа по уборке дорог в Мурманске // YouTube [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5vzLpQTqkzM> (дата обращения: 20.01.2019).

² Диалог О. Т. Бабанова на пресс-конференции, посвящённой имуществу и бизнесу его семьи // YouTube [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iAAsFYBui2k> (дата обращения: 11.11.2017).

вопрос, откладывая ответ на обстоятельства, в которых ответ становится невозможным, отправляя ответ человеку, который его не запрашивает, игнорируя вопрос по причине его недействительности / неправдивости / неуместности, отрицая истинную презумпцию заданного вопроса и т. д.

Демонстративно уточняя вопрос, адресат вопроса делает вид, что не понимает вопроса, а информация, известная для объяснения вопросника, объясняет, что собеседник не хочет готовить ответ. Ответ намеренно откладывается, ответ на вопрос выражает готовность ответить в ожидании обстоятельств, которые не возникнут, или в которых нет никакой связи между заявителем и ответом, или ответ на вопрос не имеет смысла.

При демонстративной передаче ответа другому лицу адресат советует заявителю задать вопрос человеку, который на самом деле не знает ответа или который не хочет предоставлять запрашиваемую информацию.

При демонстративном игнорировании вопроса респондент, зная ответ, сообщает постороннюю информацию и переключает внимание спрашивающего на другой предмет.

Демонстрируя, что на вопрос невозможно ответить, респондент делает вид, что не может ответить из-за неправильной презумпции вопроса / невозможности получить требуемую информацию / неуместной позиции (презумпция неверна / адресат вопроса имеет необходимую информацию / ситуация подходит для ответа).

Передача известной информации даёт ответ, который знает заявитель. Если собеседник избегает ответа, адресат вопроса может легко перейти на другой уровень представления объекта или ситуации.

Сообщение неполной информации — это предоставление ответа, который не содержит всей запрашиваемой информации или не соответствует уровню ее представления, предполагаемому вопросом.

Сообщение нерелевантной информации — это преднамеренное предоставление информации, которая выходит за рамки предметной области вопроса. Косвенно отказываясь от ответа, адресат специально отвечает на вопрос, который не был задан.

Сообщение заведомо ложной информации — это предоставление информации, которая явно не отражает факты и ясно указывает на то, что адресат не хочет отвечать на вопрос. Респондент также выражает нежелание отвечать на вопрос оскорблениями, грубыми / тревожными запросами, ненавистными замечаниями, угрозами или объявляет, что по разным причинам он не хочет отвечать на вопрос и т. д.

Исследование стремилось систематически анализировать реплики косвенных расхождений в ответе, которые рассматривались с точки зрения словесных реакций других адресатов на этот вопрос. Более полный систематический анализ включает сравнение способов, которые косвенно демонстрируют отказ отвечать: речевые утверждения и невербальные ответы адресата на вопрос. Это можно рассматривать как одно из направлений дальнейших исследований в данной области. Проблематика статьи имеет несомненное значение для изучения коммуникативного действия, исследования межличностной коммуникации, в частности коммуникативных неудач по эксплицитной причине (фактор адресата).

Статья поступила в редакцию 12.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003. 304 с.
2. Ли Цинь. Коммуникативные приёмы реализации стратегии уклонения от ответа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 2. С. 96–101.
3. Ли Цинь. Коммуникативная тактика отказа от ответа и речевые ходы её реализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Т. 90. № 12. С. 557–561.
4. Ольхова Л. Н. Как сказать «нет». Выражение отрицания в русском языке. С-Пб.: Златоуст, 2001. 88 с.

5. Стернин И. А. Проблемы описание вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки, 2003. С. 22–35.
6. Стернин И. А. Основные особенности русской коммуникативной культуры // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: материалы 2-й межд. конференции «Język rosyjski w przestrzeni językowej i kulturowej Europy i świata: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet», Warszawa, 6–9 maja 2004. Варшава: Изд-во Варш. ун-та, 2004. С. 32–55.
7. Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing. New Jersey: Prentice Hall, 2015. 235 p.

REFERENCES

1. Dotsenko E. L. *Psikhologiya manipuljatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow, Rech' Publ., 2003. 304 p.
2. Li Qin. [Communicative Techniques for Implementing the Evasion Strategy]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2017, no. 2, pp. 96–101.
3. Li Qin. [Communicative tactics of refusal to answer and speech courses of its implementation]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice] 2018. Vol. 90. , no. 12, pp. 557–561.
4. Ol'khova L. N. *Kak skazat' «net». Vyrazhenie otritsaniya v russkom yazyke* [How to say no. Expression of negation in Russian]. S. Petersburg, Zlatoust Publ., 2001. 88 p.
5. Sternin I. A. [Problems describing politeness as a communicative category]. In: *Kommunikativnoe povedenie. Vyp. 17. Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Communicative behavior. Iss. 17. Politeness as a communicative category]. Voronezh, Istoki, 2003, pp. 22–35.
6. Sternin I. A. [The main features of Russian communicative culture]. In: *Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya. Internet : materialy 2-i mezhd. konferentsii «Język rosyjski w przestrzeni językowej i kulturowej Europy i świata: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet, Warszawa, 6–9 maja 2004* [Person. Consciousness. Communication. Internet: Materials of the 2nd Int. conference “Język rosyjski w przestrzeni językowej i kulturowej Europy i świata: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet”, Warszawa, 6–9 maja 2004]. Warsaw: Warsaw Publishing House University, 2004. pp. 32–55.
7. Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing. New Jersey, Prentice Hall, 2015. 235 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ли Цинь – старший преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков Юго-восточного университета;
e-mail: chineseli@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Li Qin – Senior Lecturer, Department of the Russian language, Institute of foreign languages, South-Eastern University;
e-mail: chineseli@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ли Цинь. Косвенные речевые тактики отказа от ответа и способы их реализации // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 5. С 43–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-43-50

FOR CITATION

Li Qin. Indirect Speech Tactics of Refusal to Answer and Methods of Their Implementation. In: Bulletin of the Moscow State Regional University. 2020. no. 5. pp. 43–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-43-50

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-51-62

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ВКУСОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лю Цзоянь*Цзилиньский университет**130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика*

Аннотация.

Цель. Реконструировать когнитивную модель вкусового восприятия на базе концептуальной метафоры в аспекте контрастивного исследования принципов метафоризации лексики с семантикой вкуса в китайском и русском языках, обобщить параметры сходств и различий метафорических значений «вкусовой» лексики в сопоставляемых языках, а также проанализировать метафорический фрагмент национальной картины мира, где метафорические номинации с семантикой вкусового восприятия используются для характеристики явлений физиологической, психологической и социальной сфер.

Процедура и методы. Произведён анализ китайского и русского языкового материала с применением контрастивного и сравнительно-сопоставительного методов исследования, что позволило выявить и описать сходства и различия метафорических значений лексики с семантикой вкуса в китайском и русском языках, расширив таким образом сферу концептуального представления метафорического фрагмента китайской и русской картины мира в её языковой области.

Результаты. Контрастивный анализ языкового материала подтвердил гипотезу относительно того, что репрезентированные на языковом уровне метафорические параметры вкусового восприятия как в китайской, так и в русской языковых картинах мира в большинстве своём соотносятся, но в то же время выявляются и существенные различия в метафоризованной семантике ряда китайских и русских лексических единиц, актуализирующих вкусовые сферы, отражённые в сравниваемых национальных языковых картинах мира. Проведённое исследование заявленной проблемы позволило детализировать важные параметры специфичности метафорико-ассоциативного значения лексики в языках разных народов, конкретизировать сходства и различия русского и китайского языков в области метафоризации лексических единиц.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщены теоретические данные по исследуемой теме. Китайские и русские лексические единицы с семантикой вкусового восприятия исследованы на уровне установления закономерностей их метафоризации в семантической сфере. Обоснован путь анализа эмпирического материала – от концептов к средствам их репрезентации.

Ключевые слова: восприятие / перцепция, концептуализация, метафоризация, семантическая структура слова, синестезия, языковая единица с семантикой вкуса, языковая картина мира

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Министерства образования Китайской Народной Республики (номер проекта: 14YJAZH042) и Фонда философии и общественной науки провинции Цзилинь (номер проекта: 2019B166).

METAPHORIZATION OF LEXICAL UNITS WITH THE SEMANTICS OF TASTE PERCEPTION IN CHINESE AND RUSSIAN

Liu Zuoyan*Jilin University**10 Qianjin Road Changchun 130012, People's Republic of China*

Abstract.

Aim. The article is an attempt to reconstruct the cognitive model of taste perception based on a conceptual metaphor in the aspect of contrastive research of the principles of metaphorization of vocabulary with semantics of taste in Chinese and Russian languages, generalization of parameters of similarities and differences of metaphorical meanings of “taste” vocabulary in the compared languages, as well as analysis of a metaphorical fragment of the national picture of the world, where metaphorical nominations with semantics of taste perception are used to characterize phenomena of the physiological, psychological and social spheres.

Methodology. An analysis of the Chinese and Russian language material was carried out using contrastive and comparative research methods, which made it possible to identify and describe the similarities and differences between the metaphorical meanings of vocabulary with the semantics of taste in the Chinese and Russian languages, thus expanding the scope of the conceptual description of the metaphorical fragment of the Chinese and Russian picture of the world in her language area.

Results. A contrasting analysis of linguistic material confirmed the hypothesis that the metaphorical parameters of gustatory perception represented at the linguistic level in the Chinese and Russian linguistic pictures of the world largely coincide, but at the same time, significant differences in the metaphorized semantics of a number of Chinese and Russian lexical units that actualize gustatory spheres reflected in compared national linguistic pictures of the world. The study of the stated problem made it possible to detail the important parameters of the specificity of the metaphorical-associative meaning of vocabulary in the languages of different peoples, to concretize the similarities and differences between the Russian and Chinese languages in the field of metaphorization of lexical units.

Research implications. It consists in generalizing theoretical data on the topic under study. Chinese and Russian lexical units with the semantics of gustatory perception are investigated at the level of establishing the laws of their metaphorization in the semantic sphere. The way of analyzing empirical material is substantiated - from concepts to means of their representation.

Keywords: linguistic picture of the world; conceptualization; metaphorization; semantic structure of the word; perception/perception; linguistic unit with semantics of taste; synesthesia

Acknowledgments. This article was prepared with the financial support of the Foundation of the Ministry of Education of the People's Republic of China (project number: 14YJAZH042) and the Jilin Provincial Philosophy and Social Science Foundation (project number: 2019B166).

Введение

Развитие современной когнитологии показывает, что процессы восприятия оказывают огромное влияние на язык, который, в свою очередь, отражает результаты перцепции. В общее значение лексической единицы входят и суждения о её восприятии. Метафора как важный путь осознания человеком окружающего мира, является неотъемлемым элементом языковой сферы. Синестезия, как разновидность метафоры, относится к особым процессам восприятия и неизбежно связана с перцептивной деятельностью индивида. Концептологический вектор представлений индивида применительно к вкусовым качествам – это часть исходной картины мира любого этноса. В

основе этого лежат универсальные механизмы физиологической перцепции вкуса. Как в китайском, так и русском языке слова и словосочетания со значением вкусового восприятия репрезентируют на метафорическом уровне воспринимаемые индивидом слуховую, зрительную, осязательную и обонятельную сферы, а также сферы эмоциональную, характерологическую и некоторые другие. Существование в китайском и русском языках сходных процессов развития семантических полей лексических единиц, актуализирующих вкусовые свойства, а также речевая репрезентация подобными элементами языка тождественных либо похожих функций могут быть объяснены универсальностью базы перцепции (фи-

зиологической и психологической) у различных народов и разных культур. Тем не менее, в результате различий в национальных культурах аналогичные стимулы могут вызывать у людей разные ассоциации, и в разных языках одинаковые по своей семантической наполненности лексические единицы прогрессируют по разным метафорическим векторам, в результате чего у языковых единиц формируются разные значения, характеризующиеся фактором национальной специфики. Установление параметров специфичности ассоциативного значения лексики в языках разных народов помогает осознанию различий русского и китайского языков, связей восприятия и культуры двух народов, что в свою очередь служит мощным стимулом перспективного развития заявленных в статье проблем.

На современном этапе развития человечества в ходе познания окружающей действительности первоочередным является восприятие на чувственном уровне. Восприятие, перцепция – это познавательный процесс, оказывающий огромное влияние на создание предметных образов и образов явлений окружающей среды в некие весьма сложные структуры психического уровня, рефлектирующие субъективный образ картины мира человека.

Исследование современной когнитологии показывает, что восприятие оказывает огромное влияние на язык [13]. Последний отражает общие результаты перцепции. Объяснимым оказывается то, что при установлении и последующем описании семантики языковых элементов, учёные фокусируют научные изыскания на перцептивных факторах. В значение лексической единицы входят в том числе и суждения о её восприятии. В языке зафиксировано широчайшее разнообразие связей и соотношений между лексемами со значением восприятия, в том числе и на образном уровне.

Восприятие/перцепция как один из важнейших когнитивных механизмов человеческой эмпирики лежит в основе познания мира индивидом при помощи его органов чувств – зрения / слуха / вкуса / обоняния / осязания. Весь получаемый

из окружающей индивида среды объём сведений проецируется на него при помощи указанных ощущений и впоследствии перцептуально раскодирован им. При этом восприятие является основой, на которой строятся процессы категоризации. «Визуальные предметные образы, запахи, тактильные и вкусовые ощущения, т. е. «телесный» («перцептивный», «эмпирический») опыт человека, служат основой формирования различных форм ментальных репрезентаций» [12, с. 198]. Эмпирика как личностный опыт субъекта базируется на данных, полученных благодаря указанным сенсорным системам. В итоге перцептивированные образы (зрительные / слуховые / обонятельные / вкусовые / осязательные), реализуясь в языковых элементах, приобретают статус национально-культурных элементов. При этом сам механизм перцепции мира человеком (с помощью органов чувств) получает своё выражение (и непосредственное, и опосредованное) в языке. Таким образом в языке, зафиксирована связь восприятия и ментальных состояний и процессов [10]. «Прилагательные, обозначающие свойства предмета, познаваемые сенсорно (зрением, осязанием и пр.), метафорически используются для дифференциации признаков, относящихся к другому аспекту материи. Свойства этих последних выделяются на основе аналогии с доступными чувственному восприятию признаками физических, материальных предметов» [1, с. 362].

Основная часть

Концептуальная метафора – важный инструмент структурирования субъективного восприятия мира и понимания многих его фактов. Дж. Лакофф признаёт метафору одним из ведущих когнитивных механизмов осмысления одного через другое [8]. Метафора как весьма продуктивный и частотный способ познания и осознания окружающей индивида мира является важнейшей областью языка в его семиотической сущности. В современной когнитивистике под метафорой, или ме-

тафоризацией, понимается специфическая мыслительная операция, выступающая в качестве одного из важных способов познания, оценивания, концептуализации и категоризации человеком внешнего мира. «Из средства создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений» [1, с. 362]. В итоге метафоризация осмысливается как весьма рациональный способ генерирования определённого образа, речевой экспрессивизации, активно используемый субъектами в устной и письменной формах языка в целях актуализации прагматического влияния на коммуниканта-адресата.

«Особый интерес вызывают синестетические переносы, основанные на взаимодействии различных перцептивных каналов восприятия: обонятельного и вкусового, зрительного и слухового, зрительного и тактильного и т. д.» [12, с. 41]. Синестезия рассматривается в качестве специфического процесса восприятия и связана с перцептивной деятельностью индивида. Данная разновидность метафоры, называемая «синестетической», являет «вид переноса наименования на основе ассоциации между значениями» [6, с. 105]. В лингвистической же науке под синестезией классически понимается реализация языковых единиц, «связанных с одной сферой чувств для обозначения ощущений и восприятий ..., относящихся к другой сфере сенсориума» [6, с. 104]. В. Г. Гак дал определение данного термина: «Использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [4, с. 122]. Заметим, что в лингвистике синестезия обычно связывается с метафоризацией и рассматривается как один из источников последней.

Синестезия имеет и физиологическую, и психологическую основу, являясь способом восприятия действительности, продиктованным культурой. Опыт синестезии относится к совокупности сенсорных образов, соприкасающихся с разнообразными модусными характеристиками, сориентированными на то, как индивид «слышит» цвета / «видит» звуки. В повседневной жизни

у человека присутствует такой психологический опыт, что зрение, слух, осязание, обоняние и вкус взаимосвязаны и доступны друг к другу. «У цвета как будто есть температура, у звука как будто есть образ, у холода и тепла как будто есть вес, у запаха как будто есть тело» [15, с. 65]. Поэтому лексика с семантикой чувственного восприятия играет важную роль в формировании языковой картины мира.

Концептуальные параметры области вкусовых представлений – это часть основной картины мира каждого этноса, в основу которой положена интегральность познавательной платформы – «физиологического механизма вкусового восприятия человека, основанного на работе рецепторов, расположенных на языке» [11, с. 115–116]. В китайском и русском языке имеется большое количество вкусовых метафор. Данная статья представляет собой попытку реконструкции когнитивной модели вкусового восприятия на базе концептуальной метафоры. Нами осуществлено сопоставительное исследование принципов метафоризации лексики с семантикой вкуса, обобщены параметры сходств и отличий метафорических значений лексики с семантикой вкуса в русском и китайском языках, рассмотрен метафорический фрагмент языковой картины мира, где метафорические номинации с семантикой вкусового восприятия используются для характеристики явлений физиологической, психологической и социальной сфер.

На физиологическом уровне строго различаются четыре вкусовых ощущения – солёное, сладкое, горькое, кислое. На лингвистическом уровне перечень лексем-прилагательных, актуализирующих вкусовые параметры, шире. И это закономерно проявляется и в китайском, и в русском языке. В русской языковой системе выделяется семантический разряд лексем-прилагательных [3], актуализирующих вкусовые характеристики предмета: *прогорклый, сладкий, кислый, острый, горький, пряный, солёный, пресный, пикантный* и др. В китайской языковой системе тоже представлена продуктивная группа лексем-прилагательных,

репрезентирующих вкусовые ощущения субъекта: 甜/甘 (*tian / gan / сладкий*), 酸 (*suan / кислый*), 辣 (*la, горький / острый*), 咸 (*xian / солёный*), 辛 (*xin / пикантный*), 淡 (*dan / пресный*), 苦 (*ku / горький*), 涩 (*se / терпкий*), 馊 (*sou / в русском языке отсутствует такой вкус, это языковая лакуна*) и др. Кроме того, для китайского языка характерно, когда два прилагательных с семантикой вкуса сочетаются и образуют новообразование, имеющее также вкусовое значение, например: 甘甜 (*gentian / сладкий*), 香甜 (*xiangtian / вкусный, сладкий*), 酸涩 (*suanse / терпкий*), 酸甜 (*suantian / кисло-сладкий*). Такого рода вкусовые прилагательные в русском и в китайском языках часто используются в переносных значениях.

Вкус лежит в основе и других способов восприятия. Это имеет подтверждение на уровне концептуализации иных разновидностей человеческих ощущений через область вкуса, что, в свою очередь, проектируется частым перетеканием собственно вкусового признака на другие сферы восприятия. Образованные подобным образом метафорические языковые построения обусловлены спецификой человеческого мышления, «стремящегося привести к осознанию абстрактного <...> при помощи конкретного» [2, с. 375]. Прилагательные и наречия, описывающие вкусовое восприятие, в рассматриваемых языках могут применяться и в случаях осязательного, зрительного, обонятельного, слухового восприятия либо в другой сфере, трансформируя при этом свою исходную семантику. «Именно слова, традиционно описывающие вкусовые ощущения, были отобраны для анализа синестетических словосочетаний» [6, с. 105]. Слова с семантикой вкуса рефлектируют область предметной сферы, а их свойства и особенности используются человеком для метафоризации и оценки многих важных сфер жизни и производственной деятельности человека [5, с. 88].

Метафоры «вкусовой» области стандартно присутствуют в языке, являясь действенным орудием «осознания и выражения в языке нематериальных объектов

познания, сконструированных человеческой мыслью» [12, с. 199]. Для китайской и русской языковых систем стандартным оказывается факт разнообразия средств / способов актуализации речевой образности и выразительности. А метафора, в свою очередь, несомненно, характеризуется как один из способов такого специфического номинирования фактов действительности. Лексика из разных сфер при этом образует сложную семантико-образную систему. Китайские и русские языковые средства с семантикой вкусовой перцепции способны сочетаться с субстантивными единицами языка, генерируя слуховую, осязательную, обонятельную, а также зрительную перцепцию субъекта, его эмотивно окрашенное отношение к событиям и многое другое. Развитая потенция таких языковых средств к указанной сочетаемости проецирует разного рода семантические сдвиги. Эти метафорические переносы могут быть объединены в следующие наиболее распространённые модели: *вкус* → *осязание*; *вкус* → *зрение*; *вкус* → *обоняние*; *вкус* → *слух*; *вкус* → *характер*; *вкус* → *эмоция*.

В базовом значении прилагательных, актуализирующих вкусовое восприятие, прорисован вектор на такого рода предметные характеристики, которые непосредственно воздействуют на субъекта и данным воздействием способствуют возникновению каких-либо ощущений и реакций. Как в китайском, так и в русском языке подобные прилагательные в метафоризованном виде воспроизводят зрительные, слуховые, обонятельные, а часто и эмоциональные характеристики.

Описывая параметры синестетического функционирования адъективных компонентов в китайском и русском языках, мы отметили, что почти все прилагательные со значением вкуса могут одновременно обозначать обоняние, запах. Поэтому самой распространённой моделью в двух сопоставляемых языках является модель *вкус* → *обоняние*. Например, в русском языке наличествуют *вкусный / горький / солёный / острый / сладкий / кислый / терпкий* запах; *сладкий / пикантный / приторный /*

терпкий аромат; терпкие сигареты. А в китайском языке имеются 香味 (xiangwei, вкусный, ароматный запах), 苦味 (kuwei, горький запах), 甜味 (tianwei, сладкий запах), 酸味 (suanwei, кислый запах), 辣味 (lawei, острый, горький запах), 咸味 (xianwei, солёный запах).

В языке вкус и обоняние имеют тесную связь со зрением и слухом, они активно взаимодействуют друг с другом, и это становится универсальной закономерностью семантического переноса. Человек описывает зрительное и слуховое восприятие при помощи лексик с семантикой вкусового восприятия. Указание на такие вкусовые характеристики не являющегося пищи (и даже нематериального) определяемого объекта, как его *сладость* / *кислотность* / *горечь* выступает, как правило, в роли метафоризованной атрибуции определённого эмоционального состояния субъекта и внешнего выражения эмоций на его лице и в его голосе. Основой для появления граней образности в семантике описываемых языковых единиц служит опыт восприятия субъекта, его вкусовая эмпирика. Это продуктивно проявляется и в русском, и в китайском языках.

Между вкусом и слухом наличествуют какие-то сходства, и звуки, издаваемые человеком (голос, речь), приобретают некие вкусовые качества. В русской системе языка синестетическое функционирование наречий и прилагательных с семантикой вкуса репрезентировано в следующих метафоризованных сочетаниях: *сладкая мелодия, сладкие речи, сладкая песня, сладкий голос, сладкий шёпот, сладкая лесть, сладкая ложь, сладкие комплименты, сладко говорить, сладко петь; горькая весть, горькие слова, горькая ирония; кислые слова; солёный анекдот, солёное словцо; пикантная новость, пикантный анекдот; пресный анекдот, пресная шутка, пресный разговор, пресное пение, пресная лживость; терпкие слова, приторные комплименты*. В китайском языке функционируют языковые единицы с аналогичными образными значениями: 话说得甜 (huashuodetian / *сладко говорить*), 甜言蜜语 (tianyannimiyu / *сладкие речи, медовые слова; лесть*); 声

音甜 (shengyintian / *сладкий голос*), 苦口 (kukou / *резкие, но справедливые слова / убеждать настойчиво, не переставая*); 苦言相劝 (kuyanxiangquan / *настойчиво убеждать*); 苦口婆心 (kukoupoixin / *критиковать резко, но, тем не менее, справедливо / говорить горькую правду, однако с добрыми намерениями*); 尖酸 (jiansuan / *колкий, острый (на язык) / язвительный*); 火辣辣的批评 (huolalala / *жгучая, острая критика*); 辛辣的讽刺 (xinla / *острая, едкая сатира*); 淡淡地说 (dandandishuo / *говорить с безразличием, холодно говорить*); 淡话 (danhua / *безразличные слова, равнодушные речи*).

Проведённый анализ китайских и русских языковых элементов позволяет сделать ожидаемое заключение относительно того, что звуковая область в сравниваемых языках тесно соотносится с областью вкусовой. Примером может служить факт, что и для китайской, и для русской национальной картины мира характерным является то, что, скажем, *сладость* нередко осмысливается субъектом как звуковое качество: звук с нежным и приятным звучанием.

В русском и китайском языках «вкусовые» слова часто употребляются в метафорическом значении, обозначают зрительное ощущение. В русском языке, например, имеются словосочетания, переносно обозначающие зрительные признаки: *сладкая улыбка, сладкое лицо, сладкое выражение, сладко улыбаться; горький смех, горькая улыбка; кислый вид, кислое выражение лица, кислая физиономия, кислая улыбка, кислый смех, кисло улыбнуться, кисло морщить рожу, кислая мнительность; пикантная внешность; терпкие краски; приторно-кокетливый смех; приторная улыбка*. Также продуктивна лексика с семантикой вкуса и в восприятии носителя китайского языка: 长得甜 (zhangdetian / *выглядит мило, миловидно*), 甜美的微笑 (tianmeideweixiao / *сладкие улыбки*), 笑得甜蜜 (xiaodetianmi / *сладко улыбаться*), 苦笑 (kuxiao / *горький смех / кислый смех*), 愁眉苦脸 (choumeikulian / *хмурить брови и делать страдающую мину / с кислой миной / грустное лицо*). Внешний вид человека ассоциируется со сладостью и

горечью, вызывая в человеке приятные или неприятные эмоции. В вышесказанных метафорах русского и китайского языков зрительно воспринимаемые образы получают яркие вкусовые характеристики – *радость / горе / разочарование / страдание* и др., отражённые во внешнем облике субъекта (лице, движениях, улыбке).

Лексика, в своей первоначальной семантике репрезентирующая вкусовые характеристики предмета, в производном образно-метафоризованном значении способна применяться в речевой сфере для актуализации осязательных характеристик. В русском языке обнаруживается и перенос из вкусовой сферы в сферу осязания: *кисло ухмыляться, сладко танцевать, приторный жар, горький холод*. В китайском языке также существует подобная модель переноса: *苦寒 (kuhan – горький холод; жуткий холод; свирепый мороз), 酸软 (suānrǎn – вялый, дряблый; усталый, утомлённый), 酸疼 (suāntēng – ноющая боль), 火辣辣 (huǒlālā – жгучий, пронизывающий), 酸痛 (suāntōng – ноющая боль), 酸溜溜 (suānliliú – онемелый)*.

Кроме синестетической метафоризации, у «вкусовой» лексики со значением восприятия могут образоваться и иные переносные значения, ведь метафоризация – это продуктивный способ сообщения эмоций и экспрессии адресату. Начальный материальный опыт как исходная, базовая ступень когнитивного процесса перетекает в перцептивную ментальную сферу, которая имеет выход на более широкие ассоциативно-абстрактные области. «Аналогия личных переживаний порождает метафорический перенос, а номинации вкусовых ощущений человека, являясь незаменимым материалом описания его эмоционально-волевой сферы» [12, с. 199]. Для выражения эмоций в русском языке существует множество выражений: *сладкая надежда, сладкая любовь, сладкая месть, горькая разлука, кислое настроение, приторная сентиментальность* и т. д. В китайском языке лексика с семантикой вкусового восприятия тоже используется непосредственно в сфере эмоциональных состояний человека: *甜滋滋 (tiānsisi, tiānzizi / чувствовать*

сладко, счастливо, приятно), 甜蜜的爱情 (tiānmideaiqīng / сладкая любовь), 苦楚 (kǔchǔ / невзгоды, страдания), 苦闷 (kǔmèn / гнетущая тоска; унылое настроение), 苦恼 (kǔnǎo / огорчения; страдания), 苦水 (kǔshuǐ / горечь, много страданий), 苦涩 (kǔsè / горький и терпкий; мучительный), 苦衷 (kǔzhōng / скрытые горести; затруднительные положения), 酸楚 (suānchǔ / тоска; горе), 心酸 (xīnsuān / скорбеть душой, сердце щемит; душа болит), 酸溜溜 (suānliliú / ревнивый), 痛苦 (tòngkǔ / мучиться, страдать; мучительный), 苦痛 (kǔtòng / муки, страдания, боль; горе), 辛酸 (xīnsuān / горестный; муки, страдания), 酸甜苦辣 (suāntiānkùlā / радости и горести жизни, всяческие чувства в жизни), 冷淡 (lěngdàn / равнодушный, холодный; бесстрастный), 火辣辣 (huǒlālā / взволнованное настроение: радость, волнение, гнев, стыд). Думается, что китайский иллюстративный материал наглядно показывает, что в коммуникативно-речевой сфере процессы метафоризации, несомненно, придают «вкусовые» ощущения разнообразным репрезентируемым эмоциям при актуализации сферы субъективных переживаний, связанных со вкусовой сферой.

В русском языке лексика с семантикой вкуса используется для описания душевного состояния человека и его жизненных условий: *сладкое мгновение, сладкие часы, сладкие перспективы, сладкий сон, горькая минута, горькое прошлое, сладкие мечты (воспоминания), сладкие мысли, сладкие чувства, горькие воспоминания, горькие мысли (думы), горькая судьба, горькое детство, сладкая жизнь, горькая жизнь, пресная жизнь, терпкая жизнь*. В китайском языке также обнаруживаются семантически схожие выражения: *甜美/甜蜜的生活 (tiānměi / tiānmideshenghuo / сладкая жизнь), 苦日子 (kǔrìzi / тяжёлые дни, тяжёлая жизнь), 苦尽甘来 (kǔjìngānlái / за горем вслед приходит радость / наконец-то счастье улыбнулось), 苦命 (kǔmìng / горькая судьба), 寒酸 (hansuān / живущий в бедности; бедный, неимущий (об учёном интеллигентном человеке)).*

В китайском языке языковые единицы с семантикой вкуса могут метафорически обозначать характер, например: 辣妹 (*lāmei* / горячая девочка), 泼辣 (*pōlā* / сварливый (о женщине); злой; дерзкий), 火辣辣的性格 (*huōlālā* / горячий характер), 脾气酸 / 酸脾气 (*píqisuān* / *suānpíqì* / вспыльчивый характер). В русском языке почти нет таких выражений.

В русском языке лексемы *горький*, *горько* сочетаются с именами и глаголами, передают усилительное значение: *горькое разочарование*, *горькое раскаяние*, *горе горькое*, *горький пьяница*, *горькая обида*, *горькая нужда*, *горько плакать*, *горько жаловаться*. В китайском языке слова 苦, 淡, 甜 сочетаются с другими словами, выражая определённую степень интенсификации: 苦思 (*kǔsī* – ломать голову, придумывать), 勤学苦练 (*qínxiékuàliàn* – усердно учиться, не щадить сил в учёбе и упражнениях), 苦功 (*kǔgōng* – большие усилия, упорный труд), 淡季 (*dànjì* – период упадка, мёртвый сезон), 淡妆 (*dànzhuāng* – лёгкий макияж), 睡得甜 (香甜) (*shuìdetián, xiāngtián* – крепко уснуть). И русские, и китайские языковые единицы здесь интенсифицируют степень проявления состояния субъекта (физического либо эмоционального).

Кроме того, в китайском языке языковые единицы с семантикой вкуса могут сочетаться с другими словами, метафорически обозначая качество человека и его отношение к жизни и событиям: 嘴甜心苦 (*zuǐtiánxīnkǔ* / сладкие уста, да горькая душа), 口甜心辣 (*kǒutiánxīnlà* / мягко стелет, да жёстко сплет / на языке мёд, а на сердце лёд), 心狠手辣 (*xīnhěنشoulà* / букв. злое сердце и жестокые руки; злой, коварный жестокосердный и беспощадный); 淡薄 (*dànbō* / редкий, жидкий, скудный; неинтересный), 淡泊 (*dànbō* / безмятежный; равнодушный), 淡然处之 (*dànránchùzhī* / относиться без внимания; быть безразличным), 看淡 (*kàndàn* / относиться пессимистично к будущему чего-л.), 恬淡 (*tiándàn* / спокойный, безмятежный; равнодушный). В русском языке отсутствуют аналогичные метафорические значения.

Сказанное ориентирует на то, что и в китайской, и в русской языковых системах

лексические репрезентанты с семантикой восприятия вкуса образно рефлектируют воспринимаемые индивидом области зрения / слух / осязание / обоняние / характер / эмоции и целый ряд других. Сравнительно-сопоставительное описание иллюстративного материала доказывает, что в общем аспекте метафорические качества анализируемой вкусовой перцепции в анализируемых картинах мира приближены друг к другу. В основе этого – общая психолого-физиологическая база и универсальность общечеловеческого процесса восприятия действительности индивидом [9, с. 33].

Отметим и то, что в сравниваемых картинах мира соотношение вкусовых / обонятельных рецепторов синестетически обусловлено фактом почти полной тождественности базовых вкусов и обонятельных ощущений. «На основе универсального физиологического механизма чувственных органов разные народы имеют общий опыт восприятия и психологическую реакцию относительно таких внешних стимулов, как ароматный, вонючий запах, кислый, сладкий, горький, острый вкус и т. д., тем определены их общие установки мышления и ценностные ориентации» [14, с. 138]. Например, и в русском, и в китайском языках наличествуют выражения *сладкая жизнь* / 甜蜜的生活, *сладкие речи* / 甜言蜜语, *горькая судьба* / 苦命, *горький смех* / 苦笑, *кислые слова* / 酸溜溜的话 и подобные. Таким образом, в китайском и русском языках налицо глобальная тенденция: на положительном полюсе оценочной шкалы фиксируются представления о сладком. Горькие же и кислые вкусовые ощущения вызывают у субъекта отрицательную оценку, базирующуюся на ощущениях, неприятных для человека при перцепции как горького, так и кислого вкуса. Но в то же время если, например, вкусовая характеристика *сладкий* превышает «антропоцентрическую норму», то есть перестаёт быть комфортной для индивида, то оценивается им уже отрицательно [5, с. 90]. Это отражается в его переносных и синонимических значениях. Ср., например, русские выражения *сладкая лесть*,

приторные комплименты и китайское слово 甜言蜜语, имеющие отрицательную окраску и указывающие на чрезмерную любезность, граничащую с лицемерием, ведь превышение нормы сладкого вызывает в абсолютном большинстве случаев крайне неприятное ощущение. В основе метафорического развития значений этих слов лежит субъективное состояние желаемого комфорта либо нежелательного дискомфорта в области вкуса, которое очень часто испытывает субъект при взаимодействии с различными объектами.

В то же время предпринятое описание иллюстративного материала дало возможность определить и важные дифференциации в китайской и русской национальных картинах мира, а соответственно, и в сравниваемых языковых системах. Указанные дифференциации применительно в идеям, развиваемым в статье, осмысляются как связанные с имеющимися различиями в осознании и в интерпретации каким-либо этносом сведений, идущих от человеческих органов чувств. Конкретизируем сказанное.

1. Количество основных вкусов в русском и в китайском языках неодинаково. В русском языке их четыре (*сладкий, кислый, солёный, горький*), а в китайском языке пять (*кислый, сладкий, горький, острый, солёный*).

2. В русском и китайском языках два соответствующих «вкусовых» слова переходят в одну и ту же сферу, однако при метафоризации они приобретают разные значения. Например, в двух сопоставляемых языках присутствует метафорический перенос прилагательного *горький / 苦* в сферу интенсивности. Но для русского языка характерное значение указанной языковой единицы – «крайне / сильно / очень мучительно» (*горько жаловаться / плакать*), «страшное / ужасное / безумное / невыносимое» (*горькое разочарование / горькая обида*). В китайском же языке «苦» выражает значение «терпеливо, старательно» (*勤学苦练 (qínxiēkǔlià / усердно учиться, не щадить сил в учёбе и упражнениях)*), *苦功 (kǔgōng / большие усилия, упорный труд)*). Существует в сравниваемых языках и такое явление: соотносимые в китайском и

русском языках «вкусовые» слова переходят в разные сферы и начинают выражать несоотносимые значения. Например, в русском языке прилагательное *пресный* метафорически выражает «неинтересный, скучный, пустой» (*пресная жизнь, пресная статья, пресные стихи*). В китайском языке «淡» обозначает «равнодушный, слабый, простой, скудный» (*恬淡 (tiāndàn – спокойный, безмятежный; равнодушный), 淡茶 (dànchá – слабый чай), 淡饭 (dànfàn – скудная еда)*). Одинаковый стимул могут вызвать у человека и разные ассоциации. В этом случае обнаруживается следующее: в одном языке вкусовое слово приобретает метафорическое значение, а в другом языке данное значение у языковой единицы отсутствует. Например, русское прилагательное *солёный* метафорически обозначает «выразительный и резкий до глупости» (*солёный анекдот*), а в китайском языке (*xián*) вообще не имеет метафорического значения.

3. В китайском языке «вкусовые» слова могут сочетаться с «осязательными» словами и обозначать слуховые, осязательные признаки, эмоции, характер и жизненные условия человека, например: *尖酸 (jiānsuān / колкий, острый (на язык); язвительный), 痛苦 (tòngkǔ / мучиться, страдать; мучительный), 火辣辣的性格 (huǒlālā / горячий характер), 寒酸 (hānsuān / живущий в бедности; бедный, неимущий (об учёном интеллигентном человеке))*. В русском языке подобные выражения отсутствуют.

4. В китайском языке два или несколько «вкусовых» слов сочетаются друг с другом и выражают слуховые признаки и эмоции, например: *辛辣的讽刺 (xīnlā / острая, едкая сатира), 辛酸 (xīnsuān / муки, страдания); 苦涩 (kǔsè, горький и терпкий; мучительный); 酸甜苦辣 (suāntiānkǔlā / радости и горести жизни, всяческие чувства в жизни)*. Кроме того, в китайском языке «вкусовые» слова могут сочетаться с другими словами и выражать зрительные признаки, душевные состояния, качество человека: *愁眉苦脸 (chóuméikǔliǎn / хмурить брови и делать страдающую мину / с кислой миной / грустное лицо); 苦尽甘*

来 (*kujīngānlái* / *приходит радость вслед за горем* / *улыбнулось счастье наконец*); 嘴甜心苦 (*zuìtiānxīnkǔ* / *сладкие уста, да горькая душа*); 心狠手辣 (*xīnhěnrshǒulǎ* / *злое сердце и жестокие руки* / *злой, коварный жестокосердный и беспощадный*). В русском языке отсутствуют подобные явления и выражения.

5. Примеров метафорического переноса в семантическую сферу «эмоция» в китайском языке больше, нежели в русском языке, что обусловлено спецификой чувственного восприятия носителя китайского языка при метафоризации номинации эмоциональных ощущений. В китайском языке «вкусовые» слова 甜 (*tián* / *сладкий*), 辣/辛 (*là / xīn* / *острый / горький / пикантный*), 苦 (*kǔ* / *горький*), 酸 (*suān* / *кислый*), 淡 (*dàn* / *пресный*) могут метафорически выражать эмоции, а в русском языке это характерно в основном для слов *сладкий / приторный, горький, кислый*. Примеров метафорического переноса в сферу «зрение» в русском языке больше, чем в китайском, что обусловлено, по нашему мнению, усилением внимания носителя русского языка сфере «внешнее наблюдение». В русском языке зрительные признаки связаны с лексемами *сладкий, горький, кислый, пикантный, терпкий, приторный*, а в китайском языке они связаны лишь со словами 甜, 苦, 酸.

6. При выражении интенсивности в русском языке продуктивно используется слово *горький*. В китайском языке, кроме 苦 (*kǔ* / *горький*) (*勤学苦练 (qínxuékǔliàn* / *усердно учиться, не щадить сил в учёбе и упражнениях*) и 苦功 (*kǔgōng* / *большие усилия, упорный труд*)), активно применяются 淡 (*dàn* / *пресный*) (*淡妆 (dànzhhuāng* / *лёгкий макияж*)), а также 甜 (*tián* / *сладкий*) (*睡得甜 (shuìdétian* / *xiàngtián* / *крепко спать*)).

7. При описании характера в китайском языке используются 酸 (*suān* / *кислый*), 辣 (*là* / *острый / горький*), 酸脾气 (*suānpíqì* / *букв. кислый характер / вспыльчивый характер*), 火辣辣的性格 (*huólàlādèngxìnggè* / *горячий характер*). А в русском языке почти не имеются такие выражения.

Заключение

Подведём итог сказанному. Проведённое сравнительно-сопоставительное описание китайских и русских лексических единиц с семантикой вкусового восприятия показывает, что вкусовые концепты характеризуются чувственно-сенсорными (физиологическими) основаниями, напрямую оказывающими влияние непосредственно на сам процесс их концептуализации. При метафоризации «вкусовые» слова в двух сопоставляемых языках получают положительную либо отрицательную оценку, при этом указанные оценки отражают как чувственно-физиологические основы ощущений вкуса, так и ценностные ориентации на национальном уровне. Наличие в китайском и русском языках сходных процессов развития семантических полей лексических единиц, репрезентирующих вкусовые особенности, а также выполнение языковыми единицами в речевой области тождественных когнитивных и иных функций объясняются универсальностью психолого-физиологической базы восприятия у всех индивидуумов.

Однако отличия в национальных культурах могут служить основой того, что аналогичные стимулы способны вызвать у людей разные ассоциации, и в разных языках одинаковые по своей семантической наполненности лексические единицы прогрессируют по разным метафизическим векторам, в результате чего у языковых единиц формируются разные значения, характеризующиеся фактором национальной специфики. «В виденье мира и его рефлексии в языке ярко отражены и воображение, и фантазия, и эмоции, и оценки и просто жизненные потребности человека» [7, с. 90]. В отношениях человека и общества, человека и общественной культуры, человека и процессов истории воплощены в национальных и языковых картинах мира, в том числе и при помощи метафоризации как образного переосмысления вкусового разнообразия огромного количества вкусовых нюансов и оттенков. «В ходе концептуализации на полученные опытные данные накладываются культур-

ные установки, ценностные ориентации носителей конкретной лингвокультуры. Таким образом, в представлениях о вкусе и конкретных вкусовых ощущениях формируется содержательный компонент, отражающий национальное своеобразие их языковой концептуализации» [11, с. 116].

Системный контрастивно-сопоставительный анализ смысловых аспектов метафоризации относительно китайского и русского языков помогает решить важные вопросы области метафоризации, так как базируется на соотношении и когнитивного, и культурологического, и перцептивного, и эмотивного, и оценочного опыта

индивида. Последний при помощи метафоризации рефлектирует глубинные связи и отношения между явлениями, предметами, отношениями и свойствами на уровне образной номинации. Установление параметров специфичности ассоциативного значения лексики в языках разных народов помогает осознанию различий русского и китайского языков, связей восприятия и культуры двух народов, что в свою очередь служит мощным стимулом перспективного развития заявленных в статье проблем.

Статья поступила в редакцию 23.09.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бойчук А. С. Лингвистический анализ «вкусовых» метафор русского языка // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 372–379.
3. Брылева Р. Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестетических переносов // Вестник Башкирского университета. 2011. № 4. С. 1307–1310.
4. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
5. Григорьева Т. В. Аксиологические особенности оппозиции «сладкий–горький» в русском языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 87–93.
6. Колодкина Е. Н. Вкусовая синестетическая метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 104–107.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Лю Цзоянь. Метафоризация лексических единиц с семантикой осязательного восприятия в русском и китайском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 26–40.
10. Рябцева Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка [Электронный ресурс] // Труды международного семинара диалог – 2000 по компьютерной лингвистике и её приложениям. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva>.
11. Темиргазина З. К. Представления о вкусах как когнитивная область знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 115–121.
12. Шнякина Н. Ю. Вкусовые метафоры в сфере оценки эмоциональных состояний человека // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 198–203.
13. Miller G. A., Johnson Laird P. N. Language and Perception. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1976. 310 p.
14. 李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社2001. P. 127–151. (Ли Гонань, фигурное выражение и лексика. Шанхайское издательство обучения иностранным языкам) (Li Guonan, cige yucihui, shanghaiwaiyujiaoyuchubanshe).
15. 钱钟书 七缀集, 上海古籍出版社. 1994. P. 65. (Цянь Чжуншу, Сборник из семи литературных обозрений, Шанхайское издательство древней литературы) (Qian Zhongshu, qizhuiji, shanghaiujichubanshe).

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Boichuk A. S. [Linguistic analysis of the “gustatory” metaphors of the Russian language]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tula State University.

- Humanitarian sciences] 2012, no. 2, pp. 372—379.
3. Bryleva R. F. [Olfactory adjectives as an object of synesthetic transferences]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2011, no. 4, pp. 1307—1310.
 4. Gak V. G. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1977. 264 p.
 5. Grigor'eva T. V. [Axiological features of the opposition "sweet-bitter" in Russian]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanitarian University] 2015, no. 8, pp. 87–93.
 6. Kolodkina E. N. [Tasteful synesthetic metaphor]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2009, no. 1 (3), pp. 104—107.
 7. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya* [Language and knowledge: on the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p.
 8. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors that we live in]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
 9. Liu Zuoyan [Metaphorization of lexical units with the semantics of tactile perception in Russian and Chinese languages]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Philological sciences. Questions of theory and practice] 2019, no. 1, pp. 26—40.
 10. Ryabtseva N. K. [Mental vocabulary, cognitive linguistics and anthropocentricity of language] In: *Trudy mezhdunarodnogo seminar dialog* [Proceedings of the international seminar dialogue on computational linguistics and its applications]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva/> Publ.
 11. Temirgazina Z. K. [Taste concepts as a cognitive domain]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], 2013, no. 2, pp. 115–121.
 12. Shnyakina N. Yu. [Taste metaphors in the field of assessing human emotional states]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 2011, no. 1, pp. 198–203.
 13. Miller G. A. Johnson Laird P. N. *Language and Perception* [Language and Perception]. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1976. 310 p.
 14. 李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社2001. pp 127–151. (Li Gonan', figurnoe vyrazhenie i leksika [李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社2001. pp. 127–151. (Li Gonan, curly expression and vocabulary]. Shanghai Foreign Language Teaching Publishing House) (Li Guonan, cigeyucihui, shanghaiwaiyujiaoyuchubanshe)..
 15. 钱钟书 七缀集, 上海古籍出版社. 1994. P. 65 [钱钟书 七缀集, 上海古籍出版. 1994. P. 65]. (Qian Zhongshu, Collection of Seven Literary Reviews, Shanghai Ancient Literature Publishing House) (Qian Zhongshu, qizhuiji, shanghaiyujichubanshe).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цзюань – доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилинского университета (Китайская Народная Республика);
e-mail: nancylzy1992@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Zuoyan – Dr. Sci (Philology), Prof., Prof., Institute of foreign languages of Jilin University (People's Republic of China);
e-mail: nancylzy1992@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лю Цзюань. Метафоризация лексических единиц с семантикой вкусового восприятия в китайском и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 51–62.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-51-62

FOR CITATION

Liu Zuoyan. Metaphorization of lexical units with semantics of gustatory perception in Chinese and Russian In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no 5, pp. 51–62.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-51-62

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-63-73

ЭПИТЕТ КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДИОСТИЛЯ А. К. ТОЛСТОГО

Моспанова Н. Ю.*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, Российская Федерация***Аннотация.****Цель.** Проанализировать эпитеты в поэтическом идиостиле русского поэта XIX в. А. К. Толстого.**Процедура и методы.** Основное содержание статьи составляет выявление лексико-семантического своеобразия и функционирования прилагательных-эпитетов в лирическом дискурсе поэта. Основным методом исследования стал метод контекстного анализа с опорой на семантический метод.**Результаты.** По итогам исследования автором сделан вывод о многообразии тематических группы прилагательных-эпитетов и особенностях их семантики, способности образования на основе прямого и переносного типов лексических значений различных разрядов прилагательных. Выявлены дополнительные приращения смысла, оценочные, коннотативные компоненты в значении эпитетов, индивидуально-авторские эпитеты, их синтагматика. Всё это подчёркивает своеобразие авторской картины мира, поэтического сознания А. К. Толстого.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Анализ эпитетов в творчестве А. К. Толстого позволяет по-новому взглянуть на семантическую многогранность его поэзии, показать, насколько богат, разнообразен и самобытен язык поэта.**Ключевые слова:** идиолект, стихотворения, эпитет, типология, лексико-семантическая характеристика

THE EPITHET AS ONE OF THE FEATURES OF A. TOLSTOY'S IDIOSTYLE

N. Mospanova*Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
14 ul. Bezhitskaya Bryansk 241036., Russian Federation***Abstract.****Aim** of the article is the analysis of epithets in the poetic idiosyle of A. Tolstoy, the Russian poet of the 19 century.**Methodology.** The article deals with identifying the lexical-semantic originality and functioning of adjectives-epithets in the poet's lyrical discourse. Context analysis is the primary research method based on the semantic method.**Results.** Based on the results of the study, the author makes a conclusion about the variety of thematic groups of adjectives-epithets and the peculiarities of their semantics, their formation based on the direct and figurative lexical meanings of various adjective categories. Additional meanings, evaluative and connotative components in the meaning of epithets, individual-author epithets, their syntagmatics are revealed. All this emphasizes the originality of the author's picture of the world, the poetic consciousness of A. Tolstoy.**Research implications.** The analysis of epithets in Tolstoy's works allows a new way of looking at his poetry's semantic versatility and shows richness, diversity, and originality of his poetic language.**Keywords:** idiosyncleta, poems, epithet, typology, lexico-semantic characteristic

Введение

В русской художественной литературе сложилась богатая традиция освоения эпитетов. Наряду с синонимами и фразеологическими выражениями эпитеты часто относят к «золотому фонду национального языка»¹. Они влияют на выразительность слова возможностью усилить или внести в характеристику явления добавочный признак (дополнительные приращения смысла), индивидуальную окраску, «создавать микро- или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усилить впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию» [15, с. 20].

В теории эпитета до сих пор нет единства в его понимании. В одних исследованиях эпитет понимается объемно: слова признаковой семантики в широком смысле (Б. В. Томашевский, Г. Н. Пospelов, С. А. Губанов и др.), другие рассматривают эпитет только как переносное, метафорически употребленное прилагательное (Н. В. Ведерников и др.). В данной работе мы придерживаемся точки зрения К. С. Горбачевича, который рассматривает эпитет как «характеризующее определение»². Об этом же писал и Л. И. Тимофеев: «...В широком смысле слова эпитетом является всякое слово, определяющее, поясняющее, характеризующее ... в этом смысле эпитетом является любое прилагательное»³.

В литературе наметились и новые подходы к характеристике эпитета. Так, когнитивный подход отражён в работах К. В. Голубиной, которая рассматривает эпитет как когнитивную единицу, отмечая, что в его основе, как правило, лежит метафора (реже — метонимический перенос) [8]. Т. М. Гусева обращает внимание на лексико-семантическую, ментально-вербальную характеристику эпитета, образование и

функционирование сложных эпитетов [10]. Лингвистический и лингвокультурологический подход к эпитету находим в трудах Н. С. Маниевой, исследующей проблемы этнокультурной специфики эпитетов [11].

Изучение эпитетов позволило разработать различные их классификации по семантике, структуре [4; 7; 9; 11; 12] и т. д.

Существует немало работ, посвященных употреблению эпитетов классиками литературы. Нам представляется важным, что в эпитете проявляется отношение говорящего к предмету повествования, именно эпитет подчеркивает выразительные особенности идиостиля художника слова. Все это стимулирует исследовать данные выразительные средства в языковой картине мира писателей.

Творчество А. К. Толстого, замечательного поэта-романтика, также привлекает внимание исследователей. «...Поскольку А. К. Толстой обладал “собственной, оригинальной и в то же время очень разнообразной физиономией; он свободно, мастерской рукою распоряжался родным языком”⁴, его идиолект, безусловно, заслуживает тщательного изучения и лексикографической репрезентации» [20, с. 161]. Интерес вызывает изучение архаической лексики [6], семантики фразеологических единиц [19], фольклорных мотивов [14; 17], лексико-семантических особенностей отдельных языковых единиц [1; 5; 13; 18; 20]. В Брянском государственном университете ведется работа по составлению «Поэтического словаря А. К. Толстого».

Особенностям эпитетов в лирике А. К. Толстого, которые ещё не получили освещения в научных исследованиях, и посвящена данная статья.

Результаты исследования

В лирике А. К. Толстого мы находим разнообразные примеры употребления эпитетов-прилагательных. Выбор их поэтом, на

¹ Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2002.

² Там же. С. 3

³ Там же.

⁴ Тургенев И. С. Письмо к редактору «Вестника Европы» по поводу смерти гр. А. К. Толстого // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1978–2014. С. 184.

первый взгляд, достаточно традиционен. Особенностью их употребления является то, что они образуются на базе всех типов лексических значений различных лексико-грамматических разрядов прилагательных (качественные и относительные в прямом и переносном значении).

Творчество А. К. Толстого отличают в основном одиночные характеризующие определения (реже парные и цепочечные) различных тематических групп. Это, как правило, стандартные, общезыковые атрибутивные единицы, что делает язык стихотворений поэта простым и прозрачным. Индивидуально-авторских, окказиональных образных прилагательных немного, однако контексты позволяют увидеть, насколько интересен, семантически ёмок и самобытен поэтический язык А. К. Толстого.

Тематические группы эпитетов

Мир стихотворений поэта – это реализм в восприятии действительности и ее авторского осмысления, с одной стороны, и собственные душевные переживания – с другой.

И. А. Гончаров отмечал, что Толстой стоит особняком в русской литературе, «ни в чем на других не похож»¹. Эта непохожесть, на наш взгляд, нашла отражение не только в выборе эпитетов-прилагательных разных лексико-грамматических разрядов и типов лексических значений, но и в их количественном и качественном составе. Например: «**Прозрачных** облаков **спокойное** движение, Как дымкой **солнечный** перенимая свет, То **бледным** золотом, то **мягкой синей** тенью Окрашивает даль. Нам **тихий** свой привет Шлет осень **мирная**. Ни **резких** очертаний, Ни **ярких** красок нет. Землей пережита Пора **роскошных** сил и **мощных** трепетаний»². В семи строчках 12 эпитетов, с помощью которых

поэт рисует картину ранней осени, пришедшей на смену яркому, ликующему лету. Эти прилагательные-эпитеты, которые есть почти у каждого номинатива, передают не только особенности пейзажа, но и создают эмоционально-оценочную характеристику всего стихотворения.

Среди эпитетов, представленных в лирике А. К. Толстого, можно выделить две большие тематические группы:

эпитеты, обозначающие эмоционально-оценочные и умозрительно-оценочные признаки;

эпитеты, в основе которых лежит чувственное восприятие предмета или явления.

Непосредственное авторское отношение (положительное или отрицательное) выражено в прилагательных, для которых:

– оценочность является их собственным прямым значением (*милый, лихой, грустный, мучительный, неутешный, злой и т.д.*): *мучительная, могучая, тяжкая, неутешная, святая* (дума); *праведная, свободная, горестная* (душа); *светлая, раздробленная, безбрежная, мучительная* (любовь); *печальный, милый, любимый* (друг); *счастливейшие* (годы), *злбный* (терновник). Например: «Порой, среди забот и жизненного шума, Внезапно набегит **мучительная** дума...» [с. 74];

– оценочность обусловлена контекстом (сочетаемостью): *бедный* (сердце, дом, друг, береза), *свободная, печальная* (степь); *лихой* (гости, дни); *темный* (взор, речь), *яркий* (час, мечты, сон), *добрый* (конь, меч, день), *горький* (ноша, судьба, сожаленье), *мрачный* (тишина), *грустные* (очи) и т.п. Например: «Обычной полная печали, Ты входишь в этот **бедный** дом, Который ядра осыпали Недавно пламенным дождем» [с. 81].

Обширна группа эпитетов с значением «модусов перцепции», т.е. предикатов чувственного восприятия (зрение, слух, обоняние, осязание), часто осложненная значением оценки.

Зрительно воспринимаются такие признаки, как *отлогий, отвесный* (берег), *шаткая* (мельница), *широкий* (луг), *чешуй-*

¹ Цит. по: Попов О. П. Заметки о языке А. К. Толстого // Русская речь. 1999. № 6. С. 8–21.

² Здесь и далее цитируем стихотворные строки по: Толстой А. К. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1984.

ный (узор), туманные (ночи) и т.п. В этой группе мы видим общезыковые цветковые прилагательные, которые характеризуют чаще конкретные имена существительные. Например: *сизый* (туман), *золотые* (нивы), *золотистая* (даль), *черные* (тучи, вороны), *зеленый* (тростник, болото, дуб, берег, поле), *серебристый* (сумрак), *синий* (кувшинчик, море, скалы), *желтый* (лист) и т.п. Значение цветковых прилагательных часто осложнено значением света, блеска, градацией признака. При этом семантический, усиленный, признак цвета находится в прилагательном, в существительном он потенциален: *серебристый* (сумрак), *алмазные* (капли), *лунный* (свет), *бледное* (лицо), *блестящая* (роса), *темный* (сад), *светлые* (звезды) и т.д. Например: «За садом берег чистый, Спокойный бег реки, На ниве **золотистой** Степные васильки» [с. 49].

Звук является вторым «чувственным» звеном, окрашивающим поэтический мир А. К. Толстого. Эпитеты характеризуют наличие или отсутствие звука, его качество, источник и т.п. Например: *молчаливый*, *тихий* (дом), *грустный*, *звонкий* (смех), *колокольный* (звон, гул), *кандаальный*, *хрустальный*, *благостный* (звон), *оглушительный* (крик), *звонкие* (цепи), *свободный* (звук) и т.п. Особенностью этой группы является то, что актуальная сема звука часто находится в существительном (звук, звон, гул), в прилагательном она потенциальна. Прилагательные передают такие признаки звука, как интенсивность, звонкость, благозвучность, широта распространения и т.д. Например: «И сердце радостно Дрожит и тает, Пока звон **благостный** Не замирает...» [с. 301].

Поэт не только видит и слышит мир, он его осязает: *остывший* (воздух), *теплый* (ветер), *холодная* (дрожь, снег, сталь), *жаркий* (день), *мягкая* (коса), *теплый* (пар, весна, слеза, гроза), *жгучий* (зной), *острая* (секира), *влажный* (берег). Например: «**Острою** секирой ранена береза...» [с. 68].

В лирических стихотворениях А. К. Толстого мы находим незначительное количество атрибутивных лексем, характеризующих обоняние: *душистые* (липы, весна), *свежий* (воздух, дух березы), *аро-*

матный, *благоуханный* (лист), *пахучая* (весна). Например: «И тихо все кругом, и под моей ногой Так мягко мокрый лист шумит **благоуханный**...» [с. 90]. Восприятие мира через обоняние связано с характеристикой запаха (аромата). Мир «дурных» запахов практически не представлен в художественной картине мира Толстого. Полагаем, это связано с положительным, романтическим восприятием самим автором окружающего природного мира, воспеванием культа красоты родной природы.

Выделим прилагательные с временной семантикой. Как и в предыдущих группах, в текстах когнитивный аспект и коммуникативная функция являются элементом эстетической мотивировки: *прежняя* (любовь, гнев), *последний* (снег), *ранняя* (весна), *старинный* (род, дом), *вековые* (липы), *полночный* (свист), *ежедневный* (язык), *юный* (лес), *прошлогодний* (лист), *майская* (ночь). Например: «Ты помнишь ли, Мария, Один **старинный** дом И липы **вековые** Над дремлющим прудом?» [с. 48]. Такие эпитеты часто осложнены дополнительным значением оценочности.

В отдельную группу можно выделить фольклорные эпитеты: *серый волк*, *тугой лук*, *горе горячее*, *тоска лютая*, *сыра земля*, *добрый молодец*, *красна девица*, *лес дремучий* и др. Например: «Полно, полно, **добрый молодец**, Бранью на ветер кидатися, Неразумны слова выговаривать!» [с. 62]. Фольклорные мотивы в творчестве поэта являются предметом многих современных исследований.

Лексико-грамматические разряды прилагательных и структура их лексического значения

Лексико-грамматические разряды прилагательных по-разному участвуют в образовании эпитетов. Ученые отмечают, что относительные прилагательные, обладающие прямым номинативным значением, чаще выступают в роли логических определений, характеризуя род, вид, разновидность¹.

¹ Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2002.

В стихотворении «Край ты мой, родимый край» употребление относительных прилагательных создает почти «кинематографическую» картину мира. Эту простоту некоторых стихотворений поэта отмечал Н. Н. Страхов. Он писал: «Стих так прост, что едва поднимается над прозой... Между тем поэтическое впечатление совершенно полно»¹: «Край ты мой, родимый край! Конский бег на воле, В небе крик **орлиных** стай, **Волчий** голос в поле! Гой ты, родина моя! Гой ты, бор дремучий! Свист **полночный** соловья, Ветер, степь да тучи!» [с. 66–67].

Однозначные и многозначные качественные прилагательные прямого номинативного значения обусловлены, в первую очередь, их логико-предметными связями. У таких прилагательных часто происходит расширение зоны предикатов, сопровождающееся индивидуализацией признаков: *злой* (ветер), *мрачная* (тишина), *сонный* (берег), *скудная* (тревога) и т.д. Они могут обозначать как эталонный признак, так и вероятностный, с дополнительными приращениями смысла. Например: эталонный признак: *золотистый* лимон (цвет и свет: солнцем облитый), *зеленая* трава (цвет и свежесть), *душистая* трава (цвет и запах), *холодный* снег (температура и оценка), *чешуйчатая* сосна (вид и осязание (неровная поверхность)). Например: «Вот уж снег последний в поле тает, Теплый пар восходит от земли, И кувшинчик синий расцветает, И зовут друг друга журавли. **Юный** лес, в **зеленый** дым одетый, Теплых гроз нетерпеливо ждет...» [с. 66]. Здесь существительное *лес*, входящее в лексико-семантическую группу «явление природы», сочетается с прилагательным, обозначающим признаки одушевленных предметов, а нестандартность сочетания *зеленый дым* рождает значение «появляющаяся молодая листва, не полностью распутившаяся». Все это конкретизирует значение прилагательного *юный*, создает художественный образ наступающей весны. Здесь же обращаем внимание на сочетание *теплая гро-*

за, где согласование смыслов происходит по части значения существительного (ср. **гроза** – «Бурное ненастье с дождем, громом и молнией»²). При этом наблюдается нейтрализация остальных семантических компонентов.

Иное настроение и общий эмоциональный тон создают прилагательные в стихотворении «Порой среди забот...»: «Порой, среди забот и **жизненного** шума, Внезапно на бежит **мучительная** дума И гонит образ твой из **горестной** души. Но только лишь один останусь я в тиши И **суетного** дня минует гул **тревожный**, Смирятся во мне волненье жизни **ложной**...» [с. 74]. В стихотворении звучит неудовлетворенность поэта земной действительностью и своим существованием, грусть, печаль, романтическое томление.

Как отмечалось ранее, существует точка зрения, что эпитет – это образное определение, в основе которого лежит переносное метафорическое значение слова. Эпитеты на базе метафорического значения занимают равное место наряду со значением прямым, номинативно-производным, что можно отметить как особенность поэтической манеры А. К. Толстого.

Известно, что метафора по своей природе антропометрична и в художественной речи участвует в передаче индивидуально-авторского видения мира, его оценки.

Индивидуализация признаков достигается у автора расширением зоны приложения предикатов. Так, в лексико-семантической группе «явления природы» наблюдаем признаки одушевленных предметов.

У Толстого переносные значения, как правило, стандартны и не фиксируются словарями. Свежесть и своеобразие придает им широкий контекст или сочетаемость, за счёт чего возникает художественно-эстетический образ: *кудрявая* (береза), *траурный* (наряд деревьев), *злая* (боль), *седая* (зима) и др. При этом возникают дополнительные приращения смысла, экспрессия, оценочность. Это актуально для

¹ Цит. по: Попов О. П. Заметки о языке А. К. Толстого // Русская речь. 1999. № 6. С. 8–21.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ЭЛПИС, 2005. С. 146.

создания эпитетов, где языковая личность и мир соотносятся в диапазоне «личностного тезауруса».

Для лирики поэта характерно образование переносных метафорических значений на базе относительных прилагательных, в которых, по замечанию В. В. Виноградова, заложен потенциальный оттенок качества: *алмазный, жемчужный, золотой, серебряный*. Заметим, что перенос подобного типа по цвету не фиксируется словарями, вероятно, в силу его стандартности и регулярности, но в контексте актуализирует дополнительные смыслы:

– *жемчужный* – характер звука и его оценка, например: «...и в глубине ветвей *Жемчужной* дробью защелкал соловей.» [с. 111] (ср.: *жемчуг* – «Драгоценное перламутровое вещество в форме зерен ...»¹. Существительное *дробь* и глагол *защелкал*, характеризующие звук, наводят в прилагательном потенциальные оценочные семы — «благозвучный», «приятный для слуха»);

– *алмазный* — блестящий, искрящийся. Например: «Тогда взойдет огнистое светило, В *алмазных* искрах струи заблестят...» [с. 483]. (ср.: *алмаз* – «Прозрачный драгоценный камень, ... превосходящий все другие минералы и драгоценные камни блеском и твердостью»². В прилагательном *алмазный* актуальным становится лишь семантический компонент «блеск» и наводится компонент «переливающийся»).

Для лирики поэта характерны в основном два вида метонимического переноса, лежащие в основе эпитетов:

– перенос чувств, эмоций человека на его части тела: *грустные, печальные* (очи), *доброе, гордое, покорное* (сердце), *грустные* (ресницы), *благостная* (рука).

В этой группе интересен метонимический эпитет *грустный* (*грустные ресницы*), который характеризует душу – одно из ключевых слов в лирике Толстого: «Горними тихо летела душа небесами, *Грустные* долу она опускала ресницы; ... Встречные тихо ее вопрошали светила:

«Что так грустна? И о чем эти слезы во взоре?» Им отвечала она: «Я земли не забыла, Много оставила там я страданья и горя.» [с. 97]. У поэта душа говорит, грустит, мыслит, помнит (Ср.: «*Душа* – бессмертное духовное существо, наделенное разумом и волей»³);

– перенос самих чувств, эмоций человека на их проявление (шепот, крик, голос, взгляд и т.д.): *угрюмый* (взгляд), *веселая* (речь), *ласковый, ревнивый* (взор), *грустный* (смех), *задумчивый* (вид). Например: «Слеза дрожит в твоём *ревнивом* взоре — О, не грусти, ты все мне дорога!» [с. 94].

Незначительны примеры определений, в которых заключен перенос признака одушевленного предмета на неодушевленный: «На главах у нас, Затмевая звезды, Галок стая вьет *Поганые* гнезда!» [с. 51] (ср.: гнезда поганных галок); «И много где пролиты крови *славной* В честь древних прав и веры православной?» [с. 54] (ср.: кровь славных воинов); либо с неодушевленного предмета на неодушевленный: «Над ним дворца *разрушенные* своды, Густой травой давно заросший свод...» [там же] (ср.: своды разрушенного дворца). Полагаем, именно в этих примерах проявляют себя так называемые «перенесенные эпитеты», которые О. С. Ахманова определяет как «фигуру речи, состоящую в переносе эпитета на управляющее слово» [2, с. 32]. Этот приём, «являясь отклонением от регулярной грамматической нормы, представляет пример грамматического и семантического рассогласования, с его помощью создаются уникальные описания ситуаций внеязыковой действительности» [3].

Возвращаясь к группе прилагательных цвета и света, отметим, что Толстой отдаёт предпочтение основным цветам спектра, в первую очередь, это *белый* (25 употреблений), чаще *светлый* (32) – *зеленый* (22) – *черный* (20), чаще *темный* (27).

Рассмотрим наиболее часто встречающуюся в текстах атрибутивную лексе-

¹ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русс. яз. 1985–1988. С. 477.

² Там же. С. 32.

³ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русс. яз. 1985–1988; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ЭЛПИС, 2005.

му *светлый* в ее различных значениях. Следует отметить, что у поэта это прилагательное представлено почти во всех своих словарных значениях и характеризует как номинативы, называющие конкретные предметы, так и абстрактные сущности. Например: «*Не солнце красное встает, Не утро **светлое** настало; Не стая лебедей выиграла Весной на лоне ясных вод.*» [с. 244] («2. Хорошо освещенный, наполненный светом»¹); «*Где **светлый** ключ, спускаясь вниз, По серым камням точит слезы, Ползут на черный кипарис Гроздами пурпурные розы.*» [с. 83] («5. Чистый, прозрачный»²). Яркая картина мира создается за счет антонимической пары *светлый* – *черный* и номинативы дополнительных цветов спектра: *серый, пурпурный* — в их основных значениях.

Наиболее частотен эпитет *светлый* в сочетании с номинативом *звезды*: «*Я бы хотел, как **светлая** звезда, Зайти, блестя в негаснущем мерцанье...*» [с. 427]; «*Слава на небе **светлым** звездам*» [с. 305]. Значение «излучающий свет» осложняется компонентом «светящийся», «блестящий», который актуален в существительном *звезда* (Ср. *звезда* – «небесное тело, представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой»³).

В переносном значении («10. Перен. Ясный и логичный»⁴) прилагательное-эпитет сочетается с существительными, обозначающими отвлеченные понятия: ум, мысли, думы и т.д. Например: «*Теперь же мне стали понятны Обман, и коварство, и зло, И многие **светлые** мысли Одну за другой унесло*» [с. 50].

В строке с метафорическим сочетанием *недремлющее око души* лексема *светлый* реализует значение, не отмеченное словарями, совмещающее компоненты «проницательный», «просветленный» и «ничем не омраченный»: «*С тех пор как я один, с*

*тех пор как ты далёко, В тревожном полусне когда забудуь я, **Светлей** моей души недремлющее око И близость явственной духовная твоя*» [с. 92].

Поэт представляет незримый духовный мир, что поддерживается контекстом: *недремлющее око, духовная близость*. Именно во сне (полусне), когда лирический герой «отрывается» от мирской суеты, все становится отчетливее, яснее для него. «Око души – ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога»...[16]. Поэт воспринимает разлуку с женщиной не зрительно, не физически, а именно на ментальном уровне, духовно.

Обращение к глубокой старине, историческим событиям прошлого – еще одна из тем в поэзии Толстого. Эпитет *светлый* используется в описании исторических реалий: внешности, одежды, действий. Например: «*И дивится Владимир на стройную статъ, И дивится на **светлое** око...*» [с. 172]. Светлое око – это, с одной стороны, характеристика глаз по цвету («4. Не темного цвета»⁵), а с другой, в контексте – это признак славянской внешности.

Светлолицым описывается и сам князь Владимир: «*Пирует Владимир со **светлым** лицом, В груди богатырской отрада.*» [с. 137]; «*Его **светлое** лицо Блещет новой славой.*» [с. 56]. В примерах эпитет *светлый* совмещает значения «8. Чистый и ясный духом, умиротворенный», «9. Благородный» и части значения «7. Выражающий радость»⁶. Последнее значение поддерживается контекстом – *отрада, новая слава*.⁷

В стихотворных примерах мы сталкиваемся со сложносоставным эпитетом *светлоокий*. Заметим, что в отличие от Фета и Тютчева, Толстой редко использует сложные прилагательные-эпитеты. Например: *бледно-розовая* (даль), *ярко-красные* (кисти рябин), *лилово-желтый* (утес), *звонконогой и долгогривый, звонко-скачущий* (конь), *болотисто-отлогий* (берег), *убедительно-*

¹ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русс. яз. 1985–1988. С. 47.

² Там же.

³ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русс. яз. 1985–1988. С. 600.

⁴ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русс. яз. 1985–1988. С. 47.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее о прилагательном *светлый* – см. [13].

лживый (рассказ), громоносные (брови), буро-пегие (кентавры). Последний эпитет является индивидуально авторским обозначением.

В некоторых случаях отмечается несоответствие не с одним, а с несколькими признаками, часто из разных лексических сфер (с учетом когнитивного и эмоционально-оценочного контекста).

Наше внимание привлек и индивидуально-авторский эпитет *деревенский*. Он представлен в «Словаре эпитетов»¹ как редкий. Вне широкого контекста его художественно-эстетическое своеобразие не совсем понятно: «Вы всё любуетесь на скалы, Одна природа вас манит, И возмущает вас немало Мой *деревенский* аппетит.... Нет, нет, названия вандаля От вас никак я не приму: И Ифигения едала, Когда она была в Крыму!» [с. 79]. Прилагательное *деревенский* приобретает контекстуальное значение: «крепкий, здоровый». В широком плане возникает наведенный контекстом признак «обыденный». Проявляется внутритекстовая антонимия: «высокое – низменное». Сам текст приобретает несколько ироническое звучание.

Широкого контекста требует и эпитет *раздробленная* (любовь). Он не ограничивается значением «разнообразная», а контекстуально вбирает в себя нечто большее: любовь земная противопоставляется любви всеобъемлющей, божественной. По мысли Толстого, любовь распространяется по всей Земле, по всей Вселенной, проникая во все уголки, наполняя их светом и гармонией: «И любим мы любовью *раздробленной* И тихий шепот вербы над ручьем, И милой девы взор... И ничего мы вместе не сольем. Но не грусти, ... Пойди еще ... В одну любовь мы все сольемся вскоре, В одну любовь, широкую как море, Что не вместят земные берега.» [с. 94]. Такое значение выходит на первый план благодаря сочетаниям *одна любовь, не вместят земные берега*.

Таким образом, качественные признаки могут восприниматься как объективно

существующие, а могут приписываться человеку в процессе познания, отражая его пресуппозиции.

В целом же индивидуально-авторские эпитеты не характерны для лирики А. К. Толстого.

Особенности синтагматики эпитетов

Еще одной особенностью функционирования эпитетов в лирике А. К. Толстого является положение эпитета по отношению к определяющему слову. Очень часто он стоит после определяемого. Это, на наш взгляд, усиливает восприятие признака, акцентируя на нем внимание: *край родимый, край благодатный, смех и грустный и звонкий, песня вольная, бесконечная, мельница старая и шаткая* и др.

В других случаях, когда эпитет оторван от номинатива и располагается в конце поэтической строки, такая его позиция способствует еще большему смещению акцентов и усилению признака: «*Запад гаснет в дали бледно-розовой, Звезды небо усеяли чистое, Соловей свищет в роще березовой, И травую запахло душистой...*» [с. 98].

В стихотворениях поэта мы находим не только одиночные эпитеты (их подавляющее большинство), но и пары эпитетов, связанных только интонацией перечисления: *грозный, светлоокий* (орел), *вечерний тихий* (час), *ласковый, царственный* (взор), *безбрежная, бездонная* (стихия) и др., или интонацией и союзом: *неровная и тряская* (гребля), *серый и пасмурный* (день), *старая и шаткая* (мельница), *грустный, и звонкий* (смех), *свежая и пахучая* (весна), *знакомый и любимый* (образ), *прозрачна и сквозна* (душа), *белая и ревущая* (пена), *глухой и одичалый* (сад) и др.

Некоторые пары содержат связанные, соотносимые признаки (*серый и пасмурный; вечерний и тихий* и др.), другие же – совершенно различные признаки предмета (*белая и ревущая; грустный и звонкий* и др.). В парах, на наш взгляд, первая атрибутивная лексема более традиционна, а вторая в большей степени передает осо-

¹ См. [9].

бенности авторского видения и обладает большей эмоциональностью, оценочностью.

В других примерах (они немногочисленны) образные определения формируют целые цепочки: «*Шумя, тростник над озером трепещет, И чист, и тих, и ясен свод небес*» [с. 53]; «*Конь мой, конь, славянский конь, Дикий, непокорный!*» [с. 55]; «*Как он ехал по нашей улице, Набекрень заломивши мурмолку, Как лихого коня буланого, Звонконогого, долгогривого, Супротив окон на дыбы вздымал!*» [с. 101]. Полагаем, эпитеты в этих конструкциях выполняют уточняющую и усилительную функцию, раскрывая характеристику предмета повествования и усиливая ассоциативные семантические связи.

Заключение

Таким образом, анализ характеризующих определений – эпитетов в лирике Толстого еще раз подтверждает мысль исследователей о семантической сложности поэтического слова, об отражении в нем авторского мировосприятия и мироощущения, поэтому их изучение расширяет наши представления об особенностях идиолекта автора, позволяет подчеркнуть особенности творческой манеры, своеобразие, ясность и гармонию его поэзии. А. К. Толстой по праву занимает достойное место среди русских поэтов как поэт высокой красоты.

Статья поступила в редакцию 26.06.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманова Н. В. Звуковые образы в поэтической картине мира А. К. Толстого и в словаре языка поэта как средство экспликации субъективно-авторского восприятия. // Казанская наука. 2018. № 12. С. 10–14.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
3. Баранчеева Е. И. Семантические механизмы английского перенесенного эпитета // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 94–102.
4. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предупотребление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2. С. 122–143.
5. Бурдина Е.А. Лексико-семантическая репрезентация философской категории «любовь» в рамках пространственно-временного континуума в поэтическом и эпистолярном наследии А. К. Толстого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 826–837.
6. Вороничев О. Е., Шестакова Н. А. Устаревшая лексика в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Русский язык в школе. 2015. № 10. С. 41–46.
7. Глушкова В. Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С. Н. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 22 с.
8. Голубина К. В. Когнитивные основы эпитета в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 25 с.
9. Губанов С. А. Структурные типы эпитетных комплексов в творчестве М. Цветаевой // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5.2. С. 52–60.
10. Гусева Т. М. Сложный эпитет как стилиобразующая единица художественного пространства И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 27 с.
11. Маниева Н. С. Семантические группы прилагательных-эпитетов, логически несовместимых с определяемыми существительными, в современной поэтической речи // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2006. № 26. С. 142–149.
12. Москвин В. П. Эпитет как предмет теоретического осмысления // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. 2011. №4 (14). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325227875.pdf> (дата обращения 21.03.2020).
13. Моспанова Н. Ю. Об эпитете светлый в лирике А. К. Толстого // «О Родине песни и думы его...». А. К. Толстой в мировой культуре: материалы научно-практических конференций, посвященных 200-летию А. К. Толстого. Брянск, БОНУБ им. Ф. И. Тютчева, 2017. С. 136–145.
14. Никитина И. Н. Поэзия А. К. Толстого: лингвофольклорный аспект // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 152–156.

15. Павшук А. В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорины «Воля»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 21 с.
16. Преподобный Симеон Новый Богослов. Око души [Электронный ресурс]. URL: <http://azbukaspaseniya.ru/biblioteka/oko-dushi.html> (дата обращения: 27.04.2020).
17. Савельева Т. В. Фольклоризм как стилевая черта творчества А. К. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 24 с.
18. Федорова Т. В. Колоративы в поэтических текстах А. К. Толстого // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 231–236.
19. Фомина О. Н. Фразеология в поэзии Алексея Константиновича Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2000. 16 с.
20. Voronichev O., Atamanova N., Mospanova N., Strekalova I. And all the worlds will have one start ... (on the semantic load of the lexical unit love in the poetry by A. Tolstoy) // *XLinguae*. 2018. T. 11. № 2. С. 158–170.

REFERENCES

1. Atamanova N. V. [Sound images in the poetic picture of the world by A. K. Tolstoy and in the dictionary of the poet's language as a means of explication of the author's subjective perception]. In: *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2018, no. 12, pp. 10–14.
2. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 571 p.
3. Barancheeva E. I. [Semantic mechanisms of the English translated epithet] In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 2 (30), pp. 94–102.
4. Bulahova N. P., Skovorodnikov A. P. [To the definition of the concept of an epithet (preparation for a functional characteristic] In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communication practice], 2017, no. 2, pp. 122–143.
5. Burdina E. A. [Lexical and semantic representation of the philosophical category “love” within the space-time continuum in the poetic and epistolary heritage of A. K. Tolstoy] In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], 2017, vol. 8, no. 4, pp. 826–837.
6. Voronichev O. E., Shestakova N. A. [Outdated vocabulary in the novel by A. Tolstoy “Prince Silver”]. In: *Russkij yazyk v shkole* [Russian at school], 2015, no. 10, pp. 41–46.
7. Glushkova V. G. *Lingvostilisticheskie osobennosti epiteto v hudozhestvennoj proze S. N. Esina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and stylistic features of epithets in the fiction of S. Esina: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Belgorod, 2000. 22 p.
8. Golubina K. V. *Kognitivnye osnovy epiteta v hudozhestvennom tekste (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj prozy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive foundations of an epithet in a literary text (based on the material of English-language fictional prose): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1998. 25 p.
9. Gubanov S. A. [Structural types of epithet complexes in the work of M. Tsvetaeva]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Samara State University Bulletin], 2008, no 5.2, pp. 52–60.
10. Guseva T. M. *Slozhnyj epiteta kak stileobrazuyushchaya edinica hudozhestvennogo prostranstva I. A. Bunina: avtoref. dis. ... kand. filol. nau* [A complex epithet as a style-forming unit of the artistic space of I. Bunin: abstract of PhD thesis in Philological sciences] Moscow, 2001. 27 p.
11. Manieva N. S. [Semantic groups of adjective-epithets that are logically incompatible with the defined nouns in modern poetic speech]. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2006, no. 26, pp. 142–149.
12. Moskvina V. P. [Epithet as a subject of theoretical comprehension]. In: *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGPU* [Electronic scientific and educational journal of VSPU], 2011, no. 4 (14). Available at: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325227875.pdf> (data obrashcheniya 21.03.2020).
13. Mospanova N. Yu. [The light epithet in the lyrics of A. K. Tolstoy]. In: *“O Rodine pesni i dmy ego...” A. K. Tolstoj v mirovoj kul'ture: Materialy nauchno-prakticheskikh konferencij, posvyashchennyh 200-letiyu A. K. Tolstogo* [About the homeland of his songs and thoughts ...” A. K. Tolstoy in world culture. Materials of scientific and practical conferences dedicated to the 200th anniversary of A. Tolstoy]. Bryansk, BONUB im. F. I. Tyutcheva, 2017, pp. 136–145.

14. Nikitina I. N. [Poetry of A. K. Tolstoy: linguistic and folklore aspect] In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin], 2017, no. 3 (33), pp. 152–156.
15. Pavshuk A. V. *Yazykovaya priroda i funktsii epiteta v hudozhestvennom tekste (na materiale romana Asorina «Volya»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The linguistic nature and functions of the epithet in the literary text (based on the material of Azorin's novel "Will"): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2007. 21 p.
16. Prepodobnyj Simeon Novyj Bogoslov. *Oko dushi* [Eye of the Soul]. Available at: <http://azbukaspaseniya.ru/biblioteka/oko-dushi.html> (accessed: 27.04.2020).
17. Savel'eva T. V. *Fol'klorizm kak stilevaya cherta tvorchestva A. K. Tolstogo: avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [Folklorism as a stylistic feature of A. K. Tolstoy: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Chelyabinsk, 2006. 24 p.
18. Fedorova T. V. [Coloring in poetic texts by A. Tolstoy] In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin]. 2017. no. 3 (33). pp. 231–236.
19. Fomina O. N. *Frazeologiya v poezii Aleksey Konstantinovich Tolstogo: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Phraseology in the poetry of Alexei Konstantinovich Tolstoy: abstract of PhD thesis in Philological sciences] Moscow, 2000. 16 p.
20. Voronichev O., Atamanova N., Mospanova N., Strekalova I. [And all the worlds will have one start ... (On the semantic load of the lexical unit love in the poetry by A. Tolstoy)]. In: *Xlinguae*. 2018. vol. 11. no 2. pp. 158–170.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моспанова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, Россия;
e-mail: mo_nati76@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mospanova Natalya Yurievna – Cand. Sci (Philology), Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, Russia;
e-mail: mo_nati76@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Моспанова Н. Ю. Эпитет как одна из особенностей идиостиля А. К. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 63–73.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-63-73

FOR CITATION

Mospanova N. Yu. The Epithet as One of the Features of A. Tolstoy's Idiostyle. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no. 5. pp. 63–73.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-63-73

УДК 81'271

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-74-82

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ?

Норман Б. Ю.*Белорусский государственный университет**220030, г. Минск, пр. Независимости, д. 4, Республика Беларусь***Аннотация.**

Цель. Описать синтаксические модели (структурные схемы или формулы) русского языка, содержащие в себе эмоциональные смыслы.

Процедура и методы. Основное содержание статьи составляет анализ синтаксических моделей русского языка (зафиксированных в научной и дидактической литературе) с точки зрения возможности одновременной передачи рациональной и эмоциональной информации. Проведено сравнение моделей, образующих ядро синтаксического уровня языка, и фразеологизованных единиц, образующих его периферию.

Результаты. Проведённый анализ показал, что русскоязычные модели, относящиеся к периферии синтаксического поля, такие как *Что за прелесть!*, *Чем не подарок*, *Всем пирогам пирог*, *Вот тебе и приятели!*, *Из хитрецов хитрец*, *Ну и результат!*, *Праздник не в праздник*, *Я ли не любила* и т. п., систематически содержат в себе и передают эмоциональную коннотацию (сомнение, восхищение, удивление, неодобрение и т. п.).

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье перечислены условия (лексические константы, селекция грамматических классов, порядок слов, интонация), при которых синтаксическая модель систематически выражает эмоциональные смыслы. Эти фразеологизованные модели требуют обязательного (хотя и второстепенного) включения в грамматики и учебники русского языка.

Ключевые слова: синтаксическая модель, высказывание, русский язык, эмоциональный смысл, фразеологизованная единица

EMOTIONAL MEANINGS OF SYNTACTIC MODELS?

B. Norman*Belarusian State University**4, Prospect Nezavisimosti, Minsk, 220030, Belarus***Abstract**

Aim. The article aims to describe syntactic models (structural schemes or formulas) of the Russian language containing emotional meanings.

Methodology. The paper's main content is the analysis of syntactic models of the Russian language (fixed in scientific and didactic literature) from the point of view of the possibility of simultaneous expression of rational and emotional information. The models making the core of the language's syntactic level and phraseologized units forming its periphery are compared.

Result. It is shown that Russian models relating to the periphery of the syntactic field, such as *Chto za prelest'!*, *Chem ne podarok*, *Vsem pirogam pirog*, *Vot tebe i priyateli!*, *Iz hitrecov hitrec*, *Nu i rezul'tat!*, *Prazdnik ne v prazdnik*, *Ya li ne lyubila*, etc., systematically contain and convey the emotional connotation (doubt, admiration, surprise, disapproval, etc.).

Research implications. The article lists the conditions (lexical constants, selection of grammatical classes, word order, intonation) under which the syntactic model systematically expresses emotional mean-

ings. These phraseologized models require obligatory (though second-rate) inclusion in grammars and textbooks of the Russian language.

Keywords: syntactic model, utterance, Russian language, emotional sense, phraseologized unit

Структурная схема – эмическая единица синтаксиса

Принцип изоморфизма – один из ведущих в современной лингвистике. Он означает, что все уровни языка, от фонологического до сверхфразового, подчиняются некоторым общим закономерностям. В частности, на каждом уровне можно выделять набор языковых моделей и их речевых репрезентаций (то, что иногда называют инвариантами и алловариантами, или эмическими и этическими единицами).

На синтаксическом уровне роль такой эмической единицы выполняет структурная схема (синтаксическая модель, формула предложения и т. д.). Независимо от того, какие условия ставит исследователь этой модели (её двувёршинность или одновёршинность, ограниченность двумя, тремя или большим количеством компонентов), важнейшее, конститутивное её свойство – способность обслуживать множество коммуникативных ситуаций, разные речевые акты. В этом – суть противопоставления предложения как языковой единицы высказыванию как единице речевой. В российском языкознании эта идея разрабатывалась и поддерживалась такими известными грамматистами, как Б. Н. Головин, П. А. Лекант, Ю. С. Маслов, И. П. Распопов и др.

Синтаксическая модель, т. е. тот образец, по которому говорящий строит своё высказывание и на который слушающий проецирует это высказывание, чтобы правильно его понять, многофункциональна и амбивалентна. Один и тот же образец может использоваться в ситуации утверждения / отрицания (*Мальчик учится в школе, Мальчик не учится в школе*), запроса информации (*Мальчик учится в школе?*), различных модальных модификаций (*Мальчик должен учиться в школе, Мальчик может учиться в шко-*

ле, Учился бы мальчик в школе...) и т. п. Именно в процессе регулярной реализации, воплощения синтаксической модели в высказывание предикатно-актантная структура «обрастает» многообразными эмоциональными коннотациями, выражаемыми интонацией, вводными и служебными словами, междометиями (*Неужели мальчик учится в школе?*; *Мальчик, к счастью, учится в школе*; *Мальчик, несмотря ни на что, учится в школе*; *Так мальчик ещё и учится в школе?!*; *Ах, если б мальчик учился в школе!*; *Мальчик ведь, черт побери, учится в школе!* и т. п.). Иными словами, одна и та же синтаксическая модель обслуживает разные речевые акты – и везде одинаково хорошо выполняет свою организационную функцию (это значит – она выстраивает в сознании носителя языка картинку – фрейм с его составляющими и воплощает его в предикатно-актантную структуру). А дело говорящего и слушающего – встроить эту модель в конкретную коммуникативную ситуацию и превратить её в единицу дискурса – высказывание.

Эти рассуждения могли бы показаться банальными, если бы в научной литературе не продолжалась дискуссия о том, может ли синтаксическая модель изначально содержать в себе какие-то эмоциональные смыслы.

Синтаксис – и выражение эмоций?

Как известно, к числу базовых эмоций психологи относят Боязнь (Страх), Печаль, Гнев, Омерзение, Стыд и Радость – обычно ссылаются на американского психолога К. Изарда [18]. Иногда к ним добавляют Любовь, Ненависть, Зависть [8, с. 228 и др.].

Можем ли мы сразу, по памяти, назвать какие-то синтаксические модели, которые воплощают в себе эти эмоции? Это сделать довольно трудно. Проще было бы считать, что синтаксис «безразличен» к эмоциям.

И даже те авторы, которые находят среди синтаксических конструкций место для выражения эмоций, вынуждены признавать, что эти конструкции – многозначны, не замыкаются на эмоциях. Так, известный финский русист А. Мустайоки признаёт, что выражение эмоциональных состояний пересекается в языке с физиологическими, а эмоциональных отношений – с отношениями как таковыми. Скажем, по той же модели, по которой образовано высказывание *Мне страшно*, образуются и высказывания *Мне больно* или *Мне известно*, а по той же модели, по которой образована фраза *У дедушки депрессия*, образуются также *У дедушки лысина* или *У дедушки мотоцикл...* [8, с. 229–231].

И все же вывод о том, что синтаксис безразличен к эмоциям, будет поспешным и неточным. Дело в том, что набор синтаксических моделей не сводится к перечню «образцовых» 2-компонентных моделей (как в академической Грамматике 1970 г. [3]) или моделей с большим числом компонентов, обеспечивающим «информационную достаточность», как в пражской «Русской грамматике» [17].

Конечно, для преподавания русского языка, для лингводидактических целей, наиболее удобны и показательны самые частотные и полифункциональные синтаксические модели. Недаром русские буквари начинаются с образцов типа *Мама мыла раму* или *У Шуры шары*. Точно так же, преподавая русский язык иностранцам, никто не будет начинать курс синтаксиса с конструкций типа *Нам не до танцев* или *Вот тебе и покатались!*

В реальности же, кроме типологического «костяка», набора стандартных моделей, активно используемых в речи и составляющих ядерную часть синтаксиса, существует огромное разнообразие конструкций, образующих периферию синтаксических языковых образцов. Это инфинитивные и номинативные модели, фразеологизованные схемы, готовые синтаксически нечленимые высказывания и т. п. Вот они-то априори пропитаны эмоциональными коннотациями. В частности, П. А. Лекант

совершенно справедливо указывал на то, что инфинитивным предложениям изначально присуще переплетение рационального и эмоционального моментов [7, с. 47]. В высказываниях типа

Листьям последним шуршать,

Мыслям последним томиться...

(А. Ахматова),

кроме денотативной составляющей (*листья – шуршат...*), присутствует важный, хотя и не вполне ясный, коннотативный элемент. Действительно, как мы толкуем данную фразу:

Листьям **придётся** шуршать? Листьям **предназначено** шуршать? Листьям **можно** шуршать? Листьям **следует** шуршать? Листьям **пора** шуршать? Листьям **ничего не остаётся делать, кроме как** шуршать? и т.п.

Сочетание оттенков возможности, предназначенности, неизбежности (предназначенности) образует тот синкретический эмоциональный фон, который предопределяет восприятие данной фразы. В целом же эмоциональный компонент включает в себя разнообразное субъективное отношение говорящего к описываемой ситуации: оно включает в себя общую оценку (положительную или отрицательную), объективную модальность (долженствование, гипотетичность и т. п.) и субъективную модальность – частную коннотацию (удовлетворение, скепсис, квиетизм и др.).

Фразеологизованные конструкции (фразеосхемы)

В середине XX в. русские языковеды обратили внимание на особые построения, находящиеся на границе синтаксиса и фразеологии. В частности, Н.Ю. Шведова посвятила специальную статью фразеологизованным конструкциям, широко употребляющимся в русской речи. «В отличие от свободных построений, соединения фразеологического характера не активно и каждый раз заново возникают в языке как реализация его живых синтаксических возможностей, а используются как готовый материал, «обновляемый» говорящим лишь

в части знаменательного слова» [13, с. 94]. В многочисленных и многообразных примерах типа *Что правда то правда, Ай да Моська! Чем не жених! Что за церемонии! Как бы не опоздать! Мало ли что болен, Всем молодцам молодец!* и т. п. автор отмечала присутствие оценочной семантики.

Д. Н. Шмелёв о том же материале писал: «Нетрудно заметить, что в этих предложениях нет фразеологизации какого-то отдельного слова, но здесь фразеологической является самая схема предложения...» [15, с. 49]. Эти «связанные конструкции» (автор называл их фразеосхемами) «не связаны с определёнными словами как таковыми, но они обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов» [15, с. 50]. Для нас же «фразеосхемы» интересны именно тем, что в них очень часто изначально заложена та или иная эмоциональная коннотация.

Развивая эти мысли в [16], учёный начинает перечень фразеосхем с риторических вопросов с вопросительными словами (например: *Что ему делается? Какие теперь дела! Что вы, какой холод? Куда тебе жениться! Куда тут чай распивать! Где уж ему читать...; Какое болен – поперёк себя толще!*) и характеризует их как «эмоциональные эквиваленты» отрицательных предложений. Типичная для подобных высказываний среда – это диалогическая речь. И понятно, что при всём их лексическом разнообразии в глубине каждой из них лежит определённый синтаксический образец, включающий в себя вопросительное местоимение или наречие.

Другой тип высказываний – *Есть о чём жалеть! Есть о ком думать!*, построенных по иной модели, – Д. Н. Шмелёв определяет как средство «экспрессивно-иронического отрицания» [16, с. 139]. А по поводу конструкций типа *грешить грешу, кормить не кормит, пожить поживу, читать не читал, а...* и т. п. учёный писал: «Связанные конструкции характеризуют-

ся специальной, так сказать, синтаксически обусловленной «модальностью»» [16, с. 141]. Характерно, что слово *модальность* взято автором в кавычки, речь идёт о выражении «надмодальных» – тема-рематических и эмоциональных – смыслов.

В последние годы фразеологизованные синтаксические модели, или фразеосхемы (иногда их называют ещё «конструкциями малого синтаксиса» или «синтаксическими фраземами»), продолжают привлекать внимание грамматистов. У современного финского исследователя М. Копотева список «синтаксических фразем» в русском языке достигает восьми десятков. Среди них – модели типа *Что за прелесть!, Чем не подарок, Всем пирогам пирог, Вот тебе и приятели!, Из хитрецов хитрец, Ну и результат!, Праздник не в праздник, Я ли не любила, Уж кто-кто, а он..., Какой он работник?, Нет чтобы подождать, Тоже мне помог, Какое там успел!, Работа работой, а..., Ай да Таня!, Ох уж этот Петя и т. д.* [6, с. 124–126]. И перечень данных конструкций может быть ещё расширен.

У всех этих высказываний – та или иная степень экспрессивной коннотации, от обиходно-разговорной до конфликтно-инвективной. Но при всех различиях в их структуре прагматическая ценность данных фраз примерно одинакова: они действительно регулируют развитие диалога, сообщая собеседнику ту или иную оценку события или ситуации. За каждым из примеров стоит определённая языковая модель. Понятно, что представленные здесь синтаксические позиции могут заполняться разной лексикой, например:

Ну и результат/ Ну и пиво/ Ну и победитель/ Ну и мебель... или

Всем пирогам пирог/ Всем усам усы/ Всем каникулам каникулы и т. п.

Приведём два примера из художественных текстов:

Я знал: это тюрьма; но самое значение слова отсутствовало ещё в моём сознании. Тюрьма так тюрьма, Академия так Академия: называется так, и всё тут (Л. Успенский. Записки старого петербуржца).

–...Мне и праздник не в праздник, и юбилей не в юбилей, если на нём не спляшут камаринского Шурочка и Ваня Шторины! (В. Драгунский. Далёкая Шура).

Понятно, что первый ряд – *тюрьма так тюрьма, Академия так Академия* – может быть легко продолжен: *школа так школа, типография так типография* и т. п. Точно так же во втором случае по тому же образцу – *и праздник не в праздник, и юбилей не в юбилей* – могут быть образованы, скажем, *и конкурс не в конкурс, и фестиваль не в фестиваль* и т. д.

Как уже отмечалось, фразеологизованные модели в целом характеризуются неполной грамматической парадигмой (слабой возможностью варьирования в лице, времени, наклонении). Однако наличие некоей лексической константы, плюс заданность частеречной характеристики (выбор существительного, или глагола, или местоимения, входящих в состав конструкции), плюс неизменный порядок слов и – в устной речи – интонационное оформление обеспечивают каждой фразеосхеме идиоматичность, внутри которой находится место самым разным эмоциональным отношениям: сомнению, восхищению, неодобрению, сожалению и т. п.

Впрочем, как известно, выбор синтаксической модели в процессе речепорождения всегда так или иначе связан с выбором лексики, заполняющей её позиции. Уже упомянутая Н. Ю. Шведова очень точно охарактеризовала эту внутреннюю связь и взаимообусловленность:

«Грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку «лексической части»...

Любой синтаксический образец предложения не свободен от «оглядки на слово»: для лексически несвободных образцов словом первично предопределяется сама возможность их реализации; для так называемых лексически свободных образцов «вмешательство» слова обнаруживается на ступени семантического качества предложений...» [14, с. 11–12].

Это совершенно справедливо. Однако в нашем случае синтаксическая структура фразеосхемы выступает как основа, каркас, который заполняется вариативным лексическим материалом. А присущие фраземам эмоциональные оттенки могут выступать как притекстовые [12, с. 170], т. е. не планироваться говорящим рационально, а спонтанно вызываться его эмоциональным состоянием или специфическим дискурсом. Ненамеренность эта заложена в самой структуре фразеологизованных схем.

Разумеется, каждый язык обладает своим набором фразеологизованных синтаксических моделей. Скажем, в немецком языке такие модели (здесь они называются *Bildungsmuster* или *Satzidiome*) трактуются в связи с когнитивными или прагматическими аспектами немецкой культуры ([19, с. 57]; [20, с. 69–70] и др.). Именно они и образуют специфическую, национально-обусловленную сферу синтаксиса [9]. Уместно привести здесь слова чешского синтаксиста М. Грепля, сказанные полвека назад:

«Необходимо подчеркнуть, что типы предложений являются действительными единицами языковой системы, точнее, её синтаксического яруса. Следовательно, они не представляют собою искусственные «конструкты», т. е. результаты какой-либо лингвистической операции или эксперимента» [4, с. 60].

И далее, в той же статье, автор отмечал:

«Наиболее общий, наиболее отвлечённый тип, свойственный всем славянским языкам (и не только им), в сопоставительном плане менее интересен. Ведь на таком высоком уровне существует почти полная идентичность. Иначе говоря, рассуждения о предложениях вроде *Кошка лижет молоко*, представляющих самые общие типы, представленные во всех славянских языках без исключения, представляются бесплодными. Наоборот, чем больше мы спускаемся «вниз», к более частным типам, тем больше расхождений наблюдается между отдельными славянскими языками (в представленности типов и в их

формальном облике, в функциональном использовании, в стилистической значимости и т. д.); именно здесь лежит богатое поле действия для сопоставительного исследования» [4, с. 63].

Синтаксис как поле со своим центром и периферией

Эта идея поддерживается и развивается в работах российских грамматистов на рубеже веков. Так, у З. Д. Поповой синтаксис русского языка представлен в виде сложно организованного поля. И фразеосхемы образуют самую дальнюю периферию синтаксических структур [10, с. 31]. Приведём в качестве примера один фрагмент этого синтаксического поля: это схема концепта «бытие признака объекта», или, условно, концепта «КАКОЙ» (а в той же работе представлены структуры синтаксических концептов «ГДЕ», «КУДА», «ЧЕМ», «ЧТО» и т. д.).

Понятно, почему фразеосхемам отводится такое место. Во-первых, эти конструкции жанрово и стилистически ограничены. Во-вторых, в них синтаксическая

основа тесно сплетается с лексическими показателями. А, в-третьих, рациональная информация здесь очень часто совмещается с эмоциональной.

Модель поля использует и А. П. Сковородников для описания единиц экспрессивного синтаксиса. У него ядро поля образуется фигурами с максимально полным набором системообразующих признаков – таких как синтаксический параллелизм, перестановка, контраст, градация и т. д., а на периферии поля находятся стилистические фигуры с неполным набором признаков [11, с. 220–221].

В связи с этим возникает вопрос, который невозможно обойти, – о соотношении таких понятий, как эмоциональность, эмотивность и экспрессивность. Эти проблемы затрагивались в работах В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, В. И. Шаховского, Л. Г. Бабенко, Г. Н. Акимовой и др. Вряд ли можно согласиться с мнением последней из них, что «чисто эмоциональное выражение присутствует прежде всего в устной форме языка, как менее контролируемой

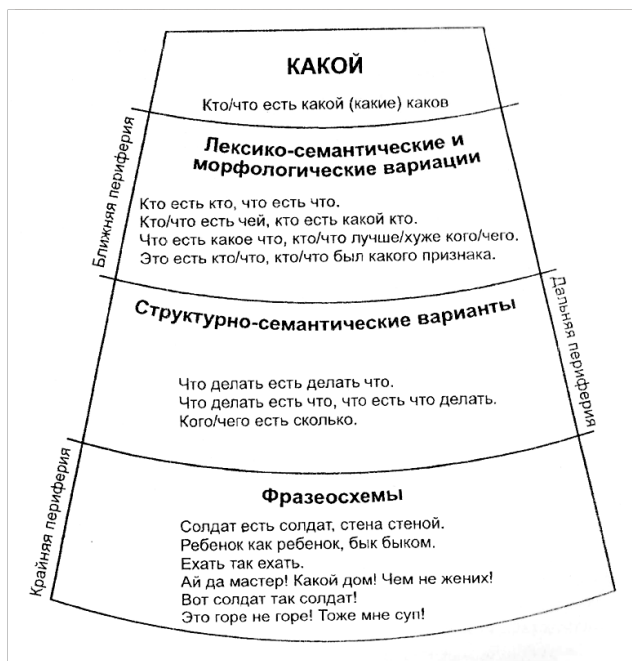

Рис. 1 / Fig.1. Структура синтаксического концепта «признак объекта», по З. Д. Поповой / The structure of the syntactic concept "object attribute", according to Z. Popova

Источник: [10].

говорящим», а «понятие экспрессии синтаксиса связывается преимущественно с письменной формой» [1, с. 84]. На наш взгляд, дело не в устной или письменной форме речи. Просто эмоция – это внутреннее состояние субъекта речи, а экспрессия – внешнее, эксплицитное её проявление. И если считать эмоциональность своего рода предпосылкой и внутренней составляющей экспрессивности, то в сферу наших интересов попадают и исследования, посвящённые риторическим приёмам, – работы Э. М. Береговской [2], Г. А. Копниной [5] и др.

Заключение

В данном случае наша задача была скромнее: показать, что синтаксису в принципе не чужды эмоциональные смыслы и что существует на синтаксическом уровне языка сфера пересечения рационального и эмоционального. Однако эмоции здесь всё же функционально вторичны и охватывают ту часть синтаксических моделей,

которые можно считать маргинальными, периферийными. Можно предположить даже, что между рациональным и эмоциональными компонентами смысла синтаксических конструкций существует обратная зависимость: чем синтаксическая структура очевиднее, членимее, тем эмоциональный компонент у нее слабее (или вовсе отсутствует). И наоборот: чем синтаксическая модель «фразеологизованнее», идиоматичнее, тем охотнее она принимает на себя выражение эмоциональных смыслов. Эта идея хорошо знакома нам по обычным фразеологизмам: устойчивые выражения воспринимаются как единое целое, как готовые номинации, предназначенные для стандартных коммуникативных ситуаций, и синтаксическая их организация отходит на второй план. Фразеологизация вообще выступает как противник или соперник любой структурной связи.

Статья поступила в редакцию 11.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
2. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. 208 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
4. Грель М. К сущности типов предложений в славянских языках // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 60–68.
5. Копнина Г. А. Риторические приёмы современного русского литературного языка. Опыт системного описания. М.: Флинта: Наука, 2009. 576 с.
6. Коптев М. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. 126 с.
7. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44–48.
8. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
9. Норман Б. О прагматических аспектах конструкций «малого синтаксиса» // Съпоставително езикознание – Contrastive Linguistics (София). XLI. 2016. № 2. С. 49–68.
10. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. 209 с.
11. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 254 с.
12. Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2012. 245 с.
13. Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.
14. Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1984. С. 7–15.
15. Шмелёв Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

16. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 152 с.
17. Barnetová V. et al. Русская грамматика. Т. 1–2. Praha: Academia, 1979. 1093 с.
18. Izard C. Basic Emotions, Relations among Emotions, and Emotion-cognition Relations // *Psychological Review* 1992. 99. pp. 561–565.
19. Lüger H.-H. Satzvertige Phraseologizmen. Eine pragmalinguistische Untersuchung. Wien: Edition Praesens, 1999. 313 p.
20. Roos E. Idiom und Idiomatik. Ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen: Shaker Verlag, 2001. 357 p.

REFERENCES

1. Akimova G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 168 p.
2. Beregovskaya E. M. *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* [Essays on expressive syntax]. Moscow, Rokhos, 2004. 208 p.
3. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1970. 767 p.
4. Grepl M. [K suschnosti tipov predlozheniy v slavyanskikh yazykakh]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], 1967, no. 5, pp. 60–68.
5. Kopnina G. A. *Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Opyit sistemnogo opisanija* [Rhetorical methods of modern Russian literary language. Experience of system description]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 576 p.
6. Kopotev M. *Printsipy sintaksicheskoy idiomatizatsii* [Principles of syntactic idiomatization]. Helsinki, Helsinki University Press, 2008. 126 p.
7. Lekant P. A. Categories: rational and emotional in Russian language and in Russian speech] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2012, no. 5, pp. 44–48.
8. Mustajoki A. *Teoriya funktsionalnogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam*. [The Theory of functional syntax. From semantic structures to language units]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 512 p.
9. Norman B. [On pragmatic aspects of constructions of “small syntax”]. In: *Contrastive Linguistics (Sofia)*, XLI. [Contrastive Linguistics, XLI.] 2016, no. 2, pp. 49–68.
10. Popova Z. D. *Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [Syntactic system of the Russian language in the light of the theory of syntactic concepts]. Voronezh, Istoki Publ., 2009. 209 p.
11. Skovorodnikov A. P. *Ekspressivnyie sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Opyt sistemnogo issledovaniya* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language. Experience of system research]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1981. 254 p.
12. Fedosyuk M. Yu. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of modern Russian language]. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 245 p.
13. Shvedova N. Yu. [On some types phraseological constructions in the structure of colloquial Russian speech] In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], 1958, no. 2, pp. 93–100.
14. Shvedova N. Yu. *Ob aktivnykh potentsiyah, zaklyuchennykh v slove* [About active potency contained in the word]. In: *Slovo v grammatike i slovare* [Word in Grammar and Dictionary]. Moscow, Nauka, 1984. pp. 7–15.
15. Shmelev D. N. [On “bonded” syntactic constructions in the Russian language] In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], 1960, no. 5, pp. 47–60.
16. Shmelev D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic divisibility of the utterance in the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 152 p.
17. Barnetová V. et al. [Russian grammar. Vol. 1–2]. Praha, Academia, 1979. 1093 p.
18. Izard C. [Basic Emotions, Relations among Emotions, and Emotion-cognition Relations] In: *Psychological Review*, 1992, № 99, P. 561–565.
19. Lüger H.-H. Satzvertige Phraseologizmen. Eine pragmalinguistische Untersuchung. Wien, Edition Praesens, 1999. 313 p.
20. Roos E. Idiom und Idiomatik. Ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen, Shaker Verlag, 2001. 357 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета;
e-mail: boris.norman@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof. Honored Education Worker, Republic of Belarus. Prof., Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University;
e-mail: boris.norman@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Норман Б. Ю. Эмоциональные смыслы синтаксических моделей? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 74–82.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-74-82

FOR CITATION

Norman B. Yu. Emotional Meanings of Syntactic Models? In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no 5, pp. 74–82.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-74-82

УДК: 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-83-90

СЕМАНТИКА КАУЗАТИВНЫХ ЭМОТИВОВ И ИХ ФУНКЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ

Онипенко Н. К.*Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН**119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Выявить особенности семантики русских каузативно-эмотивных глаголов и их функционально-коммуникативные возможности в заголовках современных интернет-СМИ, что соответствует задачам «Семантико-грамматического словаря русских глаголов».

Процедура и методы. Рассматриваются глаголы одной лексико-семантической группы, устанавливаются морфологические приоритеты в рамках словоизменительной парадигмы этих глаголов, выявляются синтаксические условия, в которых усиливается или ослабляется сема намеренности / ненамеренности каузации. При проведении исследования применены методы наблюдения, корпусного и дискурсивного анализа.

Результаты. Корпусный и текстовый анализ конструкций с каузативными эмотивами позволил представить семантико-грамматические свойства каузативно-эмотивных глаголов и показать их роль в заголовках разного типа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования предназначены для лексикографического представления каузативных эмотивов в словаре интегрального типа, соединяющем морфологическую, синтаксическую, функционально-коммуникативную информацию с характеристикой лексической семантики глаголов одной группы.

Ключевые слова: лингвистический анализ, коммуникативная грамматика, субъектная перспектива, каузативность, эмотивные глаголы, интерпретация

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00263 «Семантико-грамматический словарь русских глаголов».

SEMANTICS OF CAUSATIVE EMOTIVES AND THEIR FUNCTIONS IN THE HEADLINES OF MODERN INTERNET TEXTS

N. Onipenko*Vinogradov Institute of Russian language of the Russian Academy of Sciences**18/2 ul. Volhonka, Moscow 119019, Russian Federation*

Abstract.

Aim. This work aims to identify characteristics of the causative semantics of Russian-emotive verbs and their interpretation in the headlines of the modern Internet media that corresponds to the tasks of "Semantic and grammatical dictionary of Russian verbs."

Methodology. The article analyzes verbs of the same lexical and semantic group, sets morphological priorities within the inflectional paradigm of these verbs, and identifies syntactic conditions that strengthen or weaken a sense of intentional/unintentional causation. Methods of observation, corpus analysis, and discursive analysis were used in the verbs' research.

Results. Corpus and text analysis of constructions with causative emotives allowed us to present the semantic and grammatical properties of causative-emotive verbs and show their role in different types of headings.

Research implications. The research results are intended for lexicographic representation of causative emotives in an integral dictionary that combines morphological, syntactic, functional, and communicative information with characteristics of the lexical semantics of verbs of the same group.

Keywords: linguistic analysis, communicative grammar, subjective perspective, causativeness, emotional verbs, interpretation

Acknowledgments. The study was supported by the RFBR grant no. 18-012-00263 "Semantic-grammatical dictionary of Russian verbs".

Введение

Настоящая статья соединяет проблему семантико-грамматического описания глаголов и функционально-коммуникативную интерпретацию синтаксических конструкций в определённых текстовых позициях. Такой подход осуществляется в рамках концепции коммуникативной грамматики [3].

Речь пойдёт о каузативно-эмотивных глаголах (*удивить, поразить, огорчить* и др.) и заголовках с этими глаголами (Богомолов *восхитил* россиян роликом с мокрой Собчак; Наталья Подольская *разочаровала* поклонников неудачным нарядом; 21-летняя внучка Высоцкого *очаровала* сеть красотой). Заголовки – такой филологический объект, который рассматривается как с точки зрения лингвистики (8; 9; 6; 7), так и с точки зрения поэтики (4; 3).

Глаголы каузации. Конструкции с каузативными эмотивами

Прежде чем рассматривать текстовые функции эмотивных глаголов и их роль в заголовках, кратко охарактеризуем сами каузативно-эмотивные лексемы.

Глаголы каузации психического состояния (эмоции), или *каузативные эмотивы*, выражают каузативную ситуацию, соединяющую два положения дел: первое – бытие, действие или состояние чего-либо или кого-либо и второе – эмоциональное состояние субъекта личного. Но для того чтобы эмоциональная реакция была воз-

можной, необходим ещё один компонент – восприятие субъектом личным первого (каузирующего) положения дел. Из этого следует, что отличие эмотивной каузативной конструкции от других каузативных конструкций состоит в том, что в её семантике представлено опосредованное воздействие: между одним диктальным компонентом (каузирующим событием) и другим диктальным компонентом (эмоциональной реакцией) существует третий (модусный) – восприятие и осмысление вторым субъектом поступков первого субъекта.

См. примеры из ресурса НКРЯ:

Мой звонок из Москвы в его родной Красноярск очень обрадовал Дмитрия, и он сразу же согласился принять участие в нашей поездке в США. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)];

До выборов 2008-го Россию обязательно поразит очередной экономический кризис с последующей девальвацией рубля, – «обрадовал» корреспондента «МК» высокопоставленный сотрудник аппарата правительства. [Михаил Ростовский. Проблема-2008 // «Московский комсомолец», 2003.01.14];

Я узнал такую вещь, которая меня не то чтобы огорчила или разочаровала... Или удивила... Не знаю. [Евгений Гришковец. ОднорЕмЕнно (2004)];

То, что я сейчас сделаю, никого не должно обидеть или оскорбить. Потому что я никого не хочу ни обидеть, ни оскорбить. [Евгений Гришковец. ОднорЕмЕнно (2004)];

Новые приключения Золушки, описанные Юной, меня восхитили, но не удивили. [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)].

Эмотивные каузативы, хотя и являются переходными, но не относятся к разряду акциональных, «агентивных», а значит, не являются изосемическими, поскольку они

(1) не являются глаголами констатации, не обозначают конкретного (наблюдаемого) действия;

(2) выражают, как правило, ненамеренную, т. е. неконтролируемую с позиции первого субъекта (каузатора) каузацию; каузируемая эмоция в большей степени зависит от субъекта эмоциональной реакции, чем от субъекта каузатора (к исключениям можно отнести каузацию состояния животных – *злить собаку*; в также каузацию, в которой принимает участие высшая сила, – *Что тревожишь ты меня? ... От меня чего ты хочешь?* – Пушкин)¹;

(3) словообразовательно мотивированы именными корнями (субстантивными и адъективными), обозначающими состояние (*ужасать* – ужас; *страшить* – страх; *тревожить* – тревога);

(4) каузативные эмотивы толкуются через возвратный глагол (*злить* – делать так, чтобы злился);

(5) возвратные глаголы, формально производные от каузативных эмотивов (*радовать* – радоваться, *удивлять* – удивляться, *злить* – злиться, *тревожить* – тревожиться), не выражают страдательности, не соединяются с творительным падежом агенса (**удивляется кем/радуется кем*).

Данные Национального корпуса русского языка (исследование проводилось по подкорпусу, ограниченному последними 50 годами – 1970–2020 гг. свидетельствуют о том, что морфологическая парадигма

этих глаголов заполняется неравномерно и что морфологические возможности каузативных глаголов находятся во взаимосвязи с морфологической парадигмой возвратных эмотивных глаголов (каузативы «работают» в противофазе с возвратными эмотивами). Каузативные эмотивы относятся к разряду ОН-глаголов: для них наиболее частотной формой настоящего времени оказывается форма 3-го лица единственного числа, в отличие от возвратных эмотивных глаголов, в парадигме которых наблюдается примерное равенство между 3-м и 1-м лицом. Связь каузативного эмотива с модусом ярче всего проявляется в прошедшем времени, в котором преобладают формы среднего рода, что свидетельствует о типичности для этих глаголов позиции в составе сложного предложения с придаточным изъяснительным (см. также статью В. Ю. Апресян [1]):

Меня удивляло, что, прожив уже достаточно долго в доме Звягинцевых, я

не узнал о своей родне ничего нового. [Ю. М. Нагибин. Моя золотая теща (1994)];

Её так обрадовало, что никто не буянил, не пел блатных песен, не орал, не визжал и не носился голяком по коридорам, пугая и без того напуганных девочек и малышей. [Анатолий Приставкин. Кукушата, или жалобная песнь для успокоения сердца (1992)];

Но публику как раз и восхищало, что взлетает не юный акробат, а человек солидный. [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)].

Неконтролируемость (ненамеренность) **воздействия**, выражаемого каузативными эмотивами, предполагает неволебованность собственно побудительных (каузирующих чью-либо деятельность) высказываний, а значит, нечастотность и даже невозможность форм повелительного наклонения (эта проблема обсуждается также в статье О. А. Кукатовой [5]). Так, в ресурсах НКРЯ за 50 последних лет нет ни одного употребления синтетических форм повелительного наклонения глаголов *восхищать*, *восторгать*, *ужасать*, *разъярять* (в том числе, с частицей НЕ). Однако для

¹ Степень контролируемости связана с уровнем интеллекта адресата; см. рассуждения на Яндекс-Кью в связи с вопросом «Как обидеть человека поумному?»: «чтобы кого-то задеть "умным" словом, стоит сначала убедиться, что это слово будет понятно. ... если вам очень хочется блеснуть эрудицией и уделывать собеседника, вы можете в лужу сесть только потому, что собеседник из другой интеллектуальной прослойки окажется».

некоторых глаголов форма повелительного наклонения частотна, например, для глагола *гневить*, который характеризуется тематической и стилистической прикреплённостью: наиболее частым оказывается употребление *не гневи Бога (Господа, судьбу, богов)*.

В качестве побудительного высказывания (выражающего предостережение и совет) выступают и предложения с инфинитивом: *не надо гневить, нельзя гневить, нечего Бога гневить, незачем Бога гневить. Не зли, не серди* означают совет не делать чего-то, что может вызвать отрицательную эмоцию у кого-либо, например, у говорящего. *Не пугай* – ‘не говори или не делай чего-то, что может испугать’. Идиоматичностью можно объяснить и эвфемизмы типа *Не обидь* в значении ‘хорошо заплати’.

На фоне общей нечастотности форм повелительного наклонения от переходных каузативных эмотивов показательна частотность форм повелительного наклонения от возвратных эмотивов. См. например, соотношение для пары *волновать – волноваться, беспокоить – беспокоиться*:

(не) волнуй (те) – 4 (не) волнуйся/тесь – 1549 (ед. ч. – 862, мн. ч. – 687);

(не) беспокой (те) – 14/7 (не) беспокойся/тесь – 496/595;

порадуй/те – 10/8 радуйся/тесь – 159/10.

Количество вхождений может быть обусловлено цитатностью. Так, глагол *печалить* в форме повелительного наклонения обоих чисел представлен 5 примерами, причём 3 из них – это цитаты из стихотворения С. Есенина:

*До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

У Есенина глагол *печалить* выражает не собственно каузацию эмоционального состояния (ср. в 2-х других контекстах: *не печаль людей, хозяина*), а каузацию внешнего проявления (*не печаль бровей* = не хмурь брови, т. е. ‘не печалься’).

Формы повелительного наклонения эмотивных глаголов используются в мемах «Не огорчай Леонида Аркадьевича...»: «Не

расстраивай Леонида Аркадьевича...», «Не обижайте Леонида Аркадьевича...», которые представляют собой фотографии хмурого Леонида Якубовича. Эту фотографию предлагается послать адресату с напоминанием что-то сделать или советом чего-то не делать: «Люди, не ругайтесь. Не обижайте Леонида Аркадьевича»; «Не пропускай тренировку. Не расстраивай Леонида Аркадьевича...», «Разбавь меня. Не огорчай Леонида Аркадьевича». Побудительные предложения с эмотивными глаголами становятся способом аргументации другого побудительного высказывания, аргументом через как бы отсылку к авторитетному субъекту (аналогично просьбам типа: *Не ругайся – Не гневи Бога*).

Употребление форм повелительного наклонения без отрицания также текстово обусловлено. Так, в агитационных текстах и заголовках, появляющихся перед выборами или перед общероссийским голосованием, находим фразы типа *Огорчи единоросса, голосуй правильно; Огорчи Путина, голосуй по-умному* или побудительные предложения с формой на -м: *Огорчим власть вместе!* Такие фразы адресованы к протестной части электората, для которой власть всегда персонифицирована, есть виновник всех бед и которая стремится к быстрым изменениям, не задумываясь о последствиях. Наиболее точными для выражения таких желаний оказываются каузативные эмотивы: время между каузирующим действием и результатом этого действия очень короткое. Цель достигается быстро, она – в самом протестном голосовании.

Если эмотивное состояние не зависит от воли субъекта состояния, то внешнее проявление состояния (словами и/или мимикой, жестами), может контролироваться, поэтому предложение с эмотивными предикатами, соотносимые с 1-м лицом говорящего (*Рад вас видеть, Сожалею, что...*), квалифицируются в теории речевых актов как перформативные. Тонкая граница между намеренным и ненамеренным может обыгрываться в художественном тексте. См., например, проявление эмоций

министром финансов в пьесе Е. Шварца «Тень»:

Министр финансов. *Лакеи!* (Появляются лакеи). *Позу крайнего удивления!* (Лакеи повинуются). Юлия, я крайне удивлен...

Лакеи! (Вбегают лакеи). *Позу крайнего возмущения!* (Лакеи повинуются). *Я крайне возмущен, госпожа Юлия Джули!*

Лакеи! Топнуть ногой (Лакеи топают ногой). *Да не своей, болваны, а моей!*

Лакеи! Обнять её! (Лакеи обнимают Юлию). *Болваны! Я хочу обнять её.*

С семантикой контролируемости/неконтролируемости связаны и несобственно-вопросительные предложения типа *Зачем ты его обижаешь?!* В этих предложениях местоименное наречие повышает степень агентивности каузатора, что превращает вопросительное предложение в косвенное обвинение.

Конструкции с каузативными эмотивами характеризуются особой субъектной перспективой, которая связана с точкой зрения субъекта чувствующего. Это значит, что субъект речи, как правило, совпадает с субъектом эмоционального состояния, что обнаруживается, прежде всего, местоимением 1-го лица в винительном падеже. В этой связи показательно количественное соотношение высказываний с местоимением 1-го лица каузируемого субъекта (объекта ненамеренного воздействия) и высказываний с 2-м и 3-м лицом (существительным или местоимением) в этой позиции: *Меня радуют его спортивные успехи – Успехи спортсменов радуют болельщиков*. Так, для глагола *огорчать* соотношение таково: 142 вхождения с 1-м лицом (*меня*) и 34 – остальные варианты винительного падежа.

К сфере первого лица относятся с предложения с синтаксическим нулем винительного падежа. См. ещё примеры с $\emptyset$ субъекта чувствующего: (1) – *Что вы можете сказать о Таллинне? – Это замечательный город, уютный и строгий. Поражает $\emptyset$ гармоническим контрастом старины и модерна;* (2) *Интересные люди окружали её с детства. Отец был знаком с Эренбургом. Учитель рисова-*

ния в школе слыл непризнанным гением. ... Институтские профессора удивляли $\emptyset$ своими чудачествами. (С. Довлатов, Компромисс). В примере (1) – $\emptyset$ обобщённо-личного субъекта, в примере (2) – определённо-личного, при этом 3-е лицо сближается с первым, поскольку фрагмент написан с точки зрения героини.

В текстах-характеристиках частотны предложения с $\emptyset$ обобщённо-личного субъекта: *Её упорство, настойчивость в работе и поражали, и восхищали $\emptyset$; Его краски поражали $\emptyset$ своей чистотой и звучностью; Световые эффекты были то нежно мягки, то поражали $\emptyset$ своей неожиданностью; Поражали $\emptyset$ его обширные знания, рисунки, стихи; Эти лотосы поражали своей красотой зрение $\emptyset$ и наполняли воздух благоуханиями.* Обобщённо-личное значение в предложениях с $\emptyset$ субъекта чувствующего обнаруживаем во фрагментах генеритивного регистра речи:

Уж если чувствовать сиротство, то лучше в тех местах, чей вид волнует $\emptyset$, нежели язвит $\emptyset$. (И. Бродский, С видом на море).

Современные Интернет-СМИ активно используют каузативные эмоции в интернет-заголовках, в которых субъектом каузированного состояния является не отдельная личность, а множество субъектов: *Маленький сын Преснякова умилил сеть; Двойник Джека Воробья из Москвы озадачил соцсети; Поклонская разочаровала избирателей; 41-летняя Пегова удивила фанатов макиязем, Пугачева восхитила поклонников на рождественском ужине у друзей и т. п.*

В отличие от употребления каузативных эмоций в художественных текстах, в которых точка зрения автора, как правило, сближается с точкой зрения субъекта чувствующего, в рассматриваемых заголовках эмотивные глаголы являются средством интерпретации того, как прореагировали пользователи интернета на ту или иную информацию (чаще визуальную). Интерпретация даётся с точки зрения автора текста, дистанцированного как от каузатора, так и от субъектов эмоцио-

нального состояния. В текстах, заголовком которых является эмотивно-каузативная конструкция, кроме сообщения о событии, отражённом часто ещё и в фотографиях, приводятся высказывания пользователей интернета, которые оставлены в комментариях под фотографией. При этом глагол в заголовке может быть поддержан фрагментами из основного текста:

Не менее **восхитились** и пользователи соцсети, оставив в комментариях комплименты звезде.

«Боже, спасибо за этот кайф!», «Алла. Как её приятно видеть!!! Как хочется ещё и ещё концерта!», «Аллочка в лучах заката – какая красота», «Максим, какая у вас замечательная семья!», «Алла **восхищает**», «Какая она красивая и стильная», «Ну просто дива», – написали фолловеры.

Под заголовком «Певица Пелагея **умилила** соцсети пляжным фото» читаем:

Поклонники заявили, что звёздная мама с самого детства прививает дочери хороший вкус. Они по достоинству оценили пляжные наряды Таисии. «Мама и её юная модница», «Какая Тасенька красотка, такая важная», «Чувствует Тася, что все взгляды посетителей пляжа её, а мама – тоже хороша», «Затмила вас доченька», – написали фанаты.

Глагол *умилить* употреблён только в заголовке, тем самым он становится интерпретацией речевых реакций пользователей соцсети.

Заголовки с каузативно-эмотивными глаголами сами выполняют каузативную функцию: Если многие восхитились, умилились, очаровались или возмутились, значит, было чем, значит, нужно посмотреть и узнать, чем же все восхищаются, умиляются или возмущаются. Так формируются «кликабельные» заголовки. В теории рекламы особое значение придаётся способам речевого или визуального влияния на эмоции потребителя, поскольку именно эмоции – самый верный способ заставить людей действовать. Именно поэтому эмотивные глаголы оказываются востребованными в интернет-СМИ, на сайтах, для которых их благосостояние за-

висит от количества обращений пользователей (количества кликов).

Если для глянцевої тематики заголовки с эмотивными глаголами логичны, то появление их в текстах на политические темы связано с особой речевой стратегией.

Новостные тексты (в отличие от агитационных) не предполагают эмотивных глаголов, поскольку в политике должен преобладать разум, а не эмоция. Однако в современных интернет-СМИ мы можем встретить иное: состоялось официальное событие, в нём не было эмоций самих участников этого события, а в тексте об этом событии и в заголовке появляется эмотивный глагол.

Вот пример. На сайте Черномоской ТРК, которая осуществляет вещание на русском языке из Киева, появляется текст с заголовком «Путин огорчил крымчан». В этом тексте речь идёт о пребывании президента РФ в Крыму и его ответе на вопрос, оставят ли Аксёнова работать в Крыму. Сообщение ТАСС¹ на ту же тему было озаглавлено «Путин пообещал "не забирать" Аксёнова из Крыма». Заголовок ТАСС представляет собой соединение речевого глагола с цитатным словом. В заголовке же Черномоской ТРК употреблён каузативный эмотив, который представляет ситуацию таким образом, что субъектом каузированного состояния оказываются все жители Крыма. В тексте этой ТРК использованы и другие эмотивные глаголы – *расстроить* и *впечатлить*, а также некаузативный глагол *надоест*. В результате текст из информационно-новостного превращается в субъективно-интерпретационный. Текст начинается фразой: *Пребывая 18 марта в Крыму и Севастополе, президент РФ Владимир Путин расстроил жителей оккупированного полуострова.*

И заканчивается так: *Пока же новость о том, что Аксёнов, который **надоел** всем крымчанам, останется в Крыму, **огорчила** жителей полуострова.*

Эмоциональная реакция не констатируется, а приписывается извне, поскольку

¹ А оно приводится на сайте Черномоской ТРК, в статье с заголовком «Путин огорчил крымчан».

в тексте нет комментариев, оставленных пользователями, на которых была бы основана такая интерпретация. Если глагол *обещать* имеет перформативную форму и является акциональным, то глаголы *огорчать* и *расстраивать* в форме 1-го лица не образуют перформатива. Соответственно, эмотивный глагол, будучи соотносённым с точкой зрения субъекта (-ов) восприятия, оказывается для интерпретатора, пишущего текст, средством противопоставления субъекта речи (президента) и субъектов восприятия речи (крымчан). При этом референциальный статус слова «крымчане» остаётся неясным: от коллектива сотрудников этой ТРК, крымчан, переехавших из Симферополя в Киев (интересно, что автор статьи Алексей Крымский), до всех жителей Крыма. Если в заголовках статей о событиях светской жизни, о событиях в жизни певцов, режиссёров и актёров, о личной жизни политиков эмотивные глаголы выполняют каузативно-рекламную функцию, то в текстах на политические темы оказываются средствами информационной борьбы, субъективируют текст и выполняют провоцирующую функцию.

Заключение

Представленные в статье наблюдения и анализ текстовых функций каузативно-эмотивных глаголов позволяют увидеть реальную картину бытия одной лексико-семантической группы глаголов в языковой системе и в тексте. Эмотивные глаголы не относятся к центру лексико-грамматического поля русских глаголов, о чём свидетельствует и неполнота их словоизменительной парадигмы, и свойства синтаксических конструкций, которые образуют эти глаголы. Каузативные эмотивы активизируют модусную составляющую в семантике синтаксической конструкции, что усложняет субъектную перспективу этих предложений и отражается в их текстовом употреблении. Каузативная семантика переходных эмотивных глаголов проявляет себя не только внутри синтаксической конструкции, но и за её пределами: предложения с каузативными эмотивами используются как средства каузации, направленной на адресата текста: они стимулируют действия пользователей интернет-сайтов, то есть используются как средства манипуляции.

Статья поступила в редакцию 21.09.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 28–66.
2. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 207–214.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка, 2004. 541 с.
4. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. СПб.: Simposium, 2001. 387 с.
5. Кукатова О. А. Русские эмотивные глаголы в семантической классификации предикатов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 242–250.
6. Магеррамов И. А. Субъект речи в медиа-тексте и новые функции неречевых глаголов в структуре газетного заголовка // Грамматика и текст (К юбилею Галины Александровны Золотовой): Вопросы русского языкознания. Вып. XIV. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 474–483.
7. Москваец М. Н. Классификация газетных заголовков по степени автономности семантики (на материале французской прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 77–83.
8. Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и её развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 95–166.
9. Фролова О. Е. Заглавие – автор – тексты – литературный процесс // Русский язык за рубежом. 2001. № 3. С. 94–98.

REFERENCES

1. Apresyan V. Yu. [Stimulus valence in Russian verbs with the meaning of emotions: the connection between semantics and syntax]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2015, no. 1 (29), pp. 28–66.
2. Dzhandzhakova E. V. [On the poetics of headlines]. In: *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 207–214.
3. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. YU. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, University of Russian Language Publ., 2004. 541 p.
4. Krzhizhanovskiy S. D. *Sobr. soch. Vol. 1* [Collected works. Vol. 1]. St. Petersburg., Simposium Publ., 2001. 387 p.
5. Kukatova O. A. [Russian emotive verbs in the semantic classification of predicates]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2020, vol. 22, no. 1, pp. 242–250.
6. Magerramov I. A. [Subject of speech in media text and new functions of non-speech verbs in the structure of a newspaper headline]. In: *Grammatika i tekst (K yubileyu Galiny Aleksandrovny Zolotovoi): Voprosy russkogo yazykoznanii, Vyp. 14*. [Grammar and Text (For the Jubilee of Galina Alexandrovna Zolotova): Questions of Russian Linguistics. Iss. XIV], Moscow, MAX Press Publ., 2011, pp. 474–483.
7. Moskavets M. N. [Classification of newspaper headlines according to the degree of autonomy of semantics (based on the material of the French press)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2015, no. 3, pp. 77–83.
8. Popov A. S. [The syntactic structure of modern newspaper titles and its development]. In: *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Development of syntax of modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 95–126.
9. Frolova O. E. [Title - Author - Texts - Literary Process]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2001, no. 3, pp. 94–98.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Онипенко Надежда Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН;
e-mail: onipenko_n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda K. Onipenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Professor, leading researcher, Vinogradov Institute of Russian language of the Russian Academy of Sciences
e-mail: onipenko_n@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Онипенко Н. К. Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных интернет-текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 83–90.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-83-90

FOR CITATION

Onipenko N. K. Semantics of Causative Emotives and Their Functions in the Headlines of Modern Internet Texts. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no 5, pp. 83–90.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-83-90

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-91-99

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОЦЕНКЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА

Юдина Н. В.¹, Ковалева Т. А.²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Владимирский филиал
600037, г. Владимир, ул. Тихонравова, д. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявить и проанализировать восприятие и оценку языковой политики Российской Федерации современными носителями русского языка.

Процедура и методы. В работе изложены результаты социолингвистического мониторинга, направленного на исследование уровня языковой подготовки респондентов, их отношения к мерам по реализации языковой политики РФ в законодательной, образовательной и внешнеполитической сферах. Кроме того, при проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов.

Результаты. В ходе исследования выявлено отношение современных носителей языка к наиболее острым вопросам языковой политики РФ, а также описаны инициативы респондентов по популяризации русского языка как внутри страны, так и за её пределами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при формировании стратегии государственной языковой политики Российской Федерации и её субъектов.

Ключевые слова: языковая политика, современный русский язык, носитель языка

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

MODERN LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN SPEAKERS IN THE 21ST CENTURY

N. Yudina¹, T. Kovaleva²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir branch
1 Tihonravova, Vladimir 600037, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims to identify and analyze the perception and assessment of the Russian Federation's language policy by modern Russian speakers.

Methodology. The paper presents sociolinguistic monitoring results aimed at studying the level of language training of respondents, their attitude to measures to implement the Russian Federation's language policy in the legislative, educational, and foreign policy spheres. Besides, during the study, methods of observation, generalization, and interpretation of results were used.

Results. The study revealed the attitude of modern native speakers to the most pressing issues of the Russian Federation's language policy and described the initiatives of respondents to popularize the Russian language both inside the country and abroad.

© CC BY Юдина Н. В., Ковалева Т. А., 2020.

Research implications. The research results can be used to form the strategy of the Russian Federation's state language policy and its subjects.

Keywords: language policy, modern Russian, language speaker

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

Введение

В XXI в. каждое многонациональное государство неизбежно сталкивается с необходимостью выстраивания языковой политики [2; 7] как внутри государства, так и на международном уровне. Под термином *языковая политика* принято понимать «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [4, с. 616]. К проблемам внутренней языковой политики традиционно относят сохранение и поддержание полиязыковой ситуации, повышение общей грамотности населения и уровня владения русским языком как государственным языком Российской Федерации, законодательное регулирование языковой сферы и др. Внешняя языковая политика направлена на распространение языка за пределами государства и популяризацию ценностей и культуры государства на международном уровне с использованием языкового ресурса в целях повышения привлекательности страны и более эффективной реализации задач внешней политики. Для решения обозначенных задач требуется осмысление теоретических и эмпирических данных различных областей: философии, социолингвистики, права, политологии и др., что делает языковую политику метапредметной сферой знания.

Отечественные научные изыскания в области языковой политики начинаются в XX в. с работ Е. Д. Поливанова, который вводит данный термин в 1929 г. В конце XX – начале XXI вв. намечается всплеск интереса к языковой политике, различные аспекты которой рассматривают современные исследователи: социолингвистический (В. М. Алпатов, А. Н. Биткеева, Е. Б. Гришаева, М. В. Дьячков, О. И. Завьялова, М. И. Исаев, О. А. Селиверстова, Н. В. Юдина и др.), филологический (Н. И. Безлепкина, А. В. Крав-

ченко, Д. В. Телегин и др.), политический (К. Гаджиев, Г. Ц. Гунжитова, В. А. Маслова и др.), правовой (С. А. Белов, Н. М. Кропачев, А. А. Соловьев; Л. Н. Васильева, П. М. Воронцов, Е. М. Доровских, Н. В. Ляшенко и др.), методический и педагогический (Р. Алиев, Н. Каже, Н. И. Марченко, В. В. Сафонова и др.).

Так, среди социолингвистических работ следует выделить монографию В. М. Алпатова «150 языков и политика: 1917–2000», где комплексно проанализированы и описаны языковые ситуации и языковая политика СССР и постсоветской России [1]. В работах А. Н. Биткеевой рассмотрены вопросы национально-языковой политики России, а также проблемы законодательства в обозначенной сфере [3]. В статье И. А. Петрулевич, Л. М. Месропяна «Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития» обозначены ключевые задачи языковой политики РФ и проанализированы государственные целевые программы и проекты, способствующие её реализации [5].

Несмотря на широкую изученность различных направлений языковой политики РФ, практически отсутствуют исследования, позволяющие отслеживать отношение граждан России к языковой политике государства, а также содержащие их оценку тех или иных мер, реализуемых в рамках языковой политики РФ, что обуславливает **актуальность** настоящей работы.

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей восприятия носителями русского языка и национальных языков языковой политики Российской Федерации. Для реализации указанной цели был проведён социолингвистический мониторинг, участниками которого стали 1008 носителей русского

языка и национальных языков, проживающих в 40 регионах России, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, республиках Башкортостан, Коми, Татарстан, Чувашия, а также Архангельской, Владимирской, Воронежской, Калининградской, Нижегородской, Новосибирской, Свердловской, Тульской, Тюменской и других областях Российской Федерации.

Исследование проводилось с 1 апреля по 1 июня 2020 г. методом CAWI (computer-assisted web interviewing), в рамках которого респондентам было предложено самостоятельно заполнить анкеты в режиме онлайн. Так, результаты опроса в режиме реального времени поступают на сервер и становятся доступными для обработки сразу же после прохождения процедур контроля. Анкета включала четыре блока вопросов, направленных на выявление отношения респондентов к мерам по реализации языковой политики РФ. Обратимся к анализу результатов социолингвистического мониторинга.

Отметим, что среди участников мониторинга 12% – учащиеся школ, 16% являются студентами, 65% имеют высшее образование, 7% – степень кандидата наук. Респонденты представляют различные сферы деятельности: государственная служба, издательское дело, инженерия, информационные технологии, медицина, менеджмент, образование, экономика, юриспруденция и др.

Языковая политика Российской Федерации в законодательной сфере в оценке носителей языка XXI в.

В первом блоке мониторинга вопросы были направлены на выявление языкового самоопределения респондентов, а также на их оценку собственного уровня владения русским языком. Участники опроса обозначили родной язык и язык повседневного общения: 90% опрошенных считает родным языком русский язык, 4% – татарский, 2% – башкирский, 2% – украинский, 1% и меньше – даргинский, чувашский и эрзянский, при этом 98% респондентов ответили, что в повседневной коммуника-

ции используют русский язык, и менее 1% опрошенных ежедневно говорят на чувашском, азербайджанском или английском языках.

Затем респондентам было предложено оценить свой уровень владения русским языком (речью): вариант «пишу и говорю без ошибок, стремлюсь к правильной литературной речи» выбрали 42,8%, «допускаю ошибки в устной речи, пишу грамотно» 19%, «допускаю ошибки в письменной речи, но говорю правильно» 24,6%, «пишу грамотно, но речь насыщена нецензурной лексикой и/или сленгом» 10,4%, «не задумываюсь о правильности своей речи» 3,2%. Такой уровень языковой подготовки удовлетворяет 76% опрошенных. При этом 89% респондентов готовы повышать уровень владения языком и речью, 11 % (в основном студенты и IT-специалисты) считают, что не нуждаются в дополнительной лингвистической подготовке. В качестве инструментов повышения языковых и речевых компетенций участники опроса называют чтение книг (86%), обращение к словарям (44,8 %), просмотр порталов и интернет-платформ о русском языке (35%), изучение блогов и подкастов, посвящённых русскому языку (32%), чтение научно-популярной литературы (25%), посещение открытых лекций по русскому языку (16,2%) и курсов (7,6%), получение профильного образования (6%), а также наблюдение за речью людей, авторитетных в области языка, и написание Тотального диктанта.

Анализ ответов первого блока позволяет выявить позитивную тенденцию, связанную с возросшим интересом носителей языка к изучению русского языка и совершенствованию языковых и коммуникативных компетенций. Кроме того, современные носители русского языка формируют запрос на лингвистический интернет-контент: блоги, подкасты, лекции, статьи, позволяющие разобраться в различных вопросах русского языка. В этой связи можно предположить, что именно интернет-платформы становятся одним из эффективных инструментов реализации языковой политики государства. На обозначенный запрос отвечают блоге-

ры (Татьяна Гартман, Светлана Гурьянова, Дмитрий Алексеев и др.), интернет-издания (подкаст «Розенталь и Гильденстерн» на «Медузе»), радиостанции («Маяк», «Радио 7», «Эхо Москвы»), тогда как федеральные каналы, к сожалению, не выпускают специализированных передач, которые могли бы быть доступны более широкому кругу зрителей. Большую работу в данном направлении проводит фонд «Тотальный диктант», организуя бесплатные подготовительные курсы по русскому языку, а также выпуская научно-популярные ролики и блоги.

Второй блок вопросов позволил оценить степень осведомлённости носителей русского языка о мерах по реализации языковой политики государства. Сначала респондентам было предложено обозначить своё понимание термина «языковая политика». У 15% опрошенных данный вопрос вызвал затруднения. Большинство респондентов толковали языковую политику как *государственное* регулирование, направленное на сохранение норм и популяризацию языка (42%), на сохранение статуса государственного языка и языковое самоопределение народов, проживающих на территории РФ (30%), на развитие русскоязычного образования и грамотности населения (10%). Лишь 5% процентов респондентов в ответах указали *региональные власти и общественные институты* в качестве структур, проводящих языковую политику в РФ. Вопрос «Какие инструменты языковой политики применяются в России?» вызвал затруднение у 41,6% опрошенных, которые не смогли назвать ни одного инструмента. В качестве основных инструментов реализации языковой политики России участники опроса отметили законодательные акты (10%), регулирующие статус русского языка, образование и итоговую аттестацию на русском языке (14%), обязательный экзамен по русскому языку для выпускников школ (7%). Кроме того, к инструментам языковой политики были отнесены программы «Русский язык», издание словарей, научной и художественной литературы на русском языке, пропаганда русского

языка посредством СМИ, поддержка национальных языков в регионах РФ, введение школьных курсов «родной язык» и «родная литература», а также обязательный экзамен по русскому языку для мигрантов. Отметим, что, несмотря на затруднения в определении языковой политики РФ и её инструментов, большинство респондентов (52%) положительно отвечает на вопрос о необходимости регулирования использования языка на законодательном уровне, 32% отрицает подобные меры и 8% (преимущественно респонденты с филологическим образованием) считает, что язык – это саморегулирующаяся система, не нуждающаяся во вмешательстве государства. При этом идею жёсткого регламентирования в сфере языковой политики (по примеру Франции и Японии) поддерживают 27,5% опрошенных. Сторонники законодательной регламентации отмечают эффективность подобных мер во Франции, тогда как противники регламентации в комментариях приводят аргументы о языковой саморегуляции и естественности процесса заимствований, который не может быть остановлен законодательством или волей отдельных носителей языка.

Однако участники опроса предложили широкий спектр мер по сохранению и популяризации русского языка, которые возможно реализовать в России. К традиционным мерам, предложенным респондентами, можно отнести популяризацию чтения, пропаганду русского языка посредством СМИ, развитие школьной и вузовской программы по русскому языку и методов его преподавания, увеличение количества часов на изучение языка и литературы, законодательную регламентацию использования заимствований, обязательную корректуру публикуемых текстов и др. Нестандартными мерами по сохранению и популяризации русского языка можно считать предложения по созданию общедоступных платформ для изучения русского языка, курсов повышения квалификации в коммуникации и культуре речи для представителей публичных профессий, проведению открытых лекций,

олимпиад, диктантов, а также установление экзамена по русскому языку одним из ключевых факторов при приёме на работу. Безусловно, ряд предложенных мер может быть оценён критически. К примеру, в последние годы отмечается увеличение количества часов на изучение языка в школах, что, к сожалению, не влияет на общий уровень грамотности, особенно в интернет-коммуникации. Кроме того, меры, подобные популяризации чтения или пропаганде языка в СМИ, представляются весьма абстрактными и требуют более детальной проработки.

Итак, анализ ответов на второй блок вопросов позволяет сделать вывод о том, что от 15 до 41% опрошенных не знакомы с понятием и инструментами языковой политики России и недооценивают роль региональных и общественных институтов в её реализации. Меньше трети респондентов являются сторонниками жёсткой законодательной регламентации языковой сферы, однако большинство участников опроса признает необходимость регулирования, популяризации и сохранения ведущей роли русского языка в Российской Федерации.

Внутренняя языковая политика Российской Федерации в оценке носителей языка XXI в.

Третий блок был посвящён таким сложным вопросам внутренней языковой политики, как образование, реклама и реформирование языка.

Бесспорно, образование является одним из ключевых инструментов реализации языковой политики России. На вопрос «Как вы считаете, достаточно ли гражданину РФ изучать русский язык только на школьном уровне?» 32% респондентов ответили утвердительно, 68% – отрицательно, уточнив, что изучение языка – непрерывный процесс, который должен продолжаться на всех ступенях образования. Следует отметить, что половина участников опроса (51%) считает, что в школах отводится достаточное коли-

чество часов на изучение русского языка. При этом введение курса русского языка в колледжах и вузах поддерживает 61% респондентов, не поддерживают 20%, 19% опрошенных рассматривают в качестве факультатива или курса по выбору. В комментариях к данному вопросу респонденты указывали, что в учебные планы многих колледжей и университетов включены дисциплины, связанные с русским языком («Культура речи», «Деловая коммуникация» и др.), интерес к ним учащихся часто связан с качеством преподавания обозначенных дисциплин и профилем обучения. К примеру, студенты гуманитарных специальностей (юриспруденция, государственное муниципальное управление, педагогика) проявляют к изучению русского языка в вузе большой интерес. Кроме того, некоторые участники опроса ответили, что студентам колледжей и вузов необходим не курс русского языка, а изучение основ академического и делового письма, риторики и публичного выступления.

На вопрос «Что нужно изменить в изучении русского языка в школе и в вузе?» респонденты ответили, что необходимо усилить подготовку педагогических кадров в вузах и усовершенствовать методику преподавания предмета, а также изменить изучаемые темы: добавить уроки по истории языка и этимологии, сделать курс русского языка более практикоориентированным, дополнить уроки в старших классах и вузовские курсы тренингами по публичным выступлениям и деловой переписке, больше времени уделить стилистике (созданию официально-деловых и научных текстов).

Часть вопросов третьего блока касалась обучения на национальных языках республик РФ. Так, на вопрос «Нужно ли изучать в школах республик РФ национальные языки? (татарский, башкирский и др.)» большинство респондентов (84%) ответили утвердительно, обосновав своё решение необходимостью сохранения культурного наследия данных народов, а также их правом на самоопределение и национальную идентичность. При этом обучение в школах республик РФ полно-

стью на национальных языках считают целесообразным только 54% опрошенных, 46% уверены в необходимости обучения на государственном языке РФ.

При исследовании проблем изучения русского языка в школах и вузах интересным представляется вопрос о взаимосвязи материального достатка респондента и знания русского языка. Так, на вопрос «Как вы считаете, связан ли ваш материальный достаток со знанием русского языка?» 35% опрошенных ответили о наличии прямой связи, 9% отметили опосредованную связь уровня материального достатка и знания государственного языка, 56% респондентов посчитали, что их доходы никак не зависят от уровня владения русским языком. Сводные данные опроса показывают, что утвердительные ответы принадлежат людям с высшим образованием, отрицательные ответы в основном дали студенты юридического, экономического, филологического направлений, а также работники ИТ-сферы. Таким образом, студенты не считают владение государственным языком важной компетенцией, влияющей на их материальный достаток, следовательно, не мотивированы повышать уровень лингвистических знаний.

Далее респондентам было предложено высказать своё отношение к вывескам и рекламе на иностранном языке. 55,6% относятся нейтрально, отметив, что негативные эмоции вызывают не иностранные лексемы и латиница, а запись иностранных слов кириллицей и гибридное написание с использованием обоих алфавитов. 23,4% отрицательно реагируют на иноязычные вкрапления в рекламе, указывая на наличие негативных эмоций от неизвестного значения слов и осознания того, что не принадлежат к целевой группе, на которую ориентирована подобная реклама. 21% позитивно воспринимают обозначенный вид рекламы, справедливо замечая, что таким образом маркетологи мотивируют к изучению иностранных языков и расширению кругозора.

Ряд вопросов касался использования нецензурной лексики. Так, 32% опрошен-

ных ответили, что не используют бранные слова в речи, 25% используют часто (ежедневно), 24% употребляют нецензурные слова редко, 19% произносят обозначенные лексемы только в критической ситуации. На вопрос об уместности употребления нецензурной лексики респонденты указали следующие речевые ситуации: крайнее эмоциональное напряжение (гнев, боль), вождение автомобиля, трансляция шуток или ироничная реакция, литературное произведение. 30% опрошенных отметили неуместность использования бранных слов в речи, крайне негативно участники опроса оценили употребление нецензурной лексики в семье, публичном пространстве, социальных сетях. При этом 42% респондентов отмечают необходимость регулировать публичное использование нецензурной лексики как на законодательном уровне, так и на уровне семьи, где родители вводят определённые коммуникативные правила. 26% отрицательно относятся к регулированию обозначенной сферы. 32% ответили, что любые запреты, связанные с функционированием языка, недостаточно эффективны.

Заключительный вопрос блока, посвящённого проблемам языковой политики РФ, был связан с орфографической реформой, необходимость которой несколько десятилетий широко обсуждается как лингвистами и педагогами, так и носителями языка. Необходима ли русскому языку орфографическая реформа в ближайшие годы? 62,5% респондентов отрицательно ответили на данный вопрос. Ряд респондентов объяснили своё решение экономической нецелесообразностью реформы, некоторые участники указали, что не наблюдают в русском языке расхождения узуса и нормы, которое требовало бы реформирования. 17,5% убеждены в необходимости орфографической реформы, 20% респондентов затруднились ответить, уточняя, что решение данного вопроса необходимо принимать лингвистам.

Итак, анализ третьего блока вопросов даёт основания полагать, что современные носители русского языка обозначают не-

обходимость качественных изменений в школьной и вузовской программе по русскому языку при сохранении количества часов, регламентированного в настоящее время. Так, респонденты указали на важность практикоориентированных навыков: публичного выступления, делового и академического письма и др. При этом большинство респондентов не отметили прямой связи между уровнем владения государственным языком и материальным достатком. Можно предположить, что, с одной стороны, работодатели и клиенты не предъявляют серьёзных требований к уровню коммуникативной компетенции своих сотрудников, с другой стороны, отсутствие материальной мотивации для изучения государственного языка подчёркивает его духовную и социальную значимость для носителей языка.

Внешняя языковая политика Российской Федерации в оценке носителей языка XXI в.

Четвёртый блок опроса охватывал вопросы престижа и популяризации русского языка внутри страны и за рубежом. На вопрос «Сталкивались ли вы с языковой дискриминацией?» 91% опрошенных ответили отрицательно, 9% привели примеры языковой дискриминации за пределами РФ, как правило, в ряде республик СНГ. Единичные случаи языковой дискриминации были описаны внутри Российской Федерации. К примеру, требование знать национальный язык (татарский или башкирский) при приёме на работу в соответствующих республиках. Однако знания русского языка при приёме на работу иностранцев считают необходимыми 92% респондентов, отметивших важность экзамена на знание русского языка для дальнейшей социализации мигрантов.

На вопрос о мерах, которые будут способствовать привлечению иностранцев к изучению русского языка и его популяризации за рубежом, респонденты указали как экстралингвистические, так и собственно лингвистические факторы. К первой группе отнесены инструменты «мягкой силы»

[6]: повышение престижа страны на мировой арене, популяризацию российского образования, развитие туризма, улучшение инфраструктуры и сервиса, привлечение квалифицированных иностранных специалистов и упрощённое получение визы. В качестве собственно лингвистических факторов предложено создание бесплатных языковых курсов и школ за рубежом, разработка привлекательного и авторитетного интернет-контента на русском языке, выпуск качественной художественной и научной литературы, а также популяризация русской классической литературы и культуры.

Заключение

Таким образом, анализ результатов опроса даёт основания сделать следующие выводы:

1) 15% участников опроса не знакомы с понятием *языковая политика*, 41% недостаточно осведомлены о мерах и инструментах языковой политики Российской Федерации, при этом очевидна необходимость вовлечения носителей русского языка в реализацию языковой политики государства;

2) в качестве положительной тенденции можно отметить возрастающий интерес носителей языка к совершенствованию языковых и коммуникативных компетенций за пределами школьной программы. Современная языковая личность формирует широкий запрос на системные и разовые, академические и научно-популярные способы получения знаний в области русского языка. К таким способам респонденты отнесли проект «Тотальный диктант», научно-популярные лекции, телепередачи и подкасты по русскому языку, расширение интернет-площадок и блогов с лингвистическим контентом;

3) часть опросника касалась проблем изучения русского языка в школах и вузах. Более половины респондентов считают, что совершенствование школьного и вузовского образования по русскому должно осуществляться не за счёт увеличения часов дисциплины, а посредством

качественных преобразований, отвечающих вызовам времени: повышения квалификации педагогов, изменений методики, включения в курс тренингов по публичному выступлению и деловому письму, истории языка и практической стилистики. По мнению участников опроса, изучение русского как государственного языка должно быть непрерывным на всех уровнях образования, тогда как изучение национальных языков республик должно вестись в средней школе как гарантия сохранения культуры и национальной идентичности народов. При этом больше половины респондентов не отмечает прямой связи между уровнем владения государственным языком и своим материальным достатком. На наш взгляд, данный результат требует дальнейшего детального изучения и интерпретации с позиций социолингвистики, экономики, психологии;

4) вопросы, связанные с реформированием и регулированием языка, выявили консервативные оценки: треть респондентов отрицательно относится к законодательному регулированию использования

нецензурной лексики, более 30% выразили уверенность, что любые запреты, связанные с функционированием языка, недостаточно эффективны, более 60% высказались против орфографической реформы в ближайшие годы;

5) по вопросам языковой политики России на международном уровне респонденты единодушно отметили положительную значимость языкового тестирования мигрантов при приёме на работу на территории РФ, а также привлечение инструментов «мягкой силы» для популяризации русского языка, образования, культуры в мировом сообществе.

Думается, настоящее исследование включает лишь небольшой перечень проблем, актуальных для языковой политики Российской Федерации, и нуждается в дальнейшем развитии посредством расширения базы респондентов и увеличения синергетического эффекта сквозь призму привлечения нового гуманитарного научного знания.

Статья поступила в редакцию 05.10.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.
2. Белов С. А., Кропачев Н. М., Соловьев А. А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 42–61.
3. Биткеева А. Н. Национально-языковая политика России: новые вызовы, последние тенденции // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 80–88.
4. Дешериев Ю. Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 616 с.
5. Петрулевич И. А., Месропян Л. М. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 11–24.
6. Селиверстова О. А. Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI в.: на материале российских, американских и китайских СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2017. 223 с.
7. Юдина Н. В., Кузнецова Е. А. Языковая политика vs. экономическая политика современной России: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 402–415.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *150 yazykov i politika: 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva* [150 languages and politics: 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2000. 224 p.
2. Belov S. A., Kropachev N. M., Solov'ev A. A. [Concept development and regulatory support of the state language policy of the Russian Federation]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*.

- [Bulletin of St. Petersburg University. Right], 2017, vol. 8, no. 1, pp. 42–61.
3. Bitkeeva A. N. [National and language policy of Russia: new challenges, recent trends]. In: *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire* [Language policy and language conflicts in the modern world]. Moscow, 2014, pp. 80–88.
 4. Desheriev Yu. D. [Language policy]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 616 p.
 5. Petrulovich I. A., Mesropyan L. M. [Modern language policy of the Russian Federation: main vectors and development trends]. In: *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire* [Language policy and language conflicts in the modern world]. Moscow, 2014, pp. 11–24.
 6. Seliverstova O. A. *Yazykovaya politika kak instrument realizatsii «myagkoi sily» v politicheskom diskruse XXI veka: na materiale rossiiskikh, amerikanskikh i kitaiskikh SMI: dis. ... kand. filol. nauk* [Language policy as a tool for the implementation of "soft power" in the political discourse of the 21st century: on the material of Russian, American and Chinese media: PhD Thesis in Philosophical sciences]. Vladimir, 2017. 223 p.
 7. Yudina N. V., Kuznetsova E. A. [Language policy vs. economic policy of modern Russia: problems and prospects]. In: *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 402–415.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юдина Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, директор по контролю за деятельностью и развитием филиалов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», профессор Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, член Общественного совета при Министерстве экономического развития Российской Федерации;

e-mail: dr.yudina@mail.ru

Ковалева Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, магистрант Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, учитель русского языка и литературы МАОУ «Гимназия № 3» г. Владимира;

e-mail: kovaleva.phil@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yudina Natalya Vladimirovna – Dr. Sci. (Philology), Prof., Director for Monitoring the Activities and Development of Branches of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Prof., Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, member of the Public Council under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation;

e-mail: dr.yudina@mail.ru

Kovaleva Tatyana Anatolyevna – Cand. Sci. (Philology), Master's student, Vladimir branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, teacher of Russian language and literature, Gymnasium no. 3, Vladimir;

e-mail: kovaleva.phil@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковалева Т. А., Юдина Н. В. Современная языковая политика Российской Федерации в оценке носителей русского языка XXI в. Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 5. С. 91–99.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-91-99

FOR CITATION

Kovaleva T. A., Yudina N. V. Modern Language Policy of the Russian Federation in the Assessment of Russian Speakers in the 21st Century. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2020. no. 5. pp. 91–99.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-91-99

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-100-108

РОМАН БЕРНАРДЕНА ДЕ СЕН-ПЬЕРА «ПОЛЬ И ВИРЖИНИ»: ФЕНОМЕН ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Литвиненко Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Исследовать полисемантику эстетических стратегий, определивших переход от сентиментализма к романтизму романа Б. де Сен-Пьера «Поль и Виржини», особенности его поэтики и историко-литературное значение.

Процедура и методы. В основе исследования целостный историко-литературный анализ произведения, с элементами культурологического, мифокритического и герменевтического подходов.

Результаты. Доказано: Б. де Сен-Пьер воплотил переход к романтизму как незавершённый процесс, противоречиво соединяющий натурализацию жанрового целого (синтеза) с социально-психологическими мотивами и мифами. Модус иррационального проблематизирует лежащую в основании жанра телеологическую модель. Подготавливая и предугадывая творческие искания Шатобриана, Ж. де Сталь, автор ввёл свойственные романтизму экзистенциальные темы и мотивы, неразрешимый конфликт между миром «реальным» и идеальным. Романтическая эстетика антиномий и контрастов прорастает сквозь традиционные формы, взаимодействует с ними, порождая новые смыслы: соотношение лирического и живописного, драматического и трагического, чувствительности и чувства, провиденциального и рокового. Роман вносит вклад в формирование романтического мелодраматизма, характеризующего многие жанры популярной литературы XIX в..

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования углубляют понимание: процесса смены эстетических парадигм; антитетичной и амбивалентной поэтики романа, вырабатывающего принципы романтического письма; могут быть использованы в вузовских курсах истории зарубежной литературы рубежа XVIII – начала XIX вв.

Ключевые слова: «Поль и Виржини», сентиментализм, романтизм, эстетическая переходность, чувства, чувствительность, поэтика, уединение, идиллия, идеал, миф

BERNARDIN DE SAINT-PIERRE'S NOVEL «PAUL AND VIRGINIE»: THE PHENOMENON OF AESTHETIC TRANSITIVITY

N. Litvinenko

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims to investigate the polysemantics of the aesthetic strategies that determined the transition from sentimentalism to the romanticism of B. de Saint - Pierre in the novel «Paul and Virginie», the special features of the poetics and historical and literary significance.

© CC BY Литвиненко Н. А., 2020.

Methodology. The article is based on a comprehensive historical and literary analysis of the work, with the elements of cultural, mythocritical, and hermeneutical approaches.

Results. It's proved that B. de Saint-Pierre embodied the transition to romanticism as an incomplete process that in a contradicting manner combines the naturalization of the genre whole (synthesis) with socio-psychological motives and myths. The mode of the irrational problematizes the underlying teleological model of the genre. Preparing and anticipating the works by Chateaubriand and G. de Stael, the author introduced existential themes and motives inherent in romanticism, an unsolvable conflict of «real» and «ideal». The romantic aesthetics of antinomies and contrasts grow through traditional forms and interacts with them, creating new meanings; the ratio of the lyrical and the picturesque, the dramatic and the tragic, sensitivity and senses, the providential and the fateful. The novel contributes to forming a romantic melodrama that characterizes many genres of the popular literature of the nineteenth century.

Research implications. The results of the research deepen the understanding of the process of changing aesthetic paradigms; antithetical and ambivalent poetics of the novel, which develops the principles of romantic writing; in University courses on the history of foreign literature of the turn of the 18th – early 19th centuries.

Keywords: «Paul and Virginie», sentimentalism, romanticism, aesthetic transitivity, feelings, sensitivity, poetics, solitude, idyll, ideal, myth

Введение

Изучение эстетической переходности романа «Поль и Виржини» (*Paul et Virginie*, 1788) Б. де Сен-Пьера предполагает целостный анализ текста в сопряжении разнообразных аспектов его художественности. В рамках небольшой статьи наша цель скромнее: исследовать некоторые особенности поэтики романа, в канун революционной эпохи предугадавшего эпистемологический сдвиг, переход от сентиментализма к романтизму, от наивно-идиллической, традиционалистской картины мира к трагедийной и катастрофической.

Трансформация сентименталистского и освоение романтического письма Б. де Сен-Пьером верно обозначена исследователями как эволюция от Руссо к Шатобриану [19], но изучена недостаточно. В романе «Поль и Виржини» эта двойственность проявилась не только в изображении природного мира [20], в жанровых особенностях произведения [12, р. 7–17], в специфике повествования [24], в собственном романистике эпохи «отказе от сложившихся стереотипов», усложнении «системы мотивировок» [2, с. 37]. Феномен переходности определил макро- и микро-

структуру произведения – изображение чувств и чувствительности, добродетели и страстей, истинного и мнимого, идеального и реального, провиденциального и рокового, специфику мифологизации [6], ценностную парадигму, концепцию трагического и прекрасного. Мы оставляем в стороне дискуссионную проблему предромантизма [24], которая требует отдельного рассмотрения.

Психологические мотивы и жанровые коллизии: трансформации художественных смыслов

Родство с романтизмом «Поля и Виржини» Б. де Сен-Пьера почувствовал его младший современник Шатобриан. Автору «Атала» (1801) и «Рене» (1802) были близки лиризм и «нравственная меланхолия» (*morale mélancolique*) [9, с. 149], формировавшие эмоциональный мир романа. У самого Шатобриана меланхолия станет характерологическим признаком, основой трагического мироощущения рефлектирующего романтического героя (Рене). Оба произведения принадлежат к переломной эпохе, которая, по словам Ж. Старобинского, вырабатывала «болезненный опыт сознания», «готовые форму-

лы», «основные общие места», в которых ищет себе выражение чувство неприиспособленности или «отчужденности» [8, с. 261].

Важнейший мотив, определяющий сентименталистскую поэтику, романа Б. де Сен-Пьера, связан с темой, предваряющей доминантную для романтизма тему уединения, одиночества героя. Повествователь, удалившийся на остров, отказавшийся от жизни в свете, порицает погоню за «химерами страстей», покровительством, богатством и положением в обществе, рассматривает уединение как нравственное благо: «Всякий, кому пришлось много выстрадать от людей, ищет уединения ... Уединение отчасти возвращает человека к природному счастью ... В уединении (душа) покидает... чуждые иллюзии ... Уединение восстанавливает и телесное и душевное равновесие...» [14]. Противопоставление героя-повествователя «чуждому» – «честолюбивому и презренному обществу» в традициях руссоизма натурализует признак, делают его эстетически программным.

В интерпретации писателя слово *solitude*, рефреном звучащее в первой части романа, лишено трагической, негативной семантики¹. Русский переводчик «Поля и Виржини» верно использовал в качестве эквивалента слово «уединение» [1]. В такой интерпретации писатель ближе к автору «Прогулок одинокого мечтателя» (*Rêveries du promeneur solitaire*, 1771–1778). Во второй части «Поля и Виржини», как и у Руссо, одиночество постепенно изменит семантику, после гибели героев приобретает трагический смысл, в этом качестве предвзято умоностроение бесчисленной галереи романтических героев-страдальцев в – «сыновей века».

Сюжетная коллизия романа замкнута в узком пространстве острова Иль-де-Франс (писатель жил на нём с 1768 по 1770 гг., в

1773 г. опубликовал записки о своем путешествии «*Voyage à l'Île de France, à l'Île Bourbon, au cap de Bonne-Espérance, par un officier du roi*») [22]. Его обитатели образуют идеальное поселение, живут в абсолютной гармонии с природой. Для того, чтобы «увидеть в песчинке отражение мира» – большого мира (*To see a World in a Grain of Sand*, W. Blake), писатель, подобно романтикам, выходит за пределы пасторальных традиций, в пространство мифов, не только античных, почти декоративных (сравнение героев с детьми Леды, Ниобеи). Проблемно, эстетически, структурно основу произведения составляет христианский, библейский миф о потерянном рае.

Поэтизируя детство человечества, жизнь «первых» людей: «до желания...; до накопления...; до изысканности...; до половой жизни...; до индивидуации; до вины...; до культур, соединяющих модели красоты; до грехопадения» [15], писатель обратился к эстетике изображения «простого», универсального, к жанровому синтезу пасторали, идиллии, утопии [6], к традициям сентименталистского воспитательного романа («Эмиль, или О воспитании» (*Emile or On Education*, 1762) Руссо. Характеризуя своих героев, Б. де Сен-Пьер пишет: «Они не знали других исторических эпох, кроме событий в жизни их матерей, другой хронологии, кроме хронологии плодового сада, и другой философии, кроме той, которая учит делать всем добро и покоряться воле божьей... Никакая пагубная страсть не развратила их сердца» [1, с. 27]. Библейский миф претворяется в патриархальную утопию: «Таковыми в саду Эдема были первые прародители наши, когда, выйдя из рук божьих, они увидели друг друга, приблизились и повели речь, сначала как брат и сестра: Виргиния – кроткая, скромная, доверчивая, как Ева, а Поль, подобно Адаму, – с наруганностью мужа и простотой дитяти» [1, с. 27]. Писатель создаёт универсальное мифологическое пространство-время, в центре которого, по руссоистской традиции, творенье бога, естественный человек, вне цивилизации, вне общества, вне истории.

¹ Академические словари конца XVIII–XIX вв. фиксируют широкую гамму оттенков: *solitude* может быть приятным, сладостным, очаровательным, живописным, спасительным, не приносящим страдания, но может быть в отдельных случаях и ужасным, сочетаться со слезами, с чувством пустоты [17].

Поль и Виржини представлены как носители идеальных сущностей: блаженства, любви, невинности, благочестия, прелести, красоты. Этот идеал станет одной из сторон романтической ценностной парадигмы.

Многие европейские романтики подхватывают концепцию естественного человека (Байрон и Вордсворт, Шатобриан и Гюго, Новалис и Жорж Санд), не расстанутся с архетипом потерянного рая (герои Байрона, Мюссе, Виньи, Э. По, Лермонтовский демон). Б. де Сен-Пьер [18]¹ создаёт свой – романский вариант мифа.

В руссоистскую идею сродства душ (Поль – Виржини) автор вписывает ветхозаветный топос, с отголоском древнего близнецного мифа, предугадав возникший в неотдалённом будущем мотив романтического двойничества². Это мотив предназначенности героев друг другу (Лаон и Цитна, Манфред и Астарта, Жак и Сильвия, но и Генрих фон Офтердинген и Матильда). Писатель угадывает и мотив природы, восставшей против «узости» такого мира («Белокурый Экберт» Тика или «Эликсиры дьявола» Гофмана), когда гармония такого «тождества» обнаруживала скрытый в глубине зазор, разрушительное начало.

Утопическое пространство, столь разнообразно представленное во французской литературе XVIII в., в «Поле и Виржини»³, географически и во времени локализовано (1726, 1838, 1744 г.), пребывает под угрозой. В него с трагической неизбежностью врывается тот самый «честолюбивый и презренный» «реальный» мир, безнравственность которого в преамбуле к роману обличал рассказчик, – соблазн богатства и положения в обществе.

В пасторально-патриархальной утопии Б. де Сен-Пьера решающую сюжетную

роль сыграла, важная для романистики XVIII в., предбалзаковская и предромантическая тема: традиционно-сословного, едва ли не «филистерского» здравомыслия, разрушающего идеальный мир героев⁴. Испытание «обществом», в отличие от героев незаконченного романа Руссо «Эмил и Софи, или Одинокие» (*Emile et Sophie, ou Solitaires*, 1762–1767), выдержали влюблённые герои романа «Поль и Виржини», но компромисс с «обществом» – с силами зла, как в романтизме (лорд Освальд, Леонс, Коринна Ж. де Сталь, Лоренцаччо Мюссе, Медард Гофмана), обернулся катастрофой.

«Обществу», стремящемуся цивилизовать Виржини, в романе противопоставлены лирически воспетая идиллия любви и картины природы [22] – проекция идеального мира героев. Литературный критик, автор «Жозефа Делорма» (*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*, 1829) Ш. Сент-Бев в 1830 г. пишет: «В минуту надвигающейся социальной бури им (А. Шенье и Б. де Сен-Пьеру) удалось неприметно сберечь в груди своей самые пленительные дары музыки и спасти их для будущих времён» [7, с. 101]. Они – «истинные, целомудренные поэты, восхитительные, утонченные художники, увлеченные прекрасным ..., они предавались ... культу (красоты) с какой-то невинной негой и с удивительной непосредственностью и простодушием» [7, с. 101].

Природа в романе соединяет идеально-прекрасное начало с прорастающими сквозь традиционную жанровую поэтику романтическими знаками, «предчувствиями», углубляющими скрытый драматизм эмоционально-живописного пространства текста. Задолго до символизма, подобно Руссо, сближаясь с романтизмом, Б. де Сен-Пьер формирует «язык соответствий, сродства души и природы...», передающий «сокровенное, неизъяснимое, невыразимую суть вещей» [5, с. 436]. Автор «Поля и Виржини», как и Руссо, предугадывает ро-

¹ О специфике французских утопий XVIII в. [см: 18].

² Проблема двойников и их идентификации, по мысли У. Эко, является онтологической [11, с. 225].

³ Исследователи называют «Поля и Виржини» в ряду патриархальных утопий XVIII в. (*végétales*) («la Basiliade» (1753) Морелли, «La Nouvelle Héloïse» (1761) Руссо, «Aline et Valcour» (1793) де Сада, в эпизоде на острове Тамоз) [18], [16].

⁴ Ср. пародийно-ироническое эссе Вилье де Лиль Адана «Виржини и Поль» (*Contes cruels*, 1883), где нежные и трепетные реплики 15-летних героев о любви перемежаются с не менее трепетной заботой о деньгах.

мантические синтезы сознательного и бессознательного, мотивы лирической слиянности природы и души.

Уже в экспозиции романа возникают символические детали, знаки, «подсказки», закольцовывающие сюжет, вписывающие судьбу героев в пространство иррационального – будущей катастрофы. Пейзаж, соединяющий перспективу и ретроспективу романских событий, сохранил следы трагедии, даже не руины, с которыми в сентиментализме, в «Этюдах о природе» связаны мотивы элегического любования, а едва заметные следы руин. Полуразрушенные хижины свидетельствуют о беге времени не менее драматично, чем размытия шатобриановского Рене, посетившего памятники древней культуры. Названия морской бухты и мыса – Бухта Могила (*Baie du Tombeau*), Мыс Несчастья (*Cap Malheureux*) – знаки рокового вмешательства судьбы, усиливают предчувствие катастрофы.

Море, экзотика тропического пейзажа, воссозданные в романе, подготавливают лирический драматизм романтической живописи создателя «Плота Медузы», (1819), авторов «Атала», «Рене», «Мучеников» (*Les Martyrs, ou le Triomphe de la foi chrétienne*, 1809), «Тружеников моря» (*Les Travailleurs de la mer*, 1866), многих писателей, поэтов, художников, так или иначе связанных с романтизмом. Природный мир романа обнаруживает ту «самозабвенную экзальтацию» и «упоение природой», которую различали А. Ф. Лосев и М. А. Тахо-Годи в «Новой Элоизе» Руссо [4], предугадывает романтические подтексты, полифонию красок пейзажей Шатобриана. Изображение живописного в качестве сущностного начала мироздания и внутреннего мира идеальных героев предсказывает свойственное романтизму слияние интимного с загадочным и грандиозным.

В «Поле и Виржини», как и в «Юлии, или Новой Элоизе» (*Julie ou la Nouvelle Héloïse*, 1857–1860) Руссо, развязку событий определяет случай – болезнь Юлии / морская буря, – не подвластные ни обществу, ни че-

ловеку природные начала. В них не нашли проявления законы разума и справедливости. В них нет «предустановленного удела», свойственной готике предначертанности судьбы. Разгадывая постигшую героев катастрофу, читатель не находит однозначного ответа на вопрос, что за нею стоит, – ведь не просто же исторический факт гибели брига «Сен-Жеран»? То ли это бумеранг совершенного героями компромисса? То ли писатель стремился достичь желаемого эффекта – добиться читательских слез? То ли в этой развязке нашла проявление сама суть жизни, как конечного поражения в борьбе с судьбой, – тогда в сознании современного читателя возникнет иллюзия предэкзистенциалистской интерпретации темы. Но, очевидно, сбылось проклятие Поля, произнесённое в адрес мадам де ля Тур, отсылающей дочь ко двору, – пожелание смерти ей и её детям. Это психологический срыв и взрыв, равно далекий от идиллии и готики, проявление отчаяния, полубезумия героя. Проклятие не подхвачено, не акцентировано автором, но оно сбылось, «услышано», кем? Писатель не даёт ответа на этот вопрос.

Оставаясь в границах достоверности, он формирует новую специфику изображения трансцендентного, новые психологические подтексты. Реальный факт гибели парусника Сен-Жеран, перенесённый в роман, позволил автору углубить мотив судьбы. В «Поле и Виржини» катастрофа служит проявлением непредсказуемо явленного жизненного закона, в основе которого факторы внеэстетические – невозможность существования идиллии в реальном мире. В этом нашёл проявление слом рационалистической модели. Модус иррационального проблематизирует лежащую в основании жанра телеологическую модель.

Автор, на протяжении всей книги «Этюды о природе» (*Etudes de la Nature*, 1784–1787) [9; 13] страстно защищавший идею провиденциализма, транспонирует ее в романное пространство евангельской утопии. Он дарит читателям и героям счастье посмертного воздаяния за праведную

жизнь, обещание посмертно обрётённого героями рая.

Как и в «Мучениках» Шатобриана, как и в «Новой Элоизе» Руссо, это счастье вынесено за пределы собственно романного сюжета, представлено как абстрактная и отложенная перспектива, призванная примирить повествователя со смертью героев и принести утешение читателям. В трактовке этого мотива прозвучали отголоски традиций житийной литературы. Моралистическая концепция сюжетной развязки содержит двойной вектор: добродетель вознаграждена в мире сакральном и идеальном, тогда как зло в лице мучительницы-тётки наказано по-бальзаковски конкретно, в мире реальном.

Кульминационную сцену катастрофы автор максимально визуализирует, используя время не «тогда», а «сейчас», «теперь», пропустив события сквозь восприятие коллективного героя – свидетелей, страстно желающих спасения героини. Её гибель окрашена мелодрамматизмом, не менее «театральна» [3], чем смерть Велледы, Кимодокеи, Эвдора в «Мучениках» или Дельфины и Коринны в романах Жермен де Сталь. Отказ снять одежду, поза и облик погибшей, зажатый в руке подаренный Полем образок, создают ореол сакральности, Виржини кажется «ангелом, направляющим свой полет к небу (*un ange qui prend son vol vers les cieux*)» [14], становится «совершенным воплощением божественного начала» [23]. В её судьбе, как и в судьбе Кимодокеи, в историко-литературной перспективе просматривается мотив слезы невинного младенца, расплачивающегося за несовершенство мира.

Автор «Духа христианства» (*Le Génie du Christianisme*, 1802) отметил особую роль в романе евангельских мотивов [10, с. 150], они сочетаются с мотивом особой чувствительности, слёз, проливаемых героями, в которых писатель видел предпосылку читательского успеха его книги [14]. В «Поле и Виржини» он воплотил идеал чувствительности – свойственной, по его мнению, «самым лучшим романам, самым читаемым и полезным, которые

«правят миром» (*Ils gouvernent le monde*) [14], идеал, воспринятый и по-новому во-чувствованный романтизмом. Это идеал эмоционального слияния читателя и героев, который формировала французская сентименталистская романистика XVIII в. и который в дальнейшем определил завоевания романтизма, популярность любовного романа в последующие века [12].

Заключение

Роман Бернардена де Сен-Пьера, опубликованный в преддверии революции, подобно произведениям Сталь и Шатобриана, стал своеобразным «мостом от просвещения к романтизму». Изображение интимного, мира чувств и чувствительности героев в нём органически связано с традициями руссоизма, но вписано в обновлённую эстетическую парадигму, в которой романтические импульсы и знаки усиливают ощущение неизбежной гибели естественного мира, кризиса европейской культуры [21]. Нарастающий трагический смысл врывается в парадигму естественного с тем, чтобы совершить необратимую и разрушительную подмену естественно-добраго и счастливого на торжество иррационального и безжалостного, едва ли не рокового.

Мотивы меланхолии, уединения, отъединенности индивида от общества, конфликта с ним, мечта о всеединстве – рае, устремлённость к идеалу, контрасты, символизация, роль иррационального начала, глубокий лиризм, случайность, выполняющая функцию рока, предваряют завоевания романтической эпохи. Правы исследователи, которые относят роман «Поль и Виржини» к «пороговым явлениям», находящимся между двумя эпохами, в момент, когда ещё не возникло новой концепции, понимания этого порога [24]. Через одно-два десятилетия оно войдёт в программные произведения Шатобриана и Жермен де Сталь.

Эстетическая система романа разомкнута не только в прошлое, но и в стремящуюся к идеалу революционную и ро-

мантическую эпоху, которой предстояло постичь «трагическое одиночество свободы» (выражение С. Хачатурова). Роман разомкнут в будущее – в нашу современность, стремящуюся постичь уходящие корнями вглубь веков, актуальные нравственно-эстетические смыслы бытия.

Статья поступила в редакцию 05.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернарден де Сен-Пьер Ж. А. Поль и Виргиния. Индийская хижина. Используется перевод издания 1937 г. (основанный на отредактированном переводе Константина Льдова, 1890). М., Л., ACADEMIA, 1937. 124 с.
2. Забабурова Н. В. Эволюция художественного психологизма во французском романе XVII–XIX веков: автореф дис. ... докт. филол. наук. М., 1989. 38 с.
3. Литвиненко Н. А. Поэтика театральности в романе Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виржини» // Вестник университета Российской академии образования. 2006. № 3. С. 53–60.
4. Лосев А. Ф., Тахо-Годи М. А. Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана. М.: Наука, 2006. 419 с.
5. Морис Ш. Литература нынешнего дня (1889). Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдώρα. Изд-во Московского университета. 1993. 512 с.
6. Пахсарьян Н. Т. Миф, пастораль, утопия: к вопросу о дифференциации и взаимодействии литературоведческих понятий // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры: материалы научного межрегионального семинара. М.: Московский государственный педагогический университет, 1998. С. 12–24.
7. Сент-Бев Ш. Стремления и надежды литературно-поэтического движения после революции 1830 года // Сент-Бев Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М.: Художественная литература, 1970. С. 99–108 с.
8. Старобинский Ж. Чернила меланхолии. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
9. Чекалов К. А. «Его философия – бред...». «Этюды о природе» Бернардена де Сен-Пьера // XVIII век: литература как философия, философия как литература. М.: Экон-информ, 2010. С. 249–258.
10. Шатобриан Ф. Р. де. Гений христианства. Эстетика раннего французского романтизма. М.: Искусство, 1982. 149 с.
11. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016. 559 с.
12. Bercegol F. Article de collectif «Métamorphoses du roman sentimental. xixe-xxie siècle. [Электронный ресурс]. [2019]. URL: <https://classiques-garnier.com/export/html/metamorphoses-du-roman-sentimental-xixe-xxie-siecle-introduction.html?displaymode=full> (дата обращения: 12.07.2020).
13. Bernardin de Saint-Pierre J.-H. Etudes de la Nature. T. 1. An XII – 1804 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k29313q/f489.image.texteImage> (дата обращения: 05.06.2020).
14. Bernardin de Saint-Pierre J.-H. Paul et Virginie [Электронный ресурс]. Ét. P. Trahard. URL: <http://visualiseur.bnf.fr/Document/ConsulterElementNum?O=NUMM-101430&E=HTML&DdeDirecte=1&ie=.html> (дата обращения: 05.07.2020).
15. Delabroy J. Préface de Paul et Virginie. Le livre de Poche. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alalaettere.com/bernardin-pauletvirginie.htm> (дата обращения: 06.12.2019).
16. Dictionnaire critique de l'utopie au temps des Lumières [Электронный ресурс]. dir. B. Bacsko, M. Porret, F. Rosset. URL: https://www.fabula.org/atelier.php?Utopies_des_Lumieres (дата обращения: 05.07.2019).
17. Dictionnaires d'autrefois. Dictionnaire de l'Académie française [Электронный ресурс]. URL: <https://www.littre.org/definition/solitude> (дата обращения: 01.07.2020).
18. Jaquier Cl. Utopies et dystopies végétales. Questionnements contemporains au regard des Lumières [Электронный ресурс]. URL: https://www.fabula.org/atelier.php?Utopies_et_dystopies_vegetales (дата обращения: 06.06.2020).
19. Millet Cl. Le Romantisme. Du bouleversement des lettres à la France révolutionnaire, Le Livre de Poche, 2007. 379 p.
20. Mornet D. Le sentiment de la nature en France de J-J. Rousseau à Bernardin de Saint-Pierre. Essaisur

- rapports de la littérature et de moeurs. New York, 1905. 573 p.
21. Privat J.-M. «Paul et Virginie» (1789) or the fatal irruption of writing *Pratiques* // OpenEdition Journals [сайт]. URL: <http://journals.openedition.org/pratiques/7342> (дата обращения: 24.07.2020).
 22. Racault J.-M. Bernardin de Saint-Pierre et l'Océan Indien [Электронный ресурс] // Colloque Bernardin de Saint-Pierre, 30 novembre 2008. URL: <http://www.univ-reunion.fr/universite/composantes/lettres/btcr.html> (дата обращения: 12.06.2020).
 23. Saunier C. Le romantisme, ou la quête d'histoire d'une génération [Электронный ресурс] // Acta fabula. Vol. 9. No. 9. URL: <http://www.fabula.org/revue/document4593.php> (дата обращения: 28.06.2020).
 24. Steigerwald J. Arcadie historique «Paul et Virginie» de Bernardin de Saint-Pierre, entre classicisme et préromantisme // Revue germanique internationale. URL: <https://doi.org/10.4000/rig.860> (дата обращения: 20.07.2020).
 25. Vergnon D. «Paul et Virginie», un roman d'actualité [Электронный ресурс]. [2016]. URL: <http://salon-litteraire.linternaute.com/fr/bernardin-de-saint-pierre/content/1867593-paul-et-virginie-un-roman-d-actualite> (дата обращения: 20.08.2020).

REFERENCES

1. Bernardin de Sen-P'er J.-H. *Pol' i Virginiya. Indiiskaya khizhina. Ispol'zuetsya perevod izdaniya 1937 g. (osnovannyi na otdredaktirovannom perevode Konstantina L'dova, 1890)*. Moscow, Leningrad, ACADEMIA, 1937. 124 p.
2. Zababurova N. V. *Evolutsiya khudozhestvennogo psikhologizma vo frantsuzskom romane XVII: avtoreferat dis. ... dokt. filol. nauk*. [The evolution of artistic psychologism in the French novel XVII: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1989. 38 p.
3. Litvinenko N. A. [Poetics of theatricality in the novel by Bernardin de Saint-Pierre "Paul and Virginie"]. In: *Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2006, no. 3, 2006, pp. 53–60.
4. Losev A. F., Takho-Godi M. A. *Estetika prirody: priroda i ee stilevyje funktsii u Romena Rollana*. [Aesthetics of nature: nature and its stylistic functions in Romain Rolland]. Moscow, Nauka, 2006. 419 p.
5. Moris S'. *Literatura nyneshnego dnya (1889). Poeziya frantsuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora* [Literature of the Present Day (1889). Poetry of French Symbolism. Lautreamont. Songs of Maldoror] 1993. Publishing house of Moscow University. 1993. 512 p.
6. Pakhsar'yan N. T. [Myth, pastoral, utopia: on the issue of differentiation and interaction of literary concepts. In: *Mif. Pastoral'. Utopiya. Literatura v sisteme kul'tury: materialy nauchnogo mezhhregional'nogo seminara* [Myth. Pastoral. Utopia. Literature in the system of culture: materials of the scientific interregional seminar]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1998, pp. 12–24.
7. Sainte-Beuve Ch. *Stremleniya i nadezhdy literaturno-poeticheskogo dvizheniya posle revolyutsii 1830 goda* [Aspirations and Hopes of the Literary and Poetic Movement after the Revolution of 1830]. In: Sainte-Beuve Ch. *Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki* [Literary Portraits. Critical Essays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1970. P. 99–108.
8. Starobinskiy J. *Chernila melankholii* [Melancholy ink]. Moscow, New literary review. 2016. 616 p.
9. Chekalov K. A. ["His philosophy is nonsense ...". "Sketches on Nature" by Bernardin de Saint-Pierre]. In: *XVIII century: literature as philosophy, philosophy as literature* [XVIII century: literature as philosophy, philosophy as literature]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2010, pp. 249–258.
10. Shatobrian F. R. de. *Genii khristianstvap Estetika rannego frantsuzskogo romantizma* [Genius of Christianity. Aesthetics of early French romanticism]. Moscow, Art Publ., 1982. 194 p.
11. Eko U. *Ot drevka k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From tree to labyrinth. Historical studies of sign and interpretation]. Moscow, Academic project Publ., 2016. 559 p.
12. Bercegol F. Article de collectif «Métamorphoses du roman sentimental. XIXe-XXIe siècle. Available at: <https://classiques-garnier.com/export/html/metamorphoses-du-roman-sentimental-xixe-xxie-siecle-introduction.html?displaymode=full> (accessed: 07.12.2020).
13. Bernardin de Saint-Pierre J.-H. Etudes de la Nature. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k29313q/f489.image.texteImage> (accessed: 06.05.2020).
14. Bernardin de Saint-Pierre J.-H. Paul et Virginie. Available at: <http://visualiseur.bnf.fr/Document/ConsulterElementNum?O=NUMM-101430&E=HTML&DdeDirecte=1&ie=.html> (accessed: 07.05.2020).

15. Delabroy J. [Préface de Paul et Virginie. Le livre de Poche. 2019. Available at: <http://www.alalettre.com/bernardin-pauletvirginie.htm> (accessed: 06.12.2019).
16. Dictionnaire critique de l. Available at: https://www.fabula.org/atelier.php?Utopies_des_Lumieres (accessed: 07.05.2019).
17. Dictionnaires d'autrefois. Dictionnaire de l'Académie française. Available at: <https://www.littre.org/definition/solitude> (accessed: 07.01.2020).
18. Jaquier Cl. Utopies et dystopies végétales. Questionnements contemporains au regard des Lumières. Available at: https://www.fabula.org/atelier.php?Utopies_et_dystopies_vegetales (accessed: 06.06.2020).
19. Millet Cl. Le Romantisme. Du bouleversement des lettres à la France révolutionnaire, Le Livre de Poche, 2007. 379 p.
20. Mornet D. Le sentiment de la nature en France de J.-J. Rousseau à Bernardin de Saint-Pierre. Essais sur rapports de la littérature et de mœurs. New York, 1905. 573 p.
21. Privat J.-M. Paul et Virginie (1789) or the fatal irruption of writing *Pratiques*. In: *OpenEdition Journals*. Available at: <http://journals.openedition.org/pratiques/7342> (accessed: 24.07.2020).
22. Racault J.-M. Bernardin de Saint-Pierre et l'Océan Indien. In: *Colloque Bernardin de Saint-Pierre. Information publiée le 14 mars 2008 par Bérenger Boulay* (source : Université de La Réunion). Le 30 novembre 2008. Université de La Réunion. Available at: <http://www.univ-reunion.fr/universite/composantes/lettres/btcr.html> (accessed: 12.06.2020).
23. Saunier C. Le romantisme, ou la quête d'histoire d'une génération. In: *Acta fabula*, vol. 9, n° 9. Available at: <http://www.fabula.org/revue/document4593.php> (accessed: 28.06.2020).
24. Steigerwald J. Arcadie historique "Paul et Virginie" de Bernardin de Saint-Pierre, entre classicisme et préromantisme.]. In: *Revue germanique internationale*. Available at: <https://doi.org/10.4000/rgi.860> (accessed: 07.20.2020).
25. Vergnon Dominique. «Paul et Virginie», un roman d'actualité. 2016. Available at: <http://salon-litteraire.linternaute.com/fr/bernardin-de-saint-pierre/content/1867593-paul-et-virginie-un-roman-d-actualite> (accessed: 08.20.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ninel A. Litvinenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Литвиненко Н. А. Роман Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виржини»: феномен эстетической переходности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 100–108.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-100-108

FOR CITATION

Litvinenko N. A. Bernardin de Saint-Pierre's Novel «Paul and Virginie»: The Phenomenon of Aesthetic Transitivity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology* 2020, no. 5. pp. 100–108.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-100-108

УДК 821(091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-109-120

МОТИВЫ ВОДЫ И ОГНЯ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Павлова И. Б.*Институт мировой литературы Российской академии наук**121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, Российская Федерация.*

Аннотация.

Цель. Исследовать мотивы воды и огня, являющиеся репрезентацией универсальных концептов «Вода» и «Огонь», в идейно-эстетической системе романа-эпопеи «Война и мир». Это обуславливает постановку следующих задач: рассмотрение важных аспектов мировоззрения Л. Толстого, проблемно-тематический анализ произведения, его образной структуры, особенностей художественного пространства, рассмотрение приёмов психологического анализа, фольклорно-мифологических влияний. Проведённые наблюдения позволяют продемонстрировать особенности художественной реализации названных концептов.

Процедура и методы. Методологическая основа исследования предполагает опору на такие базовые литературоведческие подходы, как интерпретационный, культурно-исторический, метод системного и целостного анализа, мифопоэтический.

Результаты. Проведённый анализ показал, что рассмотренные мотивы воды и огня несут в романе-эпопее функции мироорганизующую, сюжетообразующую, социально-этическую, психологическую, фольклорно-мифологическую, связаны с эсхатологизмом, жертвенностью, духовным освобождением и являются воплощением на идейно-эстетическом уровне базовых концептов «Вода» и «Огонь». Эти ментальные единицы входят в концептосферу великого романа, и в совокупности с другими отражают своеобразие авторского мышления, жизненную философию художника, его аксиологию, гносеологию, онтологию, мировоззрение определённой эпохи, национальную картину мира, несут фольклорно-мифологическую информацию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Проведённые наблюдения могут быть использованы в изучении модели художественного мира романа-эпопеи, своеобразия национального сознания, историко-философских и этических взглядов Л. Н. Толстого 1860-х гг., а также при научном комментировании «Войны и мира», при разработке специальных курсов по творчеству писателя.

Ключевые слова: роман-эпопея «Война и мир», мотивы воды и огня, амбивалентность, жизнь, смерть, история, национальная картина мира, концептосфера

MOTIVES OF WATER AND FIRE IN THE EPIC NOVEL BY L. TOLSTOY "WAR AND PEACE"

I. Pavlova*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences**25a Povarskaya Moscow 121069, Russian Federation*

Abstract.

Aim is to investigate the motives of water and fire, which are a representation of the universal concepts "Water" and "Fire" in the ideological and aesthetic system of "War and Peace." This leads to the formulation of the following tasks: consideration of essential aspects of L. Tolstoy's worldview, problem-thematic analysis of the work, its symbolic structure, features of the artistic space, consideration of

methods of psychological research, folklore and mythological influences. The observations allow us to demonstrate the features of the artistic implementation of the above concepts.

Methodology. The article's methodological basis presupposes reliance on such basic literary approaches as interpretive, cultural-historical, systemic and holistic analysis, mythopoetic.

Results. The considered motives of water and fire in the epic novel carry world-organizing, plot-forming, socio-ethical, psychological, folklore-mythological functions, are associated with eschatologism, sacrifice, spiritual liberation and are the embodiment at the ideological and aesthetic level of the basic concepts "Water" and "Fire". These mental units are included in the concept sphere of the great novel, and together with others reflect the originality of the author's thinking, the artist's life philosophy, his axiology, epistemology, ontology, the worldview of a certain era, the national picture of the world, carry folklore and mythological information.

Research implications. The observations can be used in the study of the model of the artistic world of the epic novel, the originality of the national consciousness, the historical, philosophical and ethical views of L. Tolstoy of 1860s, as well as in the scientific commenting on "War and Peace", in the development of special courses on the work of L. Tolstoy.

Keywords: epic novel "War and Peace," motives of water and fire, ambivalence, life, death, history, national picture of the world, conceptual sphere

Введение

В великом творении Л. Н. Толстого, охватывающем временное, историческое – и вечное, земное – и небесное, читатель встречается с космическими, природными символическими образами: небо, комета, старый дуб, огонь и вода в их различных воплощениях. Мотив представляет собой «устойчивый формально-содержательный компонент» произведения, который «более прямо, чем другие компоненты художественной формы, соотносится с миром авторских мыслей и чувств» [16, с. 320; 12, с. 60–61; 20, с. 52–53]. Он выступает языковым коррелятом концепта, его воплощением на идейно-эстетическом уровне, в данном случае – репрезентацией концептов «Вода» и «Огонь».

Функции мотива воды-субстанции и водного потока в романе-эпопее «Война и мир»

Согласно точке зрения представителя милетской древнегреческой философской школы Фалеса, вода является первоэлементом, фундаментальной стихией, из неё произошло многообразие видимого мира. В первой главе Книги Бытия, посвященной творению, присутствуют воды, во второй главе говорится, что из Едема выходила

река для орошения рая, разделившаяся потом на четыре потока.

Каково же значение и функция названного мотива в романе-эпопее?

В «Войне и мире» неоднократно описываются реки, причем они только пересекаются, вдоль по ним не плывут. Так, в ряде ситуаций воды разделяют русские и французские войска¹. Во время военной кампании 1805 г., неблагоприятно сложившейся для стран, входящих в третью антинаполеоновскую коалицию, Австрии и России, Кутузов, отступая к Вене, уничтожает за собой мосты на реках Инне (в Браунау) и Трауне (в Линце). В конце октября русские переходят приток Дуная Энс: обозы, артиллерия, колонны войск растянулись по всему мосту, с которого открывается живописный вид. Но начинается обстрел, возникает давка. Автор сравнивает быстрые, шумные, невысокие волны Энса с однообразными живыми волнами солдат, офицера в плаще с взбрызгом белой пены, отдельных людей со щепками, вьющимися

¹ Река, как пишет В. Н. Топоров, является важным мифологическим символом. Огромный фольклорный материал мотивирует происхождение и роль реки, в том числе как места проведения ритуалов, что «в значительной степени объясняется пограничной функцией Р: она рубеж между этим и тем, нижним миром, между своим пространством и чужим» [24, с. 376].

в воде, повозки – с бревном, плывущим по реке. Один казак безнадежно замечает: «Вишь, их, как плотину прорвало...» [22, т. 9, с. 170]. Целенаправленное движение людских масс уподобляется писателем течению вод. Наконец последний батальон вступил на мост, только гусары эскадрона Денисова оставались по ту сторону напротив неприятеля. Пустое пространство сажен в триста отделяло русских от французов. По мосту через реку пролегла граница между двумя противоборствующими силами. «Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и – неизвестность, страдания и смерть. И что там? кто там? там, за этим полем, за деревом и крышей, освещённой солнцем? Никто не знает, и хочется знать; и страшно перейти эту черту, и хочется перейти её; и знаешь, что рано или поздно придется перейти её и узнать, что там, по ту сторону смерти» [22, т. 9, с. 174]. Гусары успевают поджечь мост, но картечь повалила троих. Наблюдающего эту сцену Николая Ростова поражает контраст красивого пейзажа: голубого неба, яркого солнца, ласково-глянцевито блестящей воды, и страданий, близости смерти, неизбежной встречи с её тайной. Воды Дуная приветливы в тёплый осенний день, попеременно солнечный и дождливый, и в то же время через них пролегает рубеж, отделяющий бытие от небытия.

Дальнейшие события подтверждают судьбоносную роль водного потока и переправы через него. Об обстоятельствах, связанных с захватом австрийской столицы, в намеренно иронической манере рассказывает князю Андрею дипломат Билибин. Генерал Макк потерпел сокрушительное поражение под Ульмом и сдался Наполеону. Вена оказалась в руках французов, и они с помощью хитроумной уловки завладевают Таборским мостом, соединяющим столицу с левым берегом Дуная. Австрия практически разбита, а русские войска попадают в тяжелейшую ситуацию. В этом эпизоде река снова предстаёт границей, по одну сторону которой для русских сохранялась возможность от-

ступления и спасения, по другую – гибель, переход через неё французов катастрофичен для русской армии.

Вскоре происходит сражение на Праценских высотах, западнее деревни Аустерлиц, которое было проиграно союзными войсками уже в первые часы. Наполеон «угадал, что русские и австрийцы будут стараться отрезать его от дороги к Вене и от Дуная, чтобы окружить или загнать к северу, в горы, и именно поэтому он как бы оставил без прикрытия и защиты эту часть своего расположения, отодвигая преднамеренно свой левый фланг. Когда русские туда пошли, он их раздал валом своих войск, захвативших Праценские высоты, прижав русских к линии полузамёрзших прудов» [21, с. 130]. Отступающих по плотине уничтожали картечью. Солдаты, пытавшиеся бежать по тонкому льду озер / прудов Зачан и Мёниц, проваливались в воду. «В пятом часу вечера сражение было проиграно на всех пунктах, – повествует Толстой. – Более ста орудий находилось уже во власти французов» [22, т. 9, с. 353].

Кровопролитное сражение под Салтановкой тоже связано с рекой, с ручьем и плотиной. Когда Николай Ростов слушает неискренние разглагольствования офицера Здржинского об этих событиях, то его честная натура, здравый смысл решительно восстают против искажения правды. Жестокая реальность войны отвергает велеречивые, рассчитанные на внешний эффект фразы о доблестях, достойных знаменитых мужей Эллады, фальшивые мифы о героических деяниях. «Офицер с двойными усами, Здржинский, рассказывал напыщенно о том, как Салтановская плотина была Фермопилами русских, как на этой плотине был совершен генералом Раевским поступок, достойный древности. Здржинский рассказывал поступок Раевского, который вывел на плотину своих двух сыновей под страшный огонь и с ними рядом пошел в атаку» [22, т. 11, с. 56]. Во время этого дела русских и французов разделял ручей, протекавший по окраине леса параллельно Днепру. Он образовывал запруды около деревень Фатово и

Салтановка, доступ через которые был возможен только по узкой плотине. Выбить неприятеля из этих деревень не удавалось. Тогда генерал Раевский предпринял фронтальную атаку Салтановки. Получивший некоторый боевой опыт, Ростов понимал, что плотина, которую надо было захватить и вырвать инициативу у врага, представляла собой опаснейшее место, на ней царил путаница и теснота, русские и французы смешались, оказались сжатыми на ограниченном, узком пространстве. По убеждению Толстого, в ситуациях такого рода возникает «случайность событий и независимость их от воли начальника» [22, т. 9, с. 222], «бесчисленное количество свободных сил (ибо нигде человек не бывает свободнее, как во время сражения, где дело идет о жизни и смерти) влияет на направление сражения, и это направление никогда не может быть известно вперед и никогда не совпадает с направлением какой-нибудь одной силы» [22, т. 12, с. 81]. Салтановская плотина, как и плотина поселения Аугест, подобна мостам через реки Энс, Дунай. Касаясь мифологических истоков образа моста, В. Н. Топоров отмечал, что тот изофункционален пути, «точнее – наиболее сложной его части. Мост мыслится обычно как некая импровизация ещё неизвестного, не гарантированного пути. Мост строится как бы на глазах путника, в самый актуальный момент путешествия и на самом опасном месте, где путь прерван, где угроза со стороны злых сил наиболее очевидна...» [23, с. 176]. Таким образом, в ряде глав, посвященных военным действиям, возникает мотив переправы (или овладения путем) через реку / ручей / озеро по мосту / плотине, в процессе которой люди находятся между жизнью и смертью, спасением и гибелью.

Важнейшим событием политической жизни Европы 1807 г. было заключение Тильзитского мира и свидание двух императоров, которое происходило на реке, ставшей нейтральной территорией. В произведении Толстого впечатления от встречи Александра I и Наполеона переданы через восприятие внимательного и холод-

ного наблюдателя Бориса: «Борис в числе немногих был на Немане в день свидания императоров; он видел плоты с вензелями, проезд Наполеона по тому берегу мимо французской гвардии, видел задумчивое лицо императора Александра, в то время как он молча сидел в корчме на берегу Немана, ожидая прибытия Наполеона; видел, как оба императора сели в лодки и как Наполеон, приставши прежде к плоту, быстрыми шагами пошел вперед и, встречая Александра, подал ему руку, и как оба скрылись в павильоне» [22, т. 10, с. 139]. Изощёренный ум Наполеона нашел способ так организовать встречу – опередить Александра I на несколько мгновений, что это обстоятельство при всей его естественности, возможной случайности не могло втайне не задеть русского монарха. Очевидец исторического свидания Денис Давыдов рассказывал: «Обе барки причалили к павильону *почти* одновременно, однако барка Наполеона немного прежде, так, что ему достало несколько секунд, чтобы, соскочив с неё, пройти скорыми шагами сквозь павильон и принять императора нашего при самом сходе его с барки; тогда они рядом вошли в павильон. ...

Так как Наполеон встретил императора Александра при выходе его из барки, то этикет требовал, чтобы император Александр проводил Наполеона до той барки, на которой он приехал, что и было сделано, и тем заключилось первое свидание. Французы ликовали!» [7, с. 235]. В России подписание тильзитских соглашений было встречено негативно, поскольку они не отвечали национальным интересам.

В сцене свидания императоров пространство вод Немана было недружественно русским. Но этим его роль не исчерпывается. Неман оказывается роковой рекой: переход через неё армии Наполеона в 1812 году означает вторжение в Российскую империю, нарушение её пределов и знаменует начало Отечественной войны. Здесь завязывается судьба России и наполеоновской Франции, более того – всей Европы¹.

¹ Отступление французов из России тоже было связано с переходом через реку – Березину, в которой

Выражаясь образно, для французского императора Неман становится Рубиконом, перейти который значит сделать решающий шаг, бросить жребий¹, хотя последствия этого шага оказались совершенно иными, чем для Цезаря. Характеризуя вражеское нашествие, образ вод в прямом и переносном значении использовал митрополит Платон в ставшем широко известным русскому обществу письме к Александру I, отправленному из Вифании 23 июля (ст. ст.) 1812 г.: «Покусится алчный враг простерть за Днепр злобное оружие, – и этот фараон погрязнет здесь с полчищем своим, яко в Чермном море. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку – страшно выговорить – реку крови человеческой!» [19, ч. II, с. 45]. Митрополит Московский почти предрёк судьбу Наполеона и его полчищ. Смысл этого эпистолярного отрывка, в котором доминирует образ вод, отражает имевшее важнейшее значение для автора «Войны и мира» общенациональное восприятие годины испытаний.

Согласно Толстому, в сцене форсирования Немана поляками ярко проявились, с одной стороны, такие свойства Наполеона, как виртуозное умение играть людьми, подкупать, очаровывать, маккиавелизм, ощущение себя личностью высшего порядка, а с другой, – безумная ослеплённость целых народов ложным кумиром и превратными убеждениями – изображение польских улан, без необходимости бросающихся в воду и находящихся могилу в Вилии (притоке Немана). Вечером того же дня Наполеон отдал среди прочих распоряжение о причислении без нужды бросившегося в реку польского полковника

к когорте чести. Стихия воды, которую пытаются волюнтаристски покорить ради суетного желания заслужить похвалу великого человека (хотя было приказано отыскать брод), становится губительной.

Источники вод реки / озера / ручей в романе-эпопее бывают связаны с острейшими моментами военных действий. Описывая пространство, занятое русскими и французами при Бородине, и доказывая, что сражение произошло «на совершенно неожиданном и почти неукрепленном месте», Толстой отмечает, что позиция наша была избрана по реке Колочи, и центр её находился при слиянии Колочи и Войны. Что касается французского полководца, то, «перейдя на левую сторону Колочи, влево от дороги, Наполеон передвинул все будущее сражение справа налево (со стороны русских) и перенес его в поле между Утицей, Семеновским и Бородиным (в это поле, не имеющее в себе ничего более выгодного для позиции, чем всякое другое поле в России), и на этом поле произошло всё сражение 26-го числа» [22, т. 11, с. 187–188]. В качестве дополнения к своим рассуждениям писатель приводит карту местности, на которой разыгралась историческая битва, с обозначением рек Колочи и Москвы.

Поднявшись на курган и осматривая поле сражения, Пьер был поражён величественностью зрелища, его взору открывается, в частности, Колодь и впадающая в неё Война с болотистыми берегами, над которыми таял туман. Небольшие речки становятся участницами судьбоносного столкновения двух армий, включены в то пространство, где творится история.

Ф. Н. Глинка в «Очерках Бородинского сражения» обращает внимание читателей на топографию и гидронимию описываемой территории: «Примечали ли вы, что поле Бородинское – теперь поле достопамятное – силится рассказать вам какую-то легенду заветную, давнее предание? О каком-то великом событии сохранило оно память в именах урочищ своих. Войня, Колоча, Огник, Стонец не ясно ли говорят вам, что и прежде здесь люди воевали, ко-

нашли гибель многие вражеские солдаты.

¹ Перейти Рубикон – «выражение это употребляется в значении: сделать бесповоротный шаг, совершить решительный поступок. Возникло из рассказов Плутарха, Светония и других древних писателей о переходе Юлия Цезаря через Рубикон – реку, служащую границей между Умбрией и Цизальпинской Галлией (т.е. Северной Италией). В 49 г. до н.э., вопреки запрещению римского сената, Юлий Цезарь со своими легионами перешел Рубикон, воскликнув: “Жребий брошен!”» [2, с. 304].

лотились, палили и стонали? Но когда ж было это прежде? Сколько столетий наслось над этим событием?» [6, ч. I, с. 14].

Как уже было отмечено, переправа через реку – это балансирование между гибелью и спасением, жизнью и смертью, победой и поражением. Русские войска по приказу Кутузова покидают Москву 1 сентября в ночь. Они переправляются по Дорогомиловскому, Каменному, Москворецкому и Яузскому мостам. К отступающим солдатам присоединяется гражданское население и раненые. У реки Яузы возникает конфликтная ситуация между Кутузовым и гордым графом Растопчиным, и делается очевидным моральное и стратегическое превосходство старого полководца над главнокомандующим Москвы. Река оказывается местом противоборства, в данном случае духовного.

Описывая бесславное отступление «великой армии» из России, Толстой скупно упоминает о переходе через Березину, которая становится для французов символом высшего суда, Стиксом – рекой в подземном царстве мертвых. «На Березине опять замешались, многие потонули, многие сдались, но те, которые перебрались через реку, побежали дальше» [22, т. 12, с. 163–164].

Важной предстает символика стихии воды, переправы через реку для центрального героя романа Андрея Болконского. После пережитого кризиса, разочарования в земной славе, крахе честолюбивых стремлений, потрясения от смерти маленькой княгини князь Андрей пребывает в тупиковом нравственном состоянии, теряет смысл жизни. Он существует чисто формально: трудится в имении Богучарове, исполняет свой непосредственный долг, но все для него безрадостно, лишено смысла, он несчастен. Внутреннее состояние героя соответствует окружающему его пейзажу. Приехавший навестить своего друга Пьер видит, что «Богучарово лежало в некрасивой, плоской местности, покрытой полями и срубленными и несрубленными еловыми и березовыми лесами. Барский двор

находился на конце прямой, по большой дороге расположенной деревни, за вновь вырытым, полно-налитым прудом, с необросшими ещё травой берегами, в середине молодого леса, между которым стояло несколько больших сосен» [22, т. 10, с. 107]. И этот рукотворный водоём, до предела заполненный, безжизненный, с пустыми берегами, отражает состояние души князя Андрея, пытающегося с помощью множества житейских занятий подавить тяжёлые мысли, его одиночество. Однако вскоре друзья отправляются в Лысые Горы, где живут старый князь Болконский и княжна Марья. Они подъезжают к разлившейся реке, которую надо было переплывать на пароме. Князь Андрей стоит, облокотившись о перила, и смотрит вдоль блестящей от заходящего солнца глади вод. У них с Пьером происходит разговор о возможности утверждения на земле царства добра и правды, о будущей жизни, о назначении человека. Пьер убеждён, что является частью огромного гармонического целого среди бесчисленного количества существ, в которых проявляется Божество. У князя Андрея, руководствующегося в первую очередь логикой и разумом, заглянувшего, по его выражению, в пропасть, пережившего утрату жены, перед которой он чувствует себя невольно виноватым, возторженные речи Пьера вызывают скептическую реакцию. Но не случайно они перемещаются по воде, субстанции текущей, изменчивой, символизирующей движение во времени, духовные изменения, перелом в судьбах героев, возможные обретения (или утраты), глубины подсознательного. (В романе «Воскресение» Толстой уподобил людей рекам, имея в виду подвижность души человеческой). Новая эпоха незаметно для князя Андрея уже начинается, его ждет встреча с дубом, растущим невдалеке от Отрадного, чудно преобразившимся под влиянием весны, и с той, в которой воплощается полнота естественной радостной жизни. «Князь Андрей стоял, облокотившись на перила парома и, слушая Пьера, не спуская глаз, смотрел на красный отблеск солнца по синеющему

разливу. Пьер замолк. Было совершенно тихо. Паром давно пристал, и только волны течения с слабым звуком ударились о дно парома. Князю Андрею казалось, что это полоскание волн к словам Пьера приговаривало: “правда, верь этому” [22, т. 10, с. 117].

Однако разрыв с Наташей возвращает Болконского к прежнему пессимистическому мироощущению и подсознательному желанию смерти. Его внутреннее состояние становится ещё более тяжёлым, чем было в Богучарове. После отступления русской армии из Смоленска герой догоняет свой полк недалеко от Лысых Гор, вблизи плотины и пруда. В мутной, грязной с зеленью воде плещутся солдаты. Пруд «был полон человеческими, солдатскими, голыми, барахтающимися в нем белыми телами, с кирпично-красными руками, лицами и шеями» [22, т. 11, с. 124–125]. Из-за этого плотина, как переправа / путь, затопленная водой, поднявшейся четверти на две, почти исчезает. «Всё это голое, белое, человеческое мясо, с хохотом и гиком, барахталось в этой грязной луже, как караси, набитые в лейку. Весельем отзывалось это барахтанье, и оттого оно особенно было грустно» [22, т. 11, с. 125].

«“Мясо, тело, *chair à canon!*”» – думал он, глядя и на своё голое тело, и вздрагивал не столько от холода, сколько от самого ему непонятного отвращения и ужаса при виде этого огромного количества тел, полоскавшихся в грязном пруду» [22, т. 11, с. 125]. Большинство этих людей должно погибнуть в предстоящем сражении. Первоначально возникает ассоциация воды в пруду с мертвой водой из русского фольклора. А. Н. Афанасьев писал в труде «Поэтические воззрения славян на природу»: «Мёртвая вода называется иногда “целящею”, и этот последний эпитет понятнее и общедоступнее выражает соединяемое с нею значение: мёртвая или целящая вода заживляет нанесённые раны, сращивает вместе рассечённые члены мёртвого тела, но ещё не воскрешает его; она исцеляет труп, т.е. делает его целым, но оставляет бездыханным, мёртвым, пока окропление

живую (или живучую) воду не возвратит ему жизнь» [1, с. 176]. А если зарубленного богатыря сразу окропить живой / сильной водой, то он оживёт, но из-за незалеченных ран вскоре умрёт. Однако здесь даёт себя почувствовать иной смысл: мёртвая вода – ещё и та, которой омывают покойников и которая может быть использована вредоносной магией с целями губительными. Ужас и отвращение князя Андрея происходят от ощущения того, что он тоже приблизился к смерти, хотя и не стал окунаться.

Пруд – искусственное, иногда естественное, углубление в земле, наполненное водой, для определённого назначения, течение в нем практическим отсутствует, и поэтому он может ассоциироваться с застоем, с прекращением жизни. Так, в гнеущем ожидании кончины старого князя княжна Марья, терзаемая мучительными мыслями, выбегает в сад и бросается вниз к пруду. Спустя некоторое время она снова пошла в сад «и под горой у пруда, в том месте, где никто не мог видеть, села на траву» [22, т. 11, с. 140].

Одна ипостась воды – очищение, обновление, другая – связана с тёмным началом: стоячая вода в прудах, или речная, которую люди подчиняют целям ложным – «преданность без лести» польских улан, или антигуманным, безнравственным, превращают в средство глумления, совершая бесчинные действия, что произошло в истории с квартальным и медведем, брошенными в Мойку кутилами.

Реки выступают в произведении Толстого и как символ утопических демократических чаяний. К потаённым явлениям народной жизни, угаданным писателем, относятся социально-этические упования масс, облечённые зачастую в форму легенд, преданий, толков, которые отнюдь не всегда совпадают с религиозно-догматическим учением, вплоть до превращения в откровенные ереси. В IX главе части второй третьего тома «Войны и мира» рассказывается о волнениях в Богучарове, питавшихся неясными слухами об антихристе, конце света, чистой воле, происшедших в 1812 г.,

несмотря на все предшествующие цивилизационные мероприятия князя Андрея. Здесь проявились и производили сильную работу «таинственные струи народной русской жизни», как называет их Толстой, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников. Одним из таких явлений стало массовое движение крестьян к переселению на какие-то тёплые реки. Люди, подчиняясь безотчётному порыву, распродалаи собственность, караванами, поодиночке, ехали, бежали, шли на тёплые реки, о которых ничего не знали. Движение имело печальные последствия, потом затихло, как и началось, без видимой причины. «Но подводные струи не переставали течь в этом народе и собирались для какой-то новой силы» [22, т. 11, с. 143].

В монографии «Народная социальная утопия в России. Период феодализма» А. И. Клибанов отмечал, что в сознании простых людей рано возникла идея «земного царства» с гармоничным строем общественных отношений, совершенными нормами морали и изобилием «земных благ» [9, с. 220]. Временем наибольшего распространения русской народной утопии и обогащения её социальным содержанием является, по мнению исследователя, XIX век. В частности, в первом пятилетии XIX столетия возникает молочноводская коммуна Савелия Капустина [10, с. 7]. Источник представлений о «тёплых реках» коренится в фольклорно-мифологическом сознании, с ними связаны сказочные образы царства, в котором текут молочные реки с кисельными берегами. В книге Исход Ветхого Завета Господь обещает Моисею, что введёт израильский народ в землю хорошую и пространную, где течёт молоко и мёд. Так реализовался древнейший архетип «инога царства», на поиски которого отправляются неудовлетворённые и обездоленные в фольклоре, литературе, в самой действительности. Загадочные подводные струи могут быть истолкованы и как великий духовный потенциал многомиллионной крестьянской

массы или сокровенные, иррациональные законы, управляющие народной жизнью.

Мотив вод воплощается и в плотно сжатых между собой каплях, из которых состоит шар-глобус, появляющийся в сновидении Пьера Безухова и представляющий модель устройства мира, вселенной. Множество капель создаёт единство, одна жизненная форма переливается в другую, индивидуальность в этом постоянном процессе растворяется, обезличивается. Содержание сна героя близко философии Платона Каратаева. «Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали её, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

– Вот жизнь, – сказал старичок учитель.

“Как это просто и ясно”, – подумал Пьер. “Как я мог не знать этого прежде”.

– В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать Его. И растёт, сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он Каратаев, вот разлился и исчез» [22, т. 12, с. 158].

В первой части эпизода произведения Толстой уподобляет историю, таинственные силы, движущие людьми, морским водам, в глубинах которых происходят непостижимые для человеческого ума процессы. Именно так описывает художник поражение «великой армии», возникшее затишье, а затем неожиданное наступление 100 дней, окончательный проигрыш Наполеона и затем умиротворение в Европе.

Семантика образа вод очень богата, что обусловлено не в последней степени его двойственной, амбивалентной природой: это начало и финал всех вещей (связь с мотивом потопа), жизнь вечная (новозаветные реки воды живой), обновление, очищение, смерть, опасность, граница, река времён – история, время человеческой жизни («В одну реку, или воду, нельзя войти дважды»), переход от одного состояния к другому, источник мудрости, сфера подсознательного.

В романе-эпопее представлен широкий спектр его значений. Мотивы водной стихии, воды-субстанции выполняют в произведении Толстого функцию мироорганизующую (процессы, происходящие с каплями вод, символизируют закономерности жизни национальной и отдельного человека по отношению к Абсолюту), психологическую, социально-этическую, сюжетообразующую. (Вода-субстанция, водная стихия находится в связи с художественным пространством и временем, а пространственно-временная категория является одним из средств развёртывания сюжетного повествования). Прослеживается связь образа вод в романе-эпопее с мифологией и фольклором. В масштабном произведении, созданном Толстым, занимает важное место мотив переправы, переходного состояния между небытием и жизнью, гибелью и спасением, победой и поражением, с которым тесно связан мотив смерти и её загадки. Река / озеро выполняют роль границы между двумя противостоящими друг другу силами, на них располагается «точка» невозврата. Образ вод в романе-эпопее символизирует исторические процессы, судьбы народов, суд Провидения, а также вечные народные чаяния обетованного «иного царства», глубинную психологию масс. Водной стихии уподобляется в «Войне и мире» неумолимое движение времени, текучесть, изменчивость сущего и человеческой жизни, психологическое состояние героев. И в то же время стоячая, загрязненная вода ассоциируется с тоской, угасанием, с танатосом, может стать местом очищения средством поругания.

Функции мотива огня в романе-эпопее «Война и мир»

В произведении Толстого присутствует мотив противоположной стихии – огня, почитаемого древнегреческим философом Гераклитом Эфесским основой всего сущего, прая элементом и, согласно учению стоиков, идентифицирующегося с Логосом, Божественным Словом; также этот образ ориентирован на эсхатологизм. Подобно

воде, огонь амбивалентен: созидает и уничтожает. Может сближаться, даже отождествляться с водой (рекой), и это объединение символизирует границу между двумя мирами¹: например, огненная река в древнерусской письменности и фольклоре отделяет тот свет от этого или рай от ада.

Мотив огня встречается в произведении Толстого реже, чем мотив воды, но его идейно-художественная роль исключительно важна. Образ огня-пожара занимает важное место в изображении осаждённого Смоленска, который вынуждена оставить русская армия. В дальнейшем кульминационного звучания мотив огненной стихии достигает при описании горящей Москвы. В первом случае огонь предстаёт разрушающей силой: в нём заключена угроза, смерть, он связан с драмой отступления, со страданиями мирного населения, с национальным бедствием. В некоторых эпизодах, связанных с драматическими событиями в Смоленске, проявляется отчаянная решимость героев, «кричит» их душа. Так, содержатель постоянного двора Ферапонтов, отдаёт на разграбление свою лавку солдатам, чтобы ничего не досталось французам: «Решилась! Россия! – крикнул он. – Алпатыч! Решилась! Сам запалю. Решилась...» [22, т. 11, с. 118]. Другой смоленский обыватель, «человек во фризовой шинели», хозяин хлебного амбара, поджигает его и наслаждается вместе с толпой буйством пламени. Но когда художник говорит о пожаре Москвы, о заре над ней, о его восприятии различными персонажами, то пожар обретает характер величайшей жертвы русского народа, обещающей возрождение. Древняя столица – феникс, восстающий из пепла [15, с. 365–388]. Облака дыма сначала чёрные, потом светлеющие, с блестками искр, быстрое, разноцветное пламя оказывают на Пьера возбуждающее действие, рожают чувство внутреннего освобождения. Так в образе огня концептуализируется эмоциональный накал, достигающий высшей степени, в ситуации, когда, по выражению

¹ См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 335 с.

С. Г. Бочарова, свобода соединяется с катарстрофой [ср.: 8, с. 35–40].

Мотив огня находит воплощение в описании костра, разложенного в лесу на привале партизанского отряда. В полузабытии Пете Ростову видится большое чёрное пятно – то ли караулка, то ли тёмная пещера, яркое пятно – догоревший костер, то ли глаз чудовища. Эти впечатления героя порождают различные ассоциации, в том числе с мифом о победе светозарного Аполлона над драконом Пифоном, хтоническим божеством, обитавшим в пещере, которого Аполлон убил своими стрелами. Грёзы героя как бы предвещают поражение тёмных сил.

Заключение

Автор-демиург создал свою художественную модель мира, онтологию и аксиологию. Все мотивы и образы произведения, в том числе вод и огня, с их богатейшими возможностями, основополагающие в мировой культуре, связаны с идеей целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума, подчинены верховной установке: «Пока есть жизнь, есть и счастье», «И нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

Языковед-русист В. В. Колесов указывал, что концепт – «это архетип культуры, первосмысл, первообраз, который постоянно возобновляет духовные запасы народной ментальности» [11, с. 19; 18, с. 192–211]¹.

Академик Д. С. Лихачев предлагал называть совокупные потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека и всего языка в целом, концептосферами. Концептосфера русского языка, созданная писателями, фольклором, демонстрирует исключительное богатство и многообразие отечественной культуры, «созданной за тысячелетие в разных сферах русского народа на огромном пространстве и в различных соотношениях с культурами других народов (через язык, искусство и др.)» [14, с. 6; 4, с. 1636–1640; 5, с. 516–520; 13, с. 49–52]. По мнению ученого, в неё входят также названия произведений, которые «через свои значения порождают концепты» [14, с. 6].

Собственная концептосфера есть и у великих произведений мировой литературы. «Совокупность потенций», абстракций высокой степени отражает своеобразие авторского мышления, жизненную философию художника, мировоззрение определённой эпохи, национальную картину мира. Концепты несут фольклорно-мифологическую информацию. В обширную область концептосферы входят константы русской и мировой культурной традиций. Среди этих взаимосвязанных ментальных единиц в романе-эпопее Толстого универсальные концепты «Вода» и «Огонь» и первенствующий – «Война и Мир».

Статья поступила в редакцию 05.10.2020.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2013. 384 с.
2. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М.: Современник, 1996. 560 с.
3. Бочаров С. Г. «Война и мир» Л. Н. Толстого // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 7–104.
4. Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. «Родина» в русской лингвокультуре // Концепт: научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54367.htm>. (дата обращения: 03.09.2020).
5. Воркачев С. Г. Аксиологическая вариативность лингвокультурного концепта // Концепт: научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85328.htm>. (дата обращения: 03.09.2020).
6. Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 годе): в 2 ч. Ч. I. М.: В типогра-

¹ В диалоге Платона «Кратил» говорится: «Сократ. ... Не кажется ли тебе, что у каждой вещи есть ещё и сущность, как есть цвет и все то, о чем мы здесь говорили? Во-первых, у самого цвета или звука нет разве какой-то сущности? Да и у всего другого, что только заслуживает наименования бытия?» (423 e) [17, т. I, с. 478].

- фии Николая Степанова, 1839. 70 с.
7. Давыдов Д. Стихотворения. Военные записки. М.: Олфеа-пресс, 1999. 542 с.
 8. Дёрина Н. В., Асташова Г. В. Функции образа огня в художественных мирах представителей русского модернизма // *Wschodnieuropejskie czasopismo naukowe*. 2017. № 1–2 (17). С. 35–40.
 9. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
 10. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М.: Наука, 1978. 344 с.
 11. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
 12. Костина-Касанелли О. С. Концепт и мотив: междисциплинарная соотнесенность понятий // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Серия: Филология. 2013. Вып. 67. № 1048. С. 59–63.
 13. Кротенко И. И. Когнитивное литературоведение, задачи и перспективы // *Wschodnieuropejskie czasopismo naukowe*. 2017. № 12–4(28). С. 49–52.
 14. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993 № 1. С. 3–9.
 15. Небольсин С. А. Пожар Москвы, яркое, играющее пламя, как явление «русского Феникса» (к восприятию войны 1812 года в европейской поэзии) // 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 365–388.
 16. Незванкина Л. К., Щемелева Л. М. Мотив // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 230.
 17. Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. 629 с.
 18. Пустовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. М., Ленанд, 2016. 272 с.
 19. Сн[егирев] Ив[ан]. Начертание жития Московского митрополита Платона: в 2 ч. Ч. II. М., 1835. 148 с.
 20. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М., ИНФРА, 2018. 164 с.
 21. Тарле Е. В. Наполеон. 2-е изд., репринт. (по изд. 1942 г.). М.: Юрайт, 2017. 467 с.
 22. Топоров В. Н. Мост // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 2008. С. 176–177.
 23. Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира: энциклопедия. в 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 2008. С. 374–376.
 24. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 312 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu*. T. 1 [Poetic views of the Slavs on nature. Vol. 1]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2013. 384 p.
2. Ashukin N. S., Ashukina M. G. *Krylatye slova* [Winged words]. Moscow, Sovremennik Publ., 1996. 560 p.
3. Bocharov S. G. «Voina i mir» L. N. Tolstogo [“War and Peace” by L. Tolstoy]. In: *Tri shedevra russkoi klassiki* [Three masterpieces of Russian classics]. Moscow, 1971, pp. 7–104.
4. Vorkachev S. G., Vorkacheva E. A. [«Rrodina» in Russian linguoculture]. In: *Koncept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept: scientific-methodical electronic journal], 2014, vol. 20. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/54367.htm> (accessed: 25.09.2020).
5. Vorkachev S. G. [Axiological variability of the linguocultural concept]. In: *Koncept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept: scientific-methodical electronic journal], 2015, vol. 13. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/85328.htm> (accessed: 25.09.2020).
6. Glinka F. *Ocherki Borodinskogo srazheniya. (Vospominaniya o 1812 gode): Ch. I* [Essays on the Battle of Borodino. (Memories of 1812). P. I]. Moscow, V tipografii Nikolaya Stepanova Publ., 1839. 70 p.
7. Davydov D. *Stikhotvoreniya. Voennye zapiski* [Poems. Military notes]. Moscow, Ollea-press Publ., 1999. 542 p.
8. Derina N. V., Astashova G. V. [Functions of the image of fire in the artistic worlds of representatives of Russian modernism]. In: *Wschodnieuropejskie czasopismo naukowe*, 2017, no. 1–2 (17), pp. 35–40.
9. Klibanov A. I. *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma* [People's social utopia in Russia. Feudal period]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 335 p.
10. Klibanov A. I. *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. XIX vek* [People's social utopia in Russia. 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 344 p.
11. Kolesov V. V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004. 240 p.

12. Kostina-Kasanelli O. S. [Concept and motive: interdisciplinary correlation of concepts]. In: *Vestnik KHar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V. N. Karazina*. [Bulletin of the Kharkiv National University named after V. Karazin. Seriya Filologiya], 2013, vol. 67, no. 1048, pp. 59–63.
13. Krotenko I. [Cognitive literary studies, tasks and perspectives]. In: *Wschodnieuropejskie czasopismo naukowe*, 2017, no. 12-4 (28), pp. 49–52.
14. Likhachev D. S. [The conceptsphere of the Russian language]. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Izvestia RAN. Series of literature and Language], 1993, no. 1, pp. 3–9.
15. Neboʻlsin S. A. [The fire of Moscow, a bright, playing flame, like the phenomenon of the “Russian Phoenix” (to the perception of the war of 1812 in European poetry)] In: *1812 god i mirovaya literatura* [1812 and world literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013, pp. 365–388.
16. Nezvankina L. K., Shchemeleva L. M. [Motive]. In: *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, pp. 230.
17. Plato. *Sobr. soch. T. I.* [Coll. cit. Vol. I]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg; Oleg Abyshko Publ., 2006. 629 p.
18. Pustovalova V. I. *Nauka o yazyke v svete ideala tsel'nogo znaniya. V poiskakh integral'nykh paradigm* [The science of language in the light of the ideal of integral knowledge. In search of integral paradigms]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 272 p.
19. Sn[egirev] Iv[an]. *Nachertanie zhitiya Moskovskogo mitropolita Platona. Ch. II* [Inscription of the life of the Moscow Metropolitan Platon. P. 2]. Moscow, 1835. 148 p.
20. Tarasova I. A. *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* [Cognitive poetics: subject, terminology, methods]. Moscow, INFRA Publ., 2018. 164 p.
21. Tarle E. V. *Napoleon* [Napoleon]. Moscow, Yurayt Publ., 2017. 467 p.
22. Toporov V. N. [Bridge]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya. T. 2* [Myths of the peoples of the world. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008, pp. 176–177.
23. Toporov V. N. [River]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya. T. 2* [Myths of the peoples of the world. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008, pp. 374–376.
24. *Tsennostrnye osnovy natsional'noi kartiny mira v russkoi literature* [The value foundations of the national picture of the world in Russian literature]. Moscow, 2019. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ирина Борисовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии Наук;
e-mail: antologia1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Pavlova –Dr. Sci. (Philology), Senior Researcher, Institute of world literature named after A. Gorky of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: antologia1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Павлова И. Б. Мотивы воды и огня в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 109–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-109-120

FOR CITATION

Pavlova I. B. Motives of Water and Fire in the Epic novel by L. Tolstoy “War and Peace”. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no 5, pp. 109–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-109-120

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-121-127

КОМПОЗИЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «БЕЛАЯ СТАЯ» А. А. АХМАТОВОЙ

Хомяков С. А.*Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова
119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 5, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Проанализировать композиционную организацию сборника стихов «Белая стая» А. А. Ахматовой и входящих в его состав стихотворений с точки зрения объединяющих элементов.

Процедура и методы. В статье рассматривается «Белая стая» как единое целое, поэтому подробному анализу подвергаются как рамочно-заголовочный комплекс, так и лексические и структурные элементы, подчёркивающие единство сборника, чем и обусловлено применение текстологического и герменевтического методов.

Результаты. Проведённый анализ показал, что рамочные элементы обладают важной временной семантикой, соотносимой с историческими событиями. Поэтому подвергаются чёткой проработке заголовочные элементы. Ахматова уменьшает – по сравнению с «Вечером» и «Чётками» – количество эмоционально-экспрессивных элементов в стихотворениях, акцент сделан на изображении события. Принцип организации стихотворений – не хронологический, а семантический, поэтому в сборнике наблюдается ряд внутренних циклов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью его использования в качестве иллюстрации одного из новых подходов к анализу книги стихов как большой формы.

Ключевые слова: книга стихов, «Белая стая», рамочный комплекс, семантика названия, композиция

COMPOSITIONAL ORGANIZATION OF THE POETRY COLLECTION "WHITE FLOCK" BY A. AKHMATOVA

S. Khomyakov*Moscow state medical and dental University. A. I. Evdokimova
5 Staromonetny pereulok, Moscow 119017, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article aims to analyze the compositional organization of the poetry collection "The White Pack" by A. Akhmatova and its constituent poems from the point of view of unifying elements.

Methodology. The White Flock is considered a single whole in the article; therefore, both the frame-heading complex and the lexical and structural elements that emphasize the unity of the collection are subjected to detailed analysis, explaining the use of the textological and hermeneutic method.

Results. The analysis showed that the framework elements have important temporal semantics correlated with historical events. Therefore, the heading elements are clearly worked out. Akhmatova reduces - compared with "Evening" and "Rosary" - the number of emotionally expressive elements in poems; the emphasis is on the event's image. The organization of poems is not chronological but semantic. Therefore several internal cycles are observed in the collection.

Research implications. The article's practical significance is due to the possibility of its use as a description of one of the new approaches to the analysis of the book of verses as a large form.

Keywords: book of poems, "The White Flock", Akhmatova, frame complex, semantics of the title, composition

Введение

Поэтические сборники Ахматовой до сих пор остаются в фокусе внимания литературоведов [6; 13; 15; 16]. Если вначале объектом анализа становились стихотворения, то постепенно книги стихов стали рассматриваться как часть большого художественного мира, в котором лирическое и эпическое уникальным образом сочетаются, или как самостоятельная форма [9]. Цель данной статьи – рассмотреть некоторые композиционные, структурные элементы, которые подчёркивают единство сборника, чего и добивалась Ахматова.

Темпоральная организация и семантика

Третья книга стихов Ахматовой вышла в 1917 г. – году пограничном и тяжёлом (война и чувство близящейся катастрофы). Не случайно, что стихотворение, которое открывает сборник, передаёт переживания лирической героини, определяя основную тематику и сюжетную линию сборника. «Белая стая» была выпущена «Гипербореем», которое уже печатало «Четки» Ахматовой. В отличие от второго поэтического сборника Ахматовой, изменено оформление титульного листа: сначала – название сборника, а уже потом фамилия автора, при этом на грамматическом уровне (родительный падеж) подчёркивается принадлежности «стихотворений» (с. 40)¹ автору. Интересно, что на обложке «Подорожника» и «Anno Domini» имя и фамилия автора стоят в именительном падеже до названия, несмотря на то, что третий и четвёртый сборники Ахматовой вышли с разницей в 4 года в одном и том же городе. Выпуск «Anno Domini» в Берлине также не сказался на оформлении сборника. Можно предположить, что в военное время название оказывалось более значимым, чем имя поэта (даже такого известного, как Ахматова).

Семантика названия сборника «Белая стая» Ахматовой подчёркивает чистоту и символичность белого цвета, который чаще всего ассоциируется с зимним вре-

менем года, в то же время обуславливает появление оппозиции «верх – низ» (небо – земля) с соответствующими мотивами и темами. Примечательно, что композиционно сборник разделён на четыре части, после которых расположена поэма «У самого моря» – произведение, отвечающее пространственно-временной организации всего сборника (в том числе на лексико-синтаксическом уровне). Располагая стихотворения не в хронологическом порядке, моделируя внутренние циклы, Ахматова только 15 стихотворениям даёт названия, но даты стоят под каждым из 83 стихотворений, вошедших в сборник. Временное соотношение приблизительно одинаково, если говорить о стихотворениях 1914–1916 гг., составивших корпус всего сборника. Поэта интересуют события недавнего прошлого. Обратимся к двум стихотворениям: первое – «Высокомерьем дух твой помрачён...», написанное 1 января 1917 г., что указано самим поэтом, а второе – с вынесенной в заглавие датой «9 декабря 1913». Именно эти два стихотворения напрямую соотносятся с любимыми стихотворениями поэта – «Все мы бражники здесь, блудницы...» и «Гость», которые написаны в первый день нового 1913 и 1914 гг. соответственно и в которых подчёркивается новогодняя тематика, а также рубежность и трагичность, когда одна эпоха сменяется новой – в этот момент время как феномен приобретает черты пространства, становясь как бы зримым.

Многие исследователи – в том числе её первый муж – отмечали, что для Ахматовой свойственно показывать и изображать, чем просто рассказывать. В «Четках» и «Белой стае» поэту дается одновременно соединять лирическое и эпическое. Такое отношение к своим произведениям говорит об Ахматовой как о филологе, поэтому в сборнике, несмотря на композиционное разделение, наблюдаются циклы, а входящие в их состав стихотворения предстают единым текстом. Справедливо и доказательно отмечают исследователи, что «Ахматова использовала разные архитектурные и семиотические принципы компоновки стихотворений» [11, с. 19]. Типология приводимых циклов

¹ Здесь и далее цитаты из сборника «Белая стая» в кн.: Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 4).

может быть различной, мы основываемся на семантическом, структурном и лексико-синтаксическом единстве нескольких соседствующих стихотворений, что позволяет определить границы циклов (христианского [12], военного, любовного, биографического [1; 4], культурного [5] и онейрического), которые оказываются помещёнными в свою собственную, ахматовскую пространственно-временную модель организации художественного мира [3]. При этом поэт, прибегая к деталям, метонимиям, «обозначает повествовательный план», «не описывая динамику событий» [10, с. 19].

Ахматова, в отличие от «Вечера» и «Четок», иначе «работает» со временем: наблюдается отход от различных темпоральных форм в пользу конкретных дат, в некоторых случаях они располагаются под стихотворениями, в других же – выносятся в заглавие. При этом в «Белой стае», как и в «Четках», обнаруживается тематическая и лексическая связь с итоговым произведением – «Поэмой без героя». Так, разделённое на две части стихотворение («Июль 1914»), в основе сюжета которого – массовое братоубийство, связано с начавшейся войной, на которую был призван Н.С. Гумилёв. Фраза «над ребятами стонут солдатики, вдовий плач по деревне звенит» (с. 107) с идеей страдания, материнского горя отсылает к «Реквиему» и последней части «Поэмы без героя». Стихотворение же «Памяти 19 июля 1914» обнаруживает появление памяти как некоего феномена, аксиологической категории, что наблюдалось во втором поэтическом сборнике.

Рамочно-заголовочные элементы

В составе названия третьего поэтического сборника, в отличие от «Вечера» (с временной семантикой) и «Чёток» (вещественная доминанта), Ахматовой использовано словосочетание, что не типично для поэта (Ср.: «Подорожник», «Anno domini», «Тростник», «Нечет», «Бег времени»), однако чётко прослеживается пространственная или временная семантика. Взятая в качестве названия сборника строка из соб-

ственного произведения, подчёркивающего личностное присутствие поэта, – «Я не знаю, ты жив или умер...» («И стихов моих белая стая» (с. 124)) позволяет поэту, как бы прибегающему к кольцевой композиции, семантически подчеркнуть единство сборника и входящих в его состав стихотворений. Если рассматривать «Белую стаю» как часть «ахматовского текста», то можно увидеть определённый художественный приём: в первых трех сборниках наблюдаются повторы на различных уровнях (семантических, лексических, композиционных), как и в «Поэме без героя», в эпиграфе к «Решке» читаем: ««In my end is my beginning»¹. Поэма «У самого моря», написанная раньше других стихотворений, помещённых в сборнике, оказывается завершающей «Белую стаю», в которой как бы «отразились» ранее расположенные стихотворения. Возможно, Ахматова подчёркивала равное наличие двух начал её творчества – лирического и эпического.

В «Белой стае» – объёмной книге – очень мало адресованных стихотворений и только в одном – строки из поэмы «Мик» Н. Гумилёва. Эпиграф как рамочный элемент моделирует самостоятельное пространство, «размывая» границы, что, вероятно, не входило в планы поэта, видевшего стихотворения самостоятельными единицами в составе книги. Это легко объяснимо: не могут оказаться в одном «пространстве» одноклассница В. Срезневская («Вместо мудрости – опытность, прекрасное...»), Михаил Лозинский («Они летят, они ещё в дороге»), покончивший жизнь самоубийством (1914) поэт В.А. Комаровский («Ответ») [18, с. 354], посещавший «Цех поэтов» и осуждавший военные действия, О.А. Кузьмина-Караваева («Побег»), Юния Анреп («Судьба ли так моя переменилась») [11], верная жена Георгия Чулкова Надежда Георгиевна Чулкова («Перед весной бывают дни такие...») [2, с. 141] – все те, кто стал адресатом стихотворений, – со своей трудной судьбой личности, заслуживающие того, чтобы о них помнили. Интересно, что в первом посвящении

¹ Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. Т.3. М., 1998. С. 164

«Поэмы без героя» Ахматова, наоборот, добивалась полисемантической (знаменитые слова Н. Я. Мандельштам о «литературной мясорубке»). Видимо, в 1940 г. они для Ахматовой, определившей приход «некалендарного двадцатого века», стали частью определённой эпохи – исторической и литературной. В известной статье «Слово о Пушкине» А. Ахматова сама выступает в роли литературоведа и называет «золотой век» «пушкинской эпохой». Для того, чтобы дать точное определение, необходима временная дистанция.

В стихотворении «Утешение» Ахматова, используя эпиграф из поэмы «Мик» (1914) Н. С. Гумилёва, соединяет два времени – личное (призыв мужа на фронт) и художественное («Там Михаил Архистратиг / Его зачислил в рать свою» (с. 106)), подчёркивая сходство помещённой в конце «Белой стаи» поэмы «У самого моря» и произведения мужа. Написанные в один год, обнаруживающие огромное сходство как в оперировании временем и пространством, так и на изображении конкретных событий, оба произведения становятся знаковыми для рубежного, можно сказать, исторического 1914 г. С мужем Ахматовой также соотносимы на семантическом уровне два стихотворения – «Молитва» (готовность поэта распрощаться со своим «песенным даром» (с. 110)) и «Памяти 19 июля 1914» (необходимость помнить события и историю – в самом широком смысле). Личное становится частью большого исторического времени, именно эти принципы – жертвенность, сохранение памяти и слова – найдут отражение в более поздних произведениях (например, в «Реквиеме», «Мужестве» и «Поэме без героя»). Не случайным оказывается интерес Ахматовой к произведениям Пушкина – поэта, не отказавшегося от друзей-декабристов и не поступившегося своими принципами.

Несмотря на незначительность по объёму эпиграфов и на наличие конкретных имён, все эти рамочные элементы выполняют отсылочную функцию. Важным оказывается не отдельный эпиграф, а их сумма, благодаря чему моделируется и расширяется художественное пространство.

Таким образом, это ещё раз указывает на целостность книги стихов как своеобразной, новой жанровой формы.

Заголовочные элементы стихотворений, составивших «Белую стаю», указывают на важные события – 1913 и 1914 гг. («9 декабря 1913», «Июль 1914», «Памяти 19 июля 1914»), как и большая часть написанных стихотворений, относится к двум вышеуказанным годам. Ахматова даёт определённую временную оценку своему поэтическому сборнику, именно поэтому отбирая конкретные стихотворения. Не случайно «Белая стая» заканчивается поэмой «У самого моря», в которой не только на лексическом и тематическом, но и организационном уровне Ахматовой удаётся подчеркнуть важность повествовательного начала над лирическим, что будет воплощено в «Поэме без героя». Интересно, что в «Белой стае» Ахматова обращается к своим произведениям как к «чужому слову», наблюдается авторефлексия.

Синтаксические и стилистические элементы

«Белая стая» предстает цельной книгой стихов с чёткой продуманной организацией благодаря различным приёмам, которые можно наблюдать в двух первых книгах стихов, благодаря чему сборник стал завершённым. Во-первых, в книге стихов мы находим *употребление однокоренных слов или лексических повторов в одной строке в следующих стихотворениях*: «Твой белый дом оставляю» (с. 79), «Вместо мудрости – опытность, пресное...» (с. 83), «Они летят, они ещё в дороге...» (с. 86), «Целый год ты со мной неразлучен...» (с. 92), «Всё мне видится Павловск холмистый...» (с. 103), «Пустых небес прозрачное стекло...» (с. 105), «Можжевелика запах сладкий...» (с. 107), «Вестей от него не получишь больше...» (с. 108), «Сколько раз я проклинала...» (с. 111), «Ни в лодке, ни в телеге...» (с. 112), «Так раненого журавля...» (с. 115). Указанный выше приём – работа Ахматовой со «словом», а не тавтология, как и *употребление однокоренных слов или форм слов в соседних строках* в следующих сти-

хотворениях: «Уединение» (с. 80); «Тяжела ты, любовная память!..» (с. 82); «Муза ушла по дороге...» (с. 85), «Под крышей промёрзшей пустого жилья...» (с. 92), «О тебе вспоминаю я редко...» (с. 101), «Все мне видится Павловск холмистый...» (с. 103), «Тот голос, с тишиной великой спора...» (с. 107) – и *употребление однокоренных слов или повторов в ряду расположенных стихотворениях*: «А! это снова ты...» (с. 84) и «Муза шла по дороге...» (с. 85), «Мы не умеем прощаться...» (с. 108) и «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» (с. 109), «Перед весной бывают дни такие...» (с. 118) и «То пятое время года...» (с. 119). При этом нужно заметить, что это черта Ахматовой, стремящейся к описательности, но старающейся сохранить мелодичность и стройность стиха [13, с. 95]. Во-вторых, для сохранения эмоционального накала, субъективного начала Ахматова прибегает к *использованию междометий и экспрессивных элементов в следующих стихотворениях* «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» (с. 81), «А! это снова ты...» (с. 84), «О, это был прохладный день...» (с. 86), при этом Ахматова может неоднократно употреблять в одном стихотворении междометия. Ещё в первых двух поэтических сборниках поэт часто использовал *стилистических средств (например, анафор)* в следующих стихотворениях, что, скорее всего, вызвано влиянием творчества Пушкина на Ахматову: «Тяжела ты, любовная память!..» (с. 82), «Я улыбаться перестала...» (с. 85), «Всё обещало мне его...» (с. 96), «Где, высокая, твой цыганёнок...» (с. 110), «Сколько раз я проклинала...» (с. 111), «Буду тихо на погосте...» (с. 116), «Я не знаю, ты жив или умер...» (с. 123) и в поэме «У самого моря» (с. 136). В-третьих, Ахматова часто прибегает к *использованию параллелизма прямого и отрицательного в следующих стихотворениях*: «Вместо мудрости – опытность, пресное...» (с. 83–84), «Как ты можешь смотреть на Неву...» (с. 91), «Не в лесу мы, довольно аукать...» (с. 95), «Подошла. Я волнения не выдал...» (с. 99), «О тебе вспоминаю я редко...» (с. 101), «Я не знаю, ты жив или умер...» (с. 123) и в поэме «У самого моря...» (с. 142), – *оксюморона в следующих стихотворениях*: «Тяжела ты,

любовная память!..» (с. 82); «Царскосельская статуя» (с. 101), «Да, я любила их, те сборища ночные...» (с. 128), частое использование *парцелляции в следующих стихотворениях*: «Песня о песне» (с. 79), «А! это снова ты...» (с. 84), «Всё отнято: и сила, и любовь...» (с. 88); «Чернеет дорога приморского сада...» (с. 94), «Подошла. Я волнения не выдал...» (с. 98); «Бессмертник сух и розов. Облака...» (с. 104). Ахматова при всей легкости стихотворений относится к поэтическому сборнику как большой форме – это достигается на мотивном и сюжетном, композиционном, лексическом и образным уровнях.

Выводы

Поэтический сборник «Белая стая» предстает в виде четко выстроенной книги стихов, или, точнее, большой формы, которая подчиняется в том числе и композиционным законам эпоса. Несмотря на единство стихотворений, входящих в поэтический сборник (мотивы, темы, образы, лексические элементы), Ахматова придает каждому рамочному элементу конкретное значение, стараясь избегать многозначности, подчеркивая достоверность события. Именно этим объясняется небольшое количество названий стихотворений сборника. По мысли поэта, каждый рамочный элемент должен выполнять конкретную функцию, нести определённое значение (не случайно появление дат в заглавиях или строки стихотворения в качестве названия сборника). В то же время рамочные компоненты сборника расширяют художественное пространство и коррелируют с миром искусства, позволяя книге стихов «впитать» в себя несколько литературных эпох. Однако Ахматова не ограничивается композицией сборника и рамочными элементами, для поэта оказывается важной организация каждого стихотворения (использование анафор, лексических повторов, параллелизма и т.д.), при этом каждое последующее стихотворение, входящее в «Белую стаю», становится как бы продолжением предыдущего.

Статья поступила в редакцию 16.06.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасенко Ю. В. Трагическое звучание поэмы А. А. Ахматовой «Реквием» // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2016. № 6. С. 33–39.
2. Бень Е. Ахматова и Чулковы // Бень Е. Не весь реестр. Москва, Орёл, 2005. С. 140–145.
3. Буракова П. В. «Виртуальное» слово художника и его функциональный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С. 126–131.
4. Бурдина С. В. Гумилёвские подтексты в поэмах А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 1. С. 79–89.
5. Бурдина С. В. Знаки мандельштамовского текста в поэме Ахматовой «Реквием» // Вестник научных конференций. 2018. № 8–2. С. 24–27.
6. Дорофеева Ю. В. Архитектоника ранних книг А. А. Ахматовой «Вечер», «Чётки», «Белая стая»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 28 с.
7. Ерохина И. Гений и злодейство: Пушкинский подтекст в ахматовском «Реквиеме» // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 198–220.
8. Кихней Л. Г. Книга «Вечер» Анны Ахматовой сквозь время: Циклические закономерности и текстологические парадоксы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 17–30.
9. Лекманов О. А. Книга стихов Анны Ахматовой «Вечер» (1912) как «большая форма» [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/Sborniki/Lesnaja%20shkola/Lekmanov/Lekmanov2010.pdf> (дата обращения: 2.09.2020).
10. Меркель Е. В., Кихней Л. Г. Ранняя лирика Ахматовой как квазироманная структура (размышления по поводу одной эйхенбаумовской рецензии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5. Ч. 1.
11. Муратов А. М. Путешествия Бориса Анрепа в пространстве и времени // Культурное пространство путешествий: материалы научного форума 8–10 апреля 2003 г. СПб., 2003. С. 229–233.
12. Ничипоров И. Б., Цзоу В. Религиозное переживание времени в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго" // Научный диалог. 2019. № 3. С. 202–213.
13. Овсянникова С. В. «Подслушать у музыки что-то...»: Анна Ахматова и её современники об архитектонике поэтических книг // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 10. Симферополь, 2012. С. 92–99.
14. Хомяков С. А. Архитектоника рамочного текста (на примере «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой) // «Litera». 2018. № 3. С. 57–68.
15. Хомяков С. А. Специфика художественного времени поэтического сборника «Вечер» А. А. Ахматовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 79–88.
16. Хомяков С. А. Специфика художественного пространства в поэтическом сборнике «Вечер» А. А. Ахматовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 157–166.
17. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 2008. 768 с.
18. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М., 2007. С. 592 с.

REFERENCES

1. Afanasenko Yu. V. [The tragic sound of A. Akhmatova]. In: *Nauchnye itogi goda: dostizheniya, proekty, gipotezy* [Scientific results of the year: achievements, projects, hypotheses], 2016, no. 6, pp. 33–39.
2. Ben' E. [Akhmatova and Chulkovs]. In: *Ne ves' reestr* [Incomplete registry]. Moscow, Eagle, 2005. pp. 140–145.
3. Burakova P. V. [The "virtual" word of the artist and its functional aspect]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2018, no. 5, pp. 126–131.
4. Burdina S. V. [Gumilevsky subtexts in the poems of Anna Akhmatova]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Bulletin. Russian and foreign philology], 2018, Vol. 10, no. 1, pp. 79–89.
5. Burdina S. V. [Signs of Mandelstam]. In: *Vestnik nauchnykh konferentsii* [Scientific conference bulletin], 2018, no. 8–2, pp. 24–27.
6. Dorofeeva Yu. V. *Arkhitonika rannikh knig A. Akhmatovoi «Veher», «CHetki», «Belaya staya»:*

- Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The architectonics of A. Akhmatova "Evening", "Rosary", "White flock": abstract of PhD Thesis in Philological sciences]. Moscow, 2011. 28 p.
7. Erokhina I. [Genius and villainy: Pushkin subtext in Akhmatov]. In: *Voprosy literatury* [Literature issues], 2016, no. 4. pp. 198–220
 8. Kikhney L. G. [The book "Evening" by Anna Akhmatova through time: Cyclic patterns and textological paradoxes]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literature Study. Journalism], 2015, no. 4, pp. 17–30.
 9. Lekmanov O.A. *Kniga stikhov Anny Akhmatovoi «Večer» (1912) kak «bol'shaya forma»* [The book of poems by Anna Akhmatova "Evening" (1912) as a "large form"]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/Sborniki/Lesnaja%20shkola/Lekmanov/Lekmanov2010.pdf>
 10. Merkel' E. V., Kikhnei L. G. [Akhmatova]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2017, no. 5. iss. 1.
 11. Muratov A. M. [Travels of Boris Anrep in the Time and Space]. In: *Kul'turnoe prostranstvo puteshestvii: materialy nauchnogo foruma 8–10 aprelya 2003 g* [Cultural travel space: Materials of the scientific forum April 8–10, 2003]. St.Petersburg., 2003. pp. 229–233
 12. Nichiporov I. B., Tszou V. [Religious experience of time in B. Pasternak]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2019, no. 3, pp. 202–213.
 13. Ovsyannikova S. V. ["To overhear something from music ...": Anna Akhmatova and her contemporaries on the architectonics of poetry books]. In: *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik. Vyp. 13* [Anna Akhmatova: era, fate, creativity: Crimean Akhmatov scientific collection]. Simferopol, 2012, pp. 92–99.
 14. Khomyakov S. A. [Architectonics of the frame text (on the example of "Poem without a Hero" by A. Akhmatova)]. In: *Litera* [Litera], 2018, no. 3, pp. 57–68.
 15. Khomyakov S. A. [The specificity of the artistic time of the poetry collection "Evening" by A. A. Akhmatova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019, no. 2, pp. 79–88.
 16. Khomyakov S. A. [The specificity of the artistic space in the poetry collection "Evening" by A. Akhmatova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019, no. 3, pp. 157–166.
 17. Chernykh V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi* [A chronicle of the life and work of Anna Akhmatova]. Moscow, 2008. 768 p.
 18. Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi* [Notes about Anna Akhmatova]. Moscow, 2007. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хомяков Сергей Александрович – кандидат филологических наук, старший преподаватель подготовительного отделения Московского медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова; e-mail: khomyakov.sergey@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Khomyakov – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Moscow medical and dental university named after A. Evdokimov; e-mail: khomyakov.sergey@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хомяков С. А. Композиционная организация поэтического сборника «Белая стая» А. А. Ахматовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 121–127.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-121-127

FOR CITATION

Khomyakov S. A. Compositional Organization of the Poetry Collection "White Flock" by A. Akhmatova. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no. 5, pp. 121–127.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-121-127

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-128-130

«ДЕЛО, ВЗЯТОЕ ИЗ ДУШИ...»: О НОВОЙ КНИГЕ ПРОФЕССОРА В. А. ВОРОПАЕВА

Бурмистрова С. В.

Московская духовная академия Русской Православной Церкви

141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Российская Федерация

Рецензия на книгу

Воропаев В. А. «Нет другой двери...: О Гоголе и не только» (М.: Белый город, 2019. 448 с.: ил.)

"A CRAFT TAKEN FROM THE SOUL ...": ABOUT THE NEW BOOK OF PROFESSOR V. VOROPAEV

S. Burmistrova

Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church

Trinity-Sergius Lavra, Moscow Region, Sergiev Posad 141300, Russian Federation

Review on the book

V. Voropaev "There is no other door ...: About Gogol and not only" (Moscow, BelyJ Gorod PUBL., 2019. 448 p.)

Изучение религиозных основ русской словесности – одно из актуальных направлений современного литературоведения. Вышедшая в 2019 г. монография ведущего отечественного гоголеведа В. А. Воропаева «Нет другой двери...: О Гоголе и не только» вносит значительный вклад в его разработку. Книга включает статьи и очерки, представляющие результаты многолетнего изучения духовной и творческой биографии писателя. Исследование отличается междисциплинарным характером: историко-литературный подход к анализу ключевых концептов мировоззренческой и эстетической системы Гоголя дополняется их религиозно-философской интерпретацией. Методологическую стратегию автора рецензируемой работы характеризует обращение к архивным материалам (письмам, дневникам, черновикам произведений), часть которых впервые вводится в научный оборот, что, несомненно, способствует уточнению и расширению современных представлений о художественном мире Гоголя, а также разрушению некоторых сложившихся в истории критической и читательской рецепции мифов о русском классике.

Собранные в монографии материалы, касающиеся различных сторон жизни и творчества писателя (религиозное воспитание в семье, общение с духовными лицами и литературным окружением, паломничество к святым местам, история создания и издания отдельных произведений и др.), складываются в единую концепцию, раскрывающую Гоголя как писателя и религиозного мыслителя, мирозерцание которого определялось христианской традицией.

Представленный в монографии анализ библейского дискурса в художественном и эпистолярном наследии Гоголя позволяет по-новому посмотреть на проблему рецепции Священного Писания в русской литературе XIX в. Данный сегмент исследования, несомненно, заинтересует не только историков, но и теоретиков литературы, поскольку опосредованно связан с вопросом о содержании понятий «библейский текст», «евангельский текст», «апостольский текст». Профессор В. А. Воропаев одним из первых в отечественной

науке обратил внимание на то, что ядром библейской семиосферы у Гоголя выступает апостольский текст (в частности, послания апостола Павла), определяющий специфику его художественного мира и жизнестроительной программы. Основополагающие гоголевские идеи 1840-х гг. (например, «внутренний человек», «странничество / страннолюбие», «слово как обоюдоострый меч» и др.), выраженные, прежде всего, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», а также в частных письмах, могут быть адекватно интерпретированы, по мнению учёного, только в контексте библейских книг, в частности, посланий апостола Павла. В отличие от зарубежных исследователей, например, немецкого слависта Р. Д. Кайля [2, р. 193–220], объяснявшего активное присутствие апостольского (и в целом библейского) текста в творчестве Гоголя воздействием на него протестантской традиции, которая практикует самостоятельное изучение Писания, В. А. Воропаев рассматривает библейскую парадигму творчества Гоголя как отражение его православного мировоззрения. Исследователь подчёркивает значимость религиозного воспитания, полученного Гоголем в семье, которая в нескольких поколениях была тесно связана с жизнью Православной Церкви. В основе духовного пути Гоголя, по мнению В. А. Воропаева, лежало стремление к тому, чтобы согласовать свою жизнь с евангельскими заповедями. Важнейшим ориентиром в процессе созидания «внутреннего человека» и жизни во Христе выступал для писателя апостол Павел и его учение.

Одно из центральных мест в биографии принадлежит разделам, в которых подробно рассматриваются вопросы, связанные с историей создания и публикации «Мёртвых душ», их критической рецепцией, особенностями поэтики. Подчёркивая полисемантическую художественную систему поэмы, В. А. Воропаев, в частности, обращает внимание на такой её пласт, который непосредственно восходит к народной культуре – пословицам, поговоркам, песням, приметам. Интересны наблюдения учёного, касающиеся смыслового по-

тенциала и идейно-композиционной роли в структуре «Мёртвых душ» пословицы «Русский человек задним умом крепок».

Несколько глав книги («Путешествие ко Гробу Господню», «Благодать видимо там присутствует», «У мощей преподобного Сергия») посвящено теме путешествий Гоголя к святым местам, разворачивающейся в своеобразный паломнический сюжет (Палестина, Оптина Пустынь, Киев, Свято-Троицкая Сергиева лавра), составляющий важную часть духовной биографии писателя. Сведения о посещении Гоголем Московской Духовной академии, почерпнутые автором из дореволюционных изданий, смогут не только удовлетворить интерес её нынешних студентов и преподавателей, но и послужить началом новой главы в изучении истории этой духовной школы и её связей с классиками русской литературы.

Широта контекста, в котором анализируется творчество Гоголя, позволяет В. А. Воропаеву сделать ряд ценных наблюдений, могущих послужить дополнением к биографиям А. С. Пушкина (глава «Поэт и Царь»), В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева и др., а также заинтересовать специалистов в области истории и философии языка. Так, лингвистическая концепция Гоголя, касающаяся вопроса о соотношении русского и церковнославянского языка, по словам исследователя, нашла «признание и развитие у лингвистов нашего времени (академик Н. И. Толстой, Е. М. Верещагин и др.)» [1, с. 440] и может стать немаловажной репликой в контексте современной дискуссии о значении церковнославянского языка в формировании русского литературного языка.

Материалы столь многоаспектного исследования, написанного ясным и увлекательным языком, несомненно, будут востребованы не только литературоведами, но также культурологами, религиоведами, и всеми, кто интересуется историей русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропаев В.А. «Нет другой двери...: О Гоголе и не только». М.: Белый город, 2019. 440 с.
2. Keil R.-D. Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate // *Festschrift für Herbert Bräuer*. Köln, Wien, 1986. P. 193–220.

REFERENCES

1. Voropaev V. A. "There is no other door...: About Gogol and not only". Moscow, Belyi gorod Publ., 2019. 440 p.
2. Keil R.-D. Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate. In: *Festschrift für Herbert Bräuer*. Köln, Wien, 1986, pp. 193–220.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурмистрова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Московской духовной академии Русской Православной Церкви;
e-mail: t-svet2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Burmistrova – Cand. of Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Philology, Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church;
e-mail: t-svet2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бурмистрова С. В. «Дело, взятое из души...»: о новой книге профессора В. А. Воропаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 128–130.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-128-130

FOR CITATION

Burmistrova S. V. "A Craft Taken from the Soul ...": About the New Book of Professor V. Voropaev. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no. 5, pp. 128–130.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-128-130

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-131-133

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЁДОРА АБРАМОВА

Щедрина Н. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF FYODOR ABRAMOV' S BIRTH

N. Shchedrina

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

«**Мощный талант**», – такую высокую оценку творчеству Фёдора Абрамова дал в своё время академик Д. С. Лихачёв. 2020 г. юбилейный для писателя.

А всё начиналось в 1954 г. со статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованной в журнале «Новый мир» и определившей направление его творчества: борьбу за землю, за хлеб насущный и духовный. Фёдор Абрамов выступил зачинателем «деревенской прозы» в конце 1950-х гг. В своём первом романе «Братья и сёстры» рассказывал о трудностях военной и послевоенной жизни, о судьбах крестьянства, о становлении русского характера во всей его противоречивости, поиске истины и справедливости.

У произведений писателя была нелёгкая судьба. Он ставил в них «неудобные» вопросы, не оглядываясь на ранги и звания тех, кому это не понравится, чем и вызвано было его открытое письмо «Чем живём-кормимся», отправленное землякам русского Севера в августе 1979 г., вызвавшее бурю негодования, за что подвергся критике и нападкам. Главное кредо Фёдора Абрамова – жить по совести, «будить, всеми силами будить в человеке Человека».

Международная научная конференция, прошедшая в Северном Арктическом федеральном университете 27–28 февраля, была посвящена 100-летию со дня его рождения и называлась она во славу его тетралогии «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков».

Форум объединил филологов из России, Германии, Белоруссии, Румынии и Венгрии.

На конференции с докладами выступили исследователи творчества Ф. А. Абрамова из Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Института русской литературы (Пушкинский дом), Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Московского государственного областного университета, Санкт-Петербургского, Саратовского, Воронежского, Вологодского, Чувашского государственных университетов и многих других высших учебных заведений. Участвовали также филологи из Иркутска, Барнаула, Мурманска, Чебоксар, Кирова, Мичуринска, Ярославля: писа-

тели, библиотекари, учителя, журналисты, студенты – и все, кому дорого творчество талантливое русского писателя.

На пленарном заседании речь шла о душевных и духовных ценностях в творческом сознании Фёдора Абрамова (А. М. Любомудров), интуиции писателя и исторической реальности (Т. И. Трошина), жанровых поисках Фёдора Абрамова в контексте литературной традиции (А. Ю. Большакова). Творчество писателя соотносилось с новой деревенской прозой (О. А. Бердникова). Философская концепция эпохи в тетралогии «Братья и сёстры» рассматривалась Н. М. Щедриной, об Абрамове как литературоведе говорила в своём докладе Н. С. Цветова, а о мифе матери-Родины – Уте Маргграфф, о «Чистой книге» Фёдора Абрамова рассказала М. Ю. Елепова. Писатель из Мурманска Д. В. Коржов раскрыл взаимоотношения Фёдора Абрамова и Виталия Маслова.

Проходила работа по секциям: «Творчество Фёдора Абрамова в контексте литературного процесса XX – начала XXI века», «Традиционализм в русской литературе XX века и характер его присутствия в современном литературном процессе», «Язык прозы и публицистики Фёдора Абрамова», «Фёдор Абрамов в школьном и вузовском изучении. Топос детства в творчестве писателя» и «Переводы произведений Фёдора Абрамова на языки мира». Исследователи рассматривали толстовские традиции и проблемы эпопейности в прозе писателя, мифопоэтику и образ Севера (А. Г. Маслова, Е. Ш. Галимова, А. В. Давыдова, М. В. Никитина). Творчество Фёдора Абрамова было вписано в широкий контекст литературы второй половины XX века М. М. Голубковым, П. А. Гончаровым, О. В. Богдановой, А. И. Куляпиным. Проблемными были доклады по языку прозы Ф. Абрамова (Т. А. Сидоровой, А. В. Петрова, Н. А. Жигулиной, Н. В. Марковой и др.). Рассматривались вопросы преподавания творчества писателя в школьном и вузовском изучении Е. Ю. Ваенской, М. С. Костюхиной, Т. А. Лариной и др.

Участники секции № 5 вели разговор о проблемах перевода произведений Фёдора Абрамова на немецкий, английский, французский и другие языки (А. М. Поликарпов, Н. В. Боровикова, А. С. Епимахова, Е. С. Коканова, Ж. Е. Гостева и др.).

Яркими и содержательными были выступления преподавателей Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова А. В. Петрова, Т. И. Трошиной, Г. А. Неверович, А. В. Давыдовой. Шла речь о взаимоотношениях Ф. А. Абрамова и Н. К. Жернакова, исторических событиях, описанных автором в неоконченном романе «Чистая книга», образе Севера в записных книжках Фёдора Абрамова. К записным книжкам писателя обратилась также М. В. Никитина в докладе «Традиция как художественный код в прозе Ф. А. Абрамова».

Затрагивались взаимоотношения Фёдора Абрамова с Николаем Рубцовым, Василием Беловым и Александром Яшиным.

Во многих выступлениях участников конференции отмечалось, что Ф. А. Абрамов является представителем прозы, которая передала трагизм крестьянства и русской деревни в 1930–1960-е гг., что он воскресил традицию классической литературы после сталинского и большевистского лихолетья, из-под глыб стал извлекать тысячелетние ценности отечественной культуры, её историю, её язык, её духовные ценности. Тетралогия «Братья и сёстры» открыла историческую и историософскую тенденцию анализа судеб нашего народа.

В Архангельской области бережно хранят память об этом удивительном человеке. В деревне Веркола создан литературно-мемориальный музей Ф. А. Абрамова, в рамках гранта Президента Российской Федерации с 2014 г. функционирует кабинет писателя в Архангельской областной научной библиотеке имени Н. А. Добролюбова, его именем названы школы, библиотеки, улицы, проводятся научные, образовательные и культурно-просветительские мероприятия.

В день открытия конференции в театре драмы имени М. В. Ломоносова прошёл торжественный вечер, посвящённый 100-летию писателя, состоялось вручение премии имени Фёдора Абрамова «Чистая книга». В номинации «Современная проза» премии присуждены присутствующим Владимиру Личутину за роман «В ожидании Бога» и Дмитрию Новикову за роман «Голомяное пламя».

Обладателем премии в номинации «Литературная критика» стал Андрей Рудалёв за книгу «Четыре выстрела: писатели нового тысячелетия».

Специальной премии «За вклад в развитие северной литературы» удостоен писатель Владислав Попов, особой премией «За вклад в изучение и пропаганду творчества Фёдора Абрамова» награждена литературовед, исследователь и организатор форума Елена Шамильевна Галимова.

29 февраля 2020 г. отметили столетие Фёдора Абрамова в селе Веркола. Родная деревня, где родился писатель, находится от Архангельска на расстоянии более 300 км. Этот путь преодолели все желающие, кто хотел поклониться писателю в день его

рождения. В зимний ветреный морозный день двигались люди к дому, который писатель срубил на высоком угоре Пинеги, к могиле Абрамова, находящейся рядом. В длинной колонне шли представители Архангельской администрации, земляки, родственники, друзья и просто верные читатели Фёдора Александровича, а также участники Веркольского народного хора, которому в этом году исполняется 45 лет. Звучали народные песнопения, которые любил Фёдор Абрамов. Коллектив бережно сохраняет не только традиции пинежского пения, но и память о своём земляке.

Сохраняет эту память и дом с конём на крыше, недавно отреставрированный, расположенный напротив жилища писателя. В таких больших северных домах с коньками под крышами просторно жилось не одному поколению крестьянских семей. Сегодня они символ возрождающейся в России памяти о прошлом, как и стоящие на железных ходулях на сельской площади Верколы деревянные кони, устремленные в небо.

Поездка в Верколу перенастраивает внутренний мир человека.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nelli M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Russian Literature of the 20th Century, Moscow Region State University;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щедрина Н. М. К 100-летию со дня рождения Фёдора Абрамова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 131–133.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-131-133

FOR CITATION

Shchedrina N. M. To The 100th Anniversary Of Fyodor Abramov's Birth. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 5, pp. 131–133.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-131-133

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2020. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор Е. В. Доценко
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,5, уч.-изд. л. 14,25.
Подписано в печать: 30.12.2020. Дата выхода в свет: 14.01.2021. Заказ 2020/12-03.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А